

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ ИМ. С. И. ВАВИЛОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

ИСТОРИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2019

Том 11

№ 2

Санкт-Петербург

Главный редактор: Э.И. Колчинский
Заместители гл. редактора: Л.Я. Боркин, А.И. Ермолаев
Отв. секретарь редакции: А.В. Самокиш

Редакционная коллегия:

Л. Акерт (*Филадельфия, США*), Д. Вайнер (*Туссон, США*), Ж. Гайон (*Париж, Франция*),
Д.В. Гельтман (*Санкт-Петербург, Россия*), О.Ю. Елина (*Москва, Россия*),
С.Г. Инге-Вечтомов (*Санкт-Петербург, Россия*), В. де Йонг-Ламберт (*Нью-Йорк, США*),
Х. Ичикава (*Хиросима, Япония*), Н.Н. Колотилова (*Москва, Россия*), Г.С. Левит
(*Кассель, Германия*), П. Муурсепп (*Таллинн, Эстония*), Ш. Мюллер-Вилле (*Эксетер,*
Великобритания), А.В. Олескин (*Москва, Россия*), С.В. Рожнов (*Москва, Россия*),
С.И. Фокин (*Пиза, Италия*), У. Хоссфельд (*Йена, Германия*)

Международный редакционный совет:

Р. Барсболд (*Улан-Батор, Монголия*), О.П. Белозеров (*Москва, Россия*), Н.П. Гончаров
(*Новосибирск, Россия*), Ж.-К. Дюпон (*Париж, Франция*), Д. Кейн (*Лондон, Великобритания*),
М.Б. Конашев (*Санкт-Петербург, Россия*), Ю.А. Лайус (*Санкт-Петербург, Россия*),
К.Г. Михайлов (*Москва, Россия*), Е.Б. Музрукова (*Москва, Россия*), Ю.В. Наточин (*Санкт-*
Петербург, Россия), В.И. Оноприенко (*Киев, Украина*), О. Риха (*Лейпциг, Германия*),
А.Ю. Розанов (*Москва, Россия*), В.О. Самойлов (*Санкт-Петербург, Россия*), И. Стамхуис
(*Амстердам, Нидерланды*), А.К. Сыгин (*Санкт-Петербург, Россия*), Р.А. Фандо (*Москва, Россия*)

Выпускающие редакторы номера: М.Б. Конашев, Б. Мартин

Зав. редакцией: С.В. Ретунская. **Секретарь редакции:** А.С. Волкова

Адрес редакции: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5, литер Б. СПбФ ИИЕТ
РАН, редакция журнала «Историко-биологические исследования»
Телефон редакции: (812) 328-47-12. Факс: (812) 328-46-67
E-mail редакции: histbiol@mail.ru **Сайт** журнала: <http://shb.nw.ru>

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории
естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук
Издатель: «Нестор-История»

Журнал основан в 2009 г. Выходит четыре раза в год. Свидетельство о перерегистрации жур-
нала ПИ № ФС 77-74990 выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых комму-
никаций, связи и охраны культурного наследия 11 февраля 2019 г.

ISSN 2076-8176 (Print)

ISSN 2500-1221 (Online)

Корректор: Н.В. Стрельникова

Оригинал-макет: С.В. Кассина

Подписано в печать ??.06.2019

Формат: 70 × 100 1/16

Усл.-печ. листов: 11,54

Тираж: 300 экз.

Заказ № 1715

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86

- © Редколлегия журнала «Историко-биологические исследования», 2019
- © Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова
Российской академии наук, 2019
- © ООО «Издательство „Нестор-История“», оформление, 2019

Russian Academy of Sciences
S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
Saint Petersburg Branch

**STUDIES IN THE HISTORY
OF BIOLOGY**

2019

Volume 11

No. 2

St Petersburg

Editor-in-Chief: Eduard I. Kolchinsky (*St Petersburg, Russia*)

Associate Editors:

Lev J. Borkin (*St Petersburg, Russia*), Andrey I. Ermolaev (*St Petersburg, Russia*)

Publishing Secretary:

Anna V. Samokish (*St Petersburg, Russia*)

Editorial Board:

Lloyd Ackert (*Philadelphia, Pennsylvania, USA*), Olga Yu. Elina (*Moscow, Russia*),
Sergei I. Fokin (*Piza, Italy*), Jean Gayon (*Paris, France*), Dmitry V. Geltman (*St Petersburg, Russia*),
Uwe Hoßfeld (*Jena, Germany*), Hiroshi Ichikawa (*Hiroshima, Japan*), Sergei G. Inge-Vechtomov
(*St Petersburg, Russia*), William de Jong-Lambert (*Columbia, USA*), Natalia N. Kolotilova
(*Moscow, Russia*), Georgy S. Levit (*Kassel, Germany*), Staffan Müller-Wille (*Exeter, Great Britain*),
Peeter Mürsepp (*Tallinn, Estonia*), Alexander V. Oleskin (*Moscow, Russia*), Sergey V. Rozhnov
(*Moscow, Russia*), Douglas Weiner (*Tucson, Arizona, USA*)

Editorial Council

Rinchen Barsbold (*Ulan-Bator, Mongolia*), Oleg P. Belozеров (*Moscow, Russia*),
Joe Cain (*London, UK*), Jean-Claude Dupont (*Paris, France*), Roman A. Fando (*Moscow, Russia*),
Nikolay P. Goncharov (*Novosibirsk, Russia*), Mikhail B. Konashev (*St Petersburg, Russia*),
Julia A. Lajus (*St Petersburg, Russia*), Kirill G. Mikhailov (*Moscow, Russia*),
Elena B. Muzrukova (*Moscow, Russia*), Yuri V. Natochin (*St Petersburg, Russia*),
Valentin I. Onoprienko (*Kiev, Ukraine*), Ortrun Riha (*Sudhoff, Germany*),
Aleksy Yu. Rozanov (*Moscow, Russia*), Vladimir O. Samoïlov (*St Petersburg, Russia*),
Ida Stamhuis (*Amsterdam, Netherlands*), Andrey K. Sytin (*St Petersburg, Russia*)

Guest editors: Mikhail Konashev, Barbara Martin

Editorial Office: Svetlana W. Retunskaya, Anastasia S. Volkova

Address: Institute of the History of Science and Technology, Universitetskaya naberezhnaya 5,
St Petersburg, 199034 Russia

Phone: (+7-812) 328-47-12; Fax: (+7-812) 328-46-67

E-mail: histbiol@mail.ru

Website: <http://shb.nw.ru>

The Journal was founded in 2009. Four issues per year are published.

Founders: S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences

Publisher: The Publishing House “Nestor-Historia”

ISSN 2076-8176 (Print)

ISSN 2500-1221 (Online)

© 2019 by Editorial Office of the Journal “Studies in the History of Biology”

© 2019 by S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences

© 2019 by Publishing House “Nestor-Historia”

СОДЕРЖАНИЕ

Contents

Предисловие выпускающих редакторов	7
Preface of guest editors	

Документы и публикации / Documents and publications

<i>Жорес А. Медведев. Эпидемия ожирения (Глава 14 из книги «Проблемы питания и долголетия»)</i>	9
<i>Zhores A. Medvedev. Epidemic of obesity (Chapter 14 of the book “Problems of Nutrition and Longevity”)</i>	
Письма советских учёных в издательство «Наука» в поддержку издания очерка Ж.А. Медведева «Биологическая наука и культ личности» (Публикация, предисловие и комментарии <i>Барбары Мартин</i>).....	20
Letters of Soviet scientists to the publishing house “Nauka” in support of the publication of Zhores Medvedev’s essay “Biology and the personality cult” (Publication, introduction and comments by Barbara Martin)	
Письма Ж.А. Медведева к Ф.Г. Добржанскому (Публикация, предисловие и комментарии <i>Михаила Б. Конашева</i>)	41
Zh.A. Medvedev’s letters to Th. Dobrzhansky (Publication, introduction and comments by <i>Mikhail B. Konashev</i>)	
Письма Ж.А. Медведева на Украину З.С. Гершензон (Публикация, предисловие и комментарии <i>Златы С. Гершензон</i>)	54
Zh.A. Medvedev’s letters to Z.S. Gershenzon in Ukraine (Publication, preface and comments by <i>Zlata S. Gershenzon</i>)	
Из семейного альбома Медведевых. Фотографии. (Публикация <i>Дмитрия Ж. Медведева, Маргариты Н. Медведевой</i>)	59
From the Medvedev’s family album. Photos. (Publication by <i>Dmitry Zh. Medvedev, Margarita N. Medvedeva</i>)	

Воспоминания и интервью / Memoirs and Interview

«100-летний юбилей Н.В. Тимофеева-Ресовского» (глава 103 из книги воспоминаний <i>Жореса А. Медведева «Опасная профессия»)</i>	63
“100-year anniversary of N.V. Timofeev-Ressovsky” (Chapter 103 of the unpublished memoirs of <i>Zhores A. Medvedev “A dangerous profession”</i>)	
«К счастью для меня, я начал свое образование в 1944 году и поэтому мог изучать классическую генетику» (Из интервью <i>Жореса А. Медведева. Геннадий В. Кузовкин, Барбара Мартин</i>)	76
“Fortunately for me, I started studying in 1944 and could therefore study classical genetics”. (Gennadii V. Kuzovkin, Barbara Martin, From an interview with Zhores A. Medvedev)	

<i>Ольга А. Коноплянникова, Галина А. Панарина. «С ним было легко, интересно и спокойно работать»</i> (воспоминания о Жоресе Александровиче Медведеве в Обнинске)	96
<i>Olga A. Konopliannikova, Galina A. Panarina. "It was easy, interesting and quiet to work with him"</i> (memoirs about Zhores Aleksandrovich Medvedev in Obninsk)	
<i>Виктор А. Драгавцев. Воспоминания о Ж.А. Медведеве</i>	99
<i>Victor A. Dragavtsev. Remembering Zh.A. Medvedev</i>	
<i>Семён Е. Резник. Мои контакты с Жоресом Медведевым</i>	102
<i>Semyon E. Reznik. My contacts with Zhores Medvedev</i>	

Ad memoriam

<i>Барбара Мартин. Жорес Александрович Медведев (14.11.1925–15.11.2018)</i>	122
<i>Barbara Martin. Zhores Aleksandrovich Medvedev (14.11.1925–15.11.2018)</i>	
<i>Анна В. Самокиш. Памяти Жана Гайона (15.06.1940–28.04.2018)</i>	126
<i>Anna V. Samokish. In the memory of Jean Gayon (15.06.1940–28.04.2018)</i>	

Рецензии и аннотации / Book Reviews

<i>Светлана П. Рудая. Владимир Амалицкий: история сенсационного открытия и его судьба спустя столетие</i>	129
<i>Svetlana P. Rudaia. Vladimir Amalitskii: the history of the sensational discovery and its fate a century later</i>	
<i>Редакция журнала «Историко-биологические исследования». С днём рождения, Сергей Георгиевич!</i>	139
<i>Editorial Office of "Studies in the History of Biology". Happy Birthday, Sergei Georgievich!</i>	
<i>Читайте в ближайших номерах журнала</i>	142
<i>Announcements</i>	

Предисловие выпускающих редакторов

15 ноября 2018 г. в Лондоне умер известный в России и за рубежом биолог Жорес Александрович Медведев. Учёный, родившийся 14 ноября 1925 г. в Тифлисе (Тбилиси), прославился не только в области геронтологии, но и прежде всего как автор широко распространявшегося в начале 1960-х гг. в самиздате очерка «Биологическая наука и культ личности», впоследствии изданного в Америке под названием «Взлет и падение Т.Д. Лысенко» (1969). К началу 1970-х гг. Медведев стал «диссидентом», весной 1970 г. принудительно подвергся лечению в психиатрической больнице в Калуге, но благодаря широкой кампании советских учёных в его защиту вскоре был освобождён. В январе 1973 г., получив годичный отпуск, Медведев приехал в Англию с женой и младшим сыном по приглашению отдела генетики Национального института медицинских исследований в Лондоне. Однако в августе того же года он был лишён советского гражданства, а в 1974 г. получил в том же институте постоянную работу. Вместе с оставшимся в Москве братом-близнецом Роем Медведевым, известным диссидентским историком, он написал и опубликовал целый ряд неординарных и смелых по тем временам исследований на запретные исторические и политические темы. В диссидентском движении Медведевы представляли «умеренное», либерально-марксистское крыло. Помимо этой политической деятельности, Жорес Медведев продолжал на Западе свою научную карьеру в области геронтологии, а также занялся исследованием последствий атомных катастроф, начиная с Кыштымской аварии 1957 г., о которой до его публикации 1979 г. ничего не было известно ни в СССР, ни на Западе, и кончая Чернобыльской трагедией. После 2000 г. главной темой его исследований стали питание и долголетие человека.

В данном номере журнала, посвящённом памяти Жореса Александровича Медведева, публикуются: последняя глава неизданной книги Медведева «Проблемы питания и долголетия»; подборка писем известных учёных в поддержку издания книги Медведева «Биологическая наука и культ личности» в 1965 г.; письма Ж.А. Медведева американскому генетику Ф.Г. Добржанскому, а также дочери С.М. Гершензона, З.С. Гершензон; воспоминания С.Е. Резника и его переписка с Ж.А. Медведевым; глава воспоминаний Ж.А. Медведева «Опасная профессия», касающаяся событий 2000–2001 гг.; интервью с Ж.А. Медведевым, взятое у него в 1984 г. немецким историком Д. Байрау; воспоминания бывших обнинских коллег Ж.А. Медведева и биолога В.А. Драгавцева о нём, а также подборка фотографий учёного из семейного альбома. В конце выпуска публикуется некролог Ж.А. Медведева на английском языке.

Все эти статьи и документы свидетельствуют о разнообразии и широте интересов и деятельности Ж.А. Медведева: он был не только крупным специалистом мирового уровня в нескольких областях науки, но и талантливым популяризатором, способным живо, доступно и точно, хорошим литературным языком донести до широкой публики сложные научные понятия и явления. Прекрасным примером этого умения одинаково понятно и кратко изложить как научные, так и историко-политические темы, является глава из его незаконченной книги об «эпидемии ожирения», охватившей прежде всего западный мир за последние десятилетия. Рискнём предположить, что именно благодаря этому таланту такой огромный успех имела книга Ж.А. Медведева о Т.Д. Лысенко. Кроме того, в публикуемых в номере воспоминаниях Ж.А. Медведев предстаёт не только как талантливый учёный с удивительной работоспособностью, но и внимательный, доброжелательный и заботливый коллега. Его переписка с С.Е. Резником, автором биографии Н.И. Вавилова, предисловие к которой Медведев написал в 2017 г., лишний раз свидетельствует об этих качествах учёного.

Жорес Александрович никогда не довольствовался одной научной карьерой, не замыкался и не спасался в «храме науки», а вместе со своим братом, Роем Медведевым, переживал за судьбу Родины и пытался сделать всё от него зависящее, чтобы у страны было лучшее настоящее и будущее. Эта сторона его деятельности получила безусловную и широкую поддержку многих советских учёных, в первую очередь биологов и физиков, документальным подтверждением чему является подборка писем советских учёных в издательство «Наука» в 1965 г. в поддержку издания его книги. Интервью с Д. Байрау подводит итог нескольким десятилетиям научной и публицистической деятельности Ж.А. Медведева до его отъезда в Англию. Наконец, глава из его воспоминаний освещает один из последних периодов жизни учёного, наполненный, как и предыдущие периоды, активной научной работой и общественно-политической деятельностью. Оценка же этой деятельности — прерогатива современных и будущих читателей журнала, научных и публицистических очерков, статей и книг учёного и советского гражданина Жореса Александровича Медведева.

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ

DOI: 10.24411/2076-8176-2019-11995

Эпидемия ожирения (Глава 14 из книги «Проблемы питания и долголетия»)

ЖОРЕС А. МЕДВЕДЕВ

В главе 14 неопубликованной книги «Проблемы питания и долголетия» Жорес А. Медведев рассматривает различные аспекты проблемы ожирения и начинает с исторических и социальных аспектов этого явления. Индустриализация подготовки продуктов питания в XX веке значительно снизила цены на продовольственные товары. В экономически развитых странах уже в 1990-х гг. появилось массовое явление переедания. Длительное переедание и сопровождавшее его массовое ожирение не могли пройти без последствий для здоровья людей. Уже в 1997 г. ВОЗ объявила о распространении эпидемии ожирения. В 2000 г. глобальная эпидемия ожирения была отнесена к числу главных факторов риска здоровью. Число очень полных или клинически ожиревших людей превысило в мире миллиард человек. Медведев показывает, насколько серьезным является ожирение как фактор риска здоровью. В то же время он отмечает, что наиболее высокая ожидаемая продолжительность жизни наблюдается у людей с «умеренным» лишним весом. Он также в отдельных параграфах детально разбирает такие стороны проблемы ожирения, как экономические последствия эпидемии ожирения, физиология ожирения, как предупреждать и лечить ожирение, какие разработаны лекарства от ожирения, и, наконец, предположение о том, что высокие цены на промышленное биотопливо могут привести к росту цен на продовольственные продукты из-за возникшей конкуренции за сельскохозяйственные земли и таким образом замедлить эпидемию ожирения.

Ключевые слова: биология, геронтология, ожирение¹.

---

¹ Резюме и ключевые слова выпускающих редакторов. — *Примеч. ред.*

Истоки эпидемии ожирения

Как я уже сообщал в предыдущей главе, существует несколько категорий для характеристики соотношений роста и веса тела человека: *худощавость (underweight)*, *норма, лишний вес (overweight)*, *ожирение (obesity)*, *сильное ожирение* и *очень сильное ожирение*. Наиболее высокая ожидаемая продолжительность жизни, по данным американских агентств страхования жизни, приходится на группу людей, мужчин и женщин, входящих в категорию «лишний вес». Некоторый избыток жировой ткани — это полезное эволюционное приспособление, существующее у всех видов млекопитающих. Оно создает механическую и тепловую защиту важных органов и всего тела (подкожная жировая клетчатка) и стратегический запас калорий, необходимый для обеспечения жизненных функций в условиях сезонных вариаций температуры среды и доступности продуктов питания.

Оптимальный резерв калорий создается у человека в 15–16 кг жира, равномерно распределённого в подкожной жировой ткани и в мышцах. Этот запасной, защитный и амортизационный жир имеет плотную консистенцию, благодаря преобладанию насыщенных жирных кислот. Дополнительные резервы жира, отложения которого возникают как сезонное приспособление, могут накапливаться в нижней части тела, не создавая проблем для передвижения, а у женщин и для беременности. Этот «сезонный запас», характерный для северных рас человека, может достигать 15–20 кг. Этот жир имеет менее плотную консистенцию, благодаря большей пропорции мононенасыщенной олеиновой жирной кислоты.

Переход людей к оседлому образу жизни в отапливаемых домах и к сельскохозяйственному производству, выдливших человека из природного биоценоза, позволил людям преодолевать трудные зимние или засушливые сезоны года запасами продовольствия, а не резервами жира в собственном теле.

Наличие избытков продовольствия, обеспечиваемых земледелием и животноводством, вело к возникновению ремесел, производств и к разделению сельскохозяйственного и городского населения. Переселение и ожирение появились именно в городах уже как социальное явление, прежде всего, среди высших слоёв рабовладельческих, а затем и феодальных обществ. Труд, до изобретения паровых машин, а затем и генераторов электроэнергии, был мускульным и обеспечивался энергией продуктов питания. Физические усилия являлись основой и воинских профессий.

Однако у тех высших слоёв общества, которые были избавлены от необходимости физического труда, пища стала приобретать дополнительные эстетические функции. Кулинария начала постепенно превращаться в искусство, обеспечивая не столько потребности в энергии, сколько стремление к вкусовым удовольствиям. Питание из простой физиологической потребности стало приобретать дополнительные социальные функции. Возникли и начали расширяться профессии поваров, кондитеров, виноделов. Появились пиры и застолья. Переход от феодального к капиталистическому обществу сопровождался возникновением ресторанов для высших слоёв общества и столовых для наёмных рабочих, а также продовольственной торговли и пищевой индустрии.

Заметный дисбаланс между производством продовольствия и потребностями населения в калориях появился около 60 лет назад, прежде всего в Северной Америке и в Европе. Физический, мускульный труд постепенно исчезал из всех отраслей экономики, включая производственные. Физиологический расход энергии людьми сни-

жался, тогда как производство сельскохозяйственной продукции продолжало расти. Традиции и привычки питания, формировавшиеся количественно и качественно в прошлые десятилетия, оставались без больших изменений. Однако между сельскохозяйственными производителями продовольственных продуктов и их городскими потребителями возникли обширные промежуточные отрасли пищевой промышленности, торговых сетей-супермаркетов и ресторанных сетей, процветание которых зависело не от удовлетворения физиологических потребностей населения, а от торговых прибылей. Важным регулятором количественного и качественного потребления продуктов питания стала реклама, насыщавшая средства массовой информации. В конце 1990-х годов только в США продовольственная индустрия расходовала миллиарды долларов на рекламу своей продукции. Конкуренция между торговыми продовольственными корпорациями и ресторанными сетями вела к увеличению порций, упаковок и расфасовок еды. Возникла новая, сначала американская, а затем и международная, очень густая и доступная система быстрой еды, "fast food", которая привлекала людей не только быстротой обслуживания, но и дешевизной своих услуг. Развивалась система доставки готовых блюд на дом ("takeaway food"). В супермаркетах появились полки для продажи готовых блюд в бутербродном, консервированном, замороженном или в обезвоженном лиофилизацией виде. Домашняя кулинария упрощалась и постепенно превращалась в хобби, а не в необходимость.

Индустриализация подготовки продуктов питания значительно снизила цены на продовольственные товары. Расходы на питание, например в Великобритании, уменьшились к 2010 году, в среднем, до 9,3% семейного бюджета, тогда как транспортные расходы, в основном автомобильные, возросли до 13% (Encyclopedia ..., 2011, p. 725).

В экономически развитых странах уже в 1990-х гг. появилось явление переедания. По данным, суммируемым Мировым институтом ресурсов, в 2003 г. на первом месте по объему переедания, 3774 ккал в день на каждого жителя, или 143% от рекомендуемого ВОЗ уровня, находились США. Второе место (3741 ккал) принадлежало Португалии. На третьем месте оказалась Греция, за ней с 3654 ккал следовала Франция. В России, по данным этого института, потребление продуктов питания составляло 3118 ккал в день на каждого жителя (Earth ..., 2010). Потребление продовольствия продолжало оставаться на высоком уровне и в последующие годы. К 2013 г. США лидировали с уровнем в 3756 ккал в день на человека. В России уровень потребления повысился незначительно, достигнув 3250 ккал в день. В число стран со значительным превышением рекомендуемого ВОЗ уровня калорий попали Китай и Бразилия. В Китае проблема ожирения оказалась наиболее серьезной не столько для взрослых, сколько для детей. 15% детей в Китае в 2015 г. страдали от ожирения. Это явилось следствием политики снижения прироста населения путем законодательного ограничения рождаемости одним ребенком. Индия улучшила питание своего миллиардного населения и приблизилась к уровню, рекомендуемому ВОЗ. Большинство стран Африки не смогли и к настоящему времени обеспечивать своё население достаточными объемами продуктов питания.

Длительное переедание и сопровождавшее его массовое ожирение не могли пройти без последствий для здоровья людей. Уже в 1997 году ВОЗ объявила о распространении эпидемии ожирения. В 2000 году глобальная эпидемия ожирения была отнесена к числу главных факторов риска здоровью. Число очень полных или клинически ожиревших людей превысило в мире миллиард человек (Obesity ..., 2000).

Пропорции людей с клиническим ожирением в разных странах коррелируют с цифрами по калориям, приведенным выше. Среди экономически развитых стран лишь Япония имеет в настоящее время здоровую конституцию тела своих жителей. Реальное ожирение фиксировалось в 2006 г. лишь у 2 % японцев. Это возможно является одним из важных факторов мирового первенства Японии по ожидаемой продолжительности жизни. Однако Япония также лидирует в мире по импорту продовольствия. В семейных бюджетах расходы японцев на питание составляют около 24 % (Encyclopedia ..., 2011, p. 612), превышая западноевропейские в два раза.

Лишний вес как фактор риска здоровью

Для определения разных степеней полноты людей в медицинской практике и в научной литературе используется «индекс массы тела» (“body mass index — BMI”) — вес в килограммах, разделённый на рост в метрах в квадрате.

По многочисленным данным страховых компаний, наилучшей для долголетия мужчин европейских этнических групп являлась величина индекса 24,8 для мужчин и 24,3 для женщин среднего возраста. При старении величина оптимального индекса немного смещается в сторону увеличения. Лично для меня в 2008 г. этот индекс был равен 25,1 и возрос к 2018 г. до 25,4, что находится близко к норме.

ВОЗ рассматривает величины BMI от 19 до 24,9 как оптимальные, от 25 до 29,9 — как умеренное превышение веса (“overweight”).

Индекс массы тела выше 30 означает ожирение, которое определяется как патология, создающая риск для здоровья. Индекс выше 40 свидетельствует об угрозе жизни.

В Китае, Японии и других азиатских странах определение степени ожирения устанавливается обычно не по индексу массы тела, а по размеру талии, измеряемому в сантиметрах. Нормой для мужчин считается 85 см, для женщин — 90 см. Оптимальные величины индекса массы тела варьируют для разных рас. Для африканских рас они несколько выше европейских, для азиатских ниже.

Лишний вес создает дополнительные нагрузки для суставов ног, бедер и позвоночника. При ожирении увеличивается риск остеоартрита и других болезней суставов. Дополнительная масса тела требует увеличения объема крови в циркуляции и увеличивает нагрузку на сердце и риск гипертонии и других сердечно-сосудистых заболеваний. Даже при умеренном ожирении возрастает риск заболевания инсулин-независимым диабетом 2-го типа.

По проблемам корреляции ожирения с риском различных возрастных заболеваний, включая болезнь Альцгеймера, болезнь Паркинсона и старческую деменцию, существует обширная академическая медицинская литература. Наибольший ущерб здоровью приносит ожирение, которое развивается в детском и молодом возрасте. Ожирение в среднем возрасте также сокращает ожидаемую продолжительность жизни. Ожирение в пожилом возрасте, после 60 лет, мало влияет на продолжительность жизни.

В настоящее время наиболее высокий уровень заболевания диабетом-2 (от 75 до 83 случаев на 1000 человек населения) наблюдается в США, Канаде, Испании, Португалии, Греции и Польше. По данным ВОЗ, опубликованным в 2017 году число людей с диабетом-2 возросло в мире со 108 млн в 1980 г. до 422 млн в 2014 г. (Diabetes ..., 2016).

В последнее десятилетие ожирение, особенно ожирение детей и подростков, стало серьезной проблемой в России и Белоруссии. По сообщению Министерства здравоохранения России, число людей с диагностированным ожирением увеличилось с 2011 по 2016 г. с 856 500 до 1 246 600².

Экономические последствия эпидемии ожирения

При домашней кулинарии, которая преобладала в Европе и США примерно до 1965 г., продукты питания удовлетворяли, прежде всего, физиологические потребности людей. Объем потребляемой пищи в этом случае регулируется аппетитом и чувством сытости. Излишки бывают лишь по каким-либо праздникам. Исходными компонентами при домашней кулинарии являются обычно натуральные продукты. Основой домашней кулинарии всегда были разнообразные супы, каши и компоты. «*Щи и каша — пища наша*».

При развитии и расширении пищевой промышленности в диету людей входило множество искусственно создаваемых концентрированных по калорийности компонентов и смесей, обычно с повышенным содержанием жиров и разнообразных приправ и с минимальным содержанием воды и клетчатки (“*fibre*”). В коммерческих продуктах питания обычно увеличены пропорции соли и сахара. От продажи натуральных продуктов, риса, гречки, овса, проса, яиц, рыбы, оливкового и подсолнечного масел, овощей, фруктов, орехов и многих других, торговые сети получают прибыли независимо от пищевой промышленности. Хлебопекарное дело, копчения и засолки существовали с глубокой древности. Разнообразные технические средства и энергия были необходимы для помола зерна и отжима растительных масел. Остальные процедуры составляли домашнюю обработку натуральных продуктов.

Появление ресторанной индустрии и пищевой промышленности существенно изменили характер питания людей. Все предприятия этих отраслей рассчитаны на получение прибылей. Немалое число коммерческих пищевых продуктов возникло путем разных новых комбинаций ингредиентов и предусматривает, благодаря новым вкусовым качествам, постепенное появление привычек их потребления — “*addiction*”³. Это вафли, печенье, шоколад, чипсы, кока-кола и десятки других. Значительная часть коммерческих пищевых продуктов рассчитана на их потребление не в режиме регулярного питания (завтрак, обед, ужин), а в форме закусок (“*snack*”⁴), и не за столом, а в любом режиме: стоя, при ходьбе, в транспорте, сидя перед телевизором или компьютером.

Привыкание определяется системой условных рефлексов на вкусовые, обонятельные и зрительные раздражители и даже хрустение на зубах, которые тщательно изучаются продовольственными корпорациями. Эти рефлексы намеренно создаются уже у детей — основных потребителей разнообразных чипсов. Концентрированные чипсы “*Tortilla*”, содержащие 500 ккал на 100 г, основным компонентом которых (54 %) является малоценная кукурузная мука, дефицитная по триптофану, приобретает более привлекательный вкус сыра за счёт смеси растительных масел (30 %), порошкового

² Колесов О. В России начинается эпидемия ожирения // Комсомольская правда. 2018. 7 мая. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/26826.5/3865486/>

³ Привыкание, зависимость от определенного продукта или субстанции (англ.). — *Примеч. ред.*

⁴ Легкая закуска (англ.). — *Примеч. ред.*

чеснока, порошкового лука, сыра, лактозной и мальтозной кислот, декстрозы, соли, сахара, специй, мальтодекстрина, бикарбоната натрия (сода) как регулятора кислотности, эмульсификатора E 471, моносодового глутамата, экстракта из перца. Популярными чипсы “Stackers”, основой которых является сухой картофель, содержат меньшее число компонентов, но больший процент растительных масел (34%) и имеют более высокую калорийность (540 ккал на 100 г.), но очень мало белка — 3%. Это не полноценный продукт питания. Десятки других вариантов продаваемых в Англии чипсов, чаще всего в упаковках по 160–200 г, имеют сходные составы, и ни один из них не содержит полноценных белков. Избыточные калории такой пищи используются в организме на создание излишков жира. Потребление чипсов в западных странах продолжает расти и до настоящего времени.

Технология изготовления чипсов, включающая кратковременное погружение картофельно-мучных пластинок в кипящий жидкий растительный жир с примесями, приводит к образованию вредных модификаций жирных кислот — трансжиров, а иногда и акриламидов, концентрация которых возрастает при обычно многократном использовании жира.

Происходившая в 1990–2010 гг. «глобализация» — перенос многих промышленных производств из США и ЕС в Китай, Индию и другие восточные страны с дешевой рабочей силой — привела к значительному росту в западных странах потребительской экономики и торговых сетей. В США продовольственная и сервисная индустрии составляли в 2012 г. 24% ВВП и обеспечивали работой 25,5% работоспособного населения (Encyclopedia ..., 2015, p. 752). Работа в этих системах не требует высокой квалификации и привлекает молодежь.

Американская продовольственная индустрия и супермаркеты распространились по всему миру. Вытеснение ресторанов национальной кухни сетями “fastfood” происходит во всех странах Европы.

Однако неограниченный рост потребления продовольственных продуктов, в отличие от промышленных, всё же невозможен, даже для очень богатых стран. Существует потолок, за пределами которого патологические последствия и болезни, связанные с ожирением, по своей социально-экономической цене и расходам на здравоохранение начинают превышать доходы и прибыли продовольственных корпораций. В США, по последним данным American Diabetes Association⁵, более 30 миллионов американцев имеют диабет и 84 миллиона находятся в группе риска по диабету-2. Расходы на диабет, составлявшие 247 млрд долларов в 2012 г., выросли до 327 млрд долларов в 2017 г. (Economic ..., 2018). Глобальная цена диабета в мире составляла в 2016 г. 825 млрд долларов. Опубликованные карты заболеваемости диабетом-2 показывают почти двойное преобладание женщин над мужчинами и наивысший уровень заболевания в странах ЕС, в Канаде и в Австралии (Wighton, 2016).

Экономические убытки от эпидемии ожирения не ограничиваются проблемами здоровья. Возрастающая масса тела ожиревших людей привела к сокращению вместимости стадионов, театров, концертных залов, автобусов, пассажирских самолетов. Был отменен существовавший стандарт на ширину «сидячего места». Повсеместно происходит замена прежних кресел шириной в 46 см в публичных местах, на кресла с шириной в 56 см. Вводятся новые стандарты на ширину сидений в автомобилях, автобусах, пассажирских вагонах. В больницах необходимо иметь резервы более широких

⁵ Американская диабетическая ассоциация (англ.). — *Примеч. ред.*

кроватей. Прежние установки для получения рентгеновских снимков, сканирования внутренних органов и для радиологического лечения оказались слишком узкими для пациентов с индексом массы тела выше 30. Для таких пациентов нужны особые операционные столы и новые наборы хирургических инструментов. Слой подкожного жира нередко может оказаться толще длины лезвия обычного хирургического скальпеля.

Мировой экономический кризис 2008–2012 гг. замедлил все эти негативные процессы. Они возобновились в 2013 г. и продолжают нарастать. В настоящее время (2018–2019) появляются признаки того, что ограничителем эпидемии ожирения может стать неспособность сельскохозяйственного производства на нашей планете поддерживать рост потребления продуктов питания. Природная добыча рыбы прекратила свой подъем уже в 1990 г. Рыбные фермы (“aquaculture”⁶) пока наращивают добычу, но с замедлением. Качество их продукции значительно ниже. Резервы почвенного плодородия приближаются к концу. Некоторые виды минеральных удобрений, прежде всего калийные и фосфорные, относятся к невозполняемым ресурсам.

Физиология ожирения

В природе нет таких форм ожирения, которые могли бы вызвать ограничения в способности животных передвигаться, охотиться, летать, совершать прыжки, лазать по деревьям. Для тех видов млекопитающих, у которых большие отложения жира являются видовыми признаками (киты, моржи, дельфины, тюлени, бегемоты), средой обитания является вода. Среди наземных млекопитающих, требующих запасов жира (верблюды, курдючные овцы), для жировых резервов возникают особые выросты с опорой на позвоночник. Большинство животных умеренного климата способны создавать сезонные запасы жира, расходуемого в период зимней спячки. Жир в периоды анабиоза обеспечивает животных не только энергией, но и водой. Приматы, как и первобытные люди, приспособлены к жизни в тропическом климате.

У теплокровных животных существует гормональный контроль, обеспечивающий наилучшую для выживания массу тела. Жировая или адипозная ткань, состоящая из особых клеток, *адипоцитов*, является также и эндокринным органом. Клетки жировой ткани секретируют в кровь белковые гормоны, *адипонектин* и *лептин*. Адипонектин контролирует метаболизм жирных кислот, тогда как лептин влияет на аппетит. Лептин дает сигнал в гипоталамус, отдел межзачаточного мозга, контролирующей многие первичные функции, включая чувство голода и жажды. Основной функцией гипоталамуса является регуляция постоянства внутренней среды организма. В тех случаях, когда в теле человека накапливается избыточное количество жира, в крови возрастает и концентрация лептина. Это включает те сигналы гипоталамуса, которые регулируют аппетит. Желание к потреблению пищи исчезает. Сниженный уровень лептина в крови вызывает ощущение голода и приводит к обильному питанию, сопровождающемуся накоплением запасного жира. Система лептинов является стратегической. Колебания аппетита в течение суток контролируются концентрацией глюкозы в крови, инсулином и степенью наполнения желудка. Ткани желудка также секретируют в кровь особый гормон.

⁶ Аквакультура (англ.) — *Примеч. ред.*

Существуют редкие генетические аномалии дефицита лептина, сопровождаемые постоянным чувством голода. Это ведёт к хроническому перееданию и к сильному ожирению. Внутривенные инъекции лептина успешно подавляют этот синдром. Существует, однако, и генетический «синдром нечувствительности к лептину». Этот синдром также приводит к клиническим формам ожирения (Woods, 1998).

Как предупреждать и лечить ожирение

Ожирение легче предупреждать, чем лечить. Чтобы избежать лишнего веса необходимо иметь регулярные физические нагрузки. Вызывающее особую тревогу распространение ожирения среди детей и подростков связано в большей степени не с перееданием, а с изменением стиля жизни. В последние десятилетия почти на 20 % увеличилось «школьное» время. Дети начинают школу не в 8, а в 7 лет и учатся 11–12 лет. Во многих странах сокращены сроки каникул. Удлинились периоды времени, которое дети проводят дома, возле телевизора. Урбанизация с преобладанием очень высоких домов без собственных дворов привязывает детей к их квартирам. В период моего детства, проведённого в Ленинграде, при каждом многоквартирном доме был большой двор для детских игр и спорта. Зимой вблизи домов заливались катки. На всё лето детей отправляли в пионерские лагеря. Детский возраст, в соответствии с законами природы, должен быть насыщен движениями и спортивными играми. Жилые кварталы Лондона, с невысокими семейными коттеджами с садиками и с обязательными площадками для игр и прогулок родителей с детьми дошкольного возраста (и для выгуливания собак) в каждом квартале, имеют намного лучшие условия для здоровья детей, чем жилые кварталы Парижа, Нью-Йорка, Пекина или Токио. Но редкая застройка повышает и стоимость жилой площади. Лондон самый удобный, но и самый дорогой город в Европе.

В западных странах почти 12 % общего баланса калорий в настоящее время обеспечивается сахарозой, которую в США дополняет фруктозно-глюкозный сироп, приготовляемый из кукурузы. Это слишком много. Широко распространено утоление жажды сладкими напитками.

Лечение ожирения физиологически правильно проводить постепенным уменьшением объемов и калорийности потребляемой еды, снижением пропорций концентрированных по калорийности продуктов пищевой промышленности и увеличением в диете доли овощей и фруктов. Радикальные ограничительные диеты для быстрого похудения, которые рекламируются в сотнях книг и статей, малоэффективны, так как не рассчитаны на устойчивую смену режима. При радикальных ограничительных диетах в организме распадаются не только жиры, но и часть мышечных белков и исчезает весь резервный гликоген. Поддержание нормального уровня глюкозы в крови, необходимое для работы мозга и мышц, требует углеводов. Наилучший источник глюкозы — это крахмал. Жиры в работе этих органов не участвуют. Жиры — это стратегический запас энергии. Для борьбы с ожирением следует избирательно уменьшать в диетах именно избыток жиров, но не белков. Углеводные компоненты должны потребляться в объемах, обеспечивающих энергетический обмен. Без избытка. От потребления сахара и лактозы взрослым людям можно вообще отказаться с пользой для здоровья. Фруктоза в сахаре и галактоза в лактозе организму взрослого человека не нужны. Их утилизация в обмене веществ происходит не путем быстрого окисления с выделением

энергии через аденозинтрифосфорную кислоту (АТФ), как у глюкозы, а через сложные циклы обмена, включающие много различных реакций. Существует обширная академическая литература о вредности для взрослых животных и человека галактозы и фруктозы.

Лекарства от ожирения

В коммерческой рыночной экономике борьба с ожирением неизбежно становится одной из отраслей, приносящей прибыли. Возникают особые корпорации диетического питания, в торговые сети поступает, как новый продукт, обезжиренное молоко, создаются рестораны, в которых, кроме цен разных блюд, указывается и их калорийность. Появляются клубы и общества для руководства похудением своих членов.

Один из моих американских друзей, Джереми Стоун (Jeremy Stone), создал, после отставки с поста президента Федерации американских учёных, выхода на пенсию и переезда из Вашингтона в Калифорнию, общество “The Catalytic Longevity”⁷. Члены этого общества должны поглощать все необходимые каждый день калории за один раз (calories). На мою критику Джереми отвечал:

«В доисторические времена это было нормой».

Джереми Стоун, математик и физик, начал интересоваться проблемами старения лишь в 2000 году. Я ему объяснял, что при одноразовом поглощении большого объема углеводов, часть поступающей в кровь глюкозы выводится с мочой и часть перерабатывается в жиры. Через 7–8 часов содержание глюкозы в крови упадёт до минимума.

Джереми Стоун умер в начале 2017 года в возрасте 81 года. За несколько лет до смерти у него появились признаки болезни Альцгеймера, и наша переписка прервалась. Одной из главных причин этого заболевания считается несбалансированное поступление глюкозы в мозг.

С начала 2000-х гг. фармацевтические компании начали производство и продажу лекарств от ожирения, рынок которых к настоящему времени исчисляется миллиардами долларов. Эти лекарственные препараты обычно основаны либо на подавлении аппетита через воздействие на гипоталамус, либо на инактивации липаз и некоторых других ферментов пищеварения. Человек по-прежнему может сохранять свои привычки к потреблению больших объемов жирной пищи, но она в значительной степени не усваивается и проходит транзитом.

Лекарственные препараты этого типа имеют много побочных эффектов. *Орлистат* (“*orlistat*”), ингибирующий липазы кишечника, что приводило к прохождению непереваренных жиров в толстую и затем в прямую кишку, создавал возможность неконтролируемого выхода наружу содержимого прямой кишки (faecal incontinence⁸). Его эффективность для снижения степени ожирения является невысокой (Williams, 2007). Другой распространенный препарат *римонабант*, подавлявший аппетит, был запрещён в 2008 г., так как приводил к депрессии почти четверть всех его пользователей. После нескольких неудач фармацевтических компаний, в начале 2012 г. в общей прессе появились сообщения об одобрении нового лекарства от ожирения, названного *Qnexa* (Pollack, 2012). В настоящее время этот препарат можно заказать и через Интернет.

⁷ Каталитическое долголетие (англ.) — Примеч. ред.

⁸ Фекальное недержание (англ.) — Примеч. ред.

Промышленное биотопливо — конкурент ожирения

Возраставшие с 2001 г. цены на нефть привели к тому, что к концу 2005 г. мировые цены на бензин и дизельное топливо превысили мировые цены на этиловый спирт и даже на рафинированные растительные масла, получаемые из сои, хлопка, рапса и из плодов масличной пальмы. В 2006 г. почти четверть урожая кукурузы в США перерабатывалась на спирт. Малайзия и Индонезия, основные производители пальмового масла, стали перерабатывать почти 40 % масла, получаемого из плодов, в дизельное топливо. Более ценное пальмовое масло, получаемое из семян пальм, остаётся пищевым. По программе Европейского Союза к 2020 году не менее 10 % потребностей транспорта должны обеспечиваться биотопливом. К концу 2007 г. в 56 странах работали сотни заводов по производству спирта и биодизеля (Preston, 2008).

В 2009 г. биотопливо обеспечивало около 3 % потребностей дорожного транспорта. Существуют программы увеличения этой пропорции до четверти к 2050 г. В большинстве случаев используется смесь биотоплива с бензином и керосином.

Столь быстрое развитие новой отрасли неизбежно привело к росту цен на продовольственные жиры. Эра дешёвой нефти уже закончилась. Впереди нас ждёт и окончание эры дешёвого продовольствия. Однако сокращение переедания в богатых странах будет дополняться недоеданием в бедных странах. Поглощение продовольственных калорий автомобилями пока продолжает расти. Кто победит в этой конкуренции, предсказать трудно.

References

- World Health Organization. (2016). *Global report on diabetes*. Geneva: World Health Organization.
- American Diabetes Association. (2018). Economic Cost of Diabetes in the U.S. in 2017. *Diabetes Care*, 41(5), 917–928.
- Britannica Book of the Year*. (2011). Chicago: Encyclopaedia Britannica, Inc.
- Britannica Book of the Year*. (2015). Chicago: Encyclopaedia Britannica, Inc.
- WHO Consultation on Obesity. (2000). *Obesity: preventing and managing the global epidemic*. Geneva: World Health Organization.
- Pollack, A. (2012, February 24). In: Reversal, F.D.A. Panel Endorses A Diet Pill. *International Herald Tribune*, pp. B 1.
- Preston, H. H. (2008, March 14). Hopes are high, as are hurdles, for alternative fuel. *International Herald Tribune*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2008/03/14/your-money/14iht-mbio-fuel.1.11071909.html>.
- Wighton, K. (2016, April 6). Cost of diabetes hits 825 billion dollars a year, according to new study. *Imperial College London*. Retrieved from <https://www.imperial.ac.uk/news/171619/cost-diabetes-hits-825-billion-dollars>.
- Williams, G. (2007). Orlistat over the counter has minimal effect on obesity and no substitute for a healthy lifestyle. *British Medical Journal*, 332, 1284–1290.
- Woods, S. C., Seeley, R. J., Porte, D. Jr., & Schwartz, M. W. (1998). Signals that regulate food intake and energy homeostasis. *Science*, 332, 1378–1383.

Epidemic of obesity (Chapter 14 of the book “Problems of Nutrition and Longevity”)

ZHORES MEDVEDEV

In chapter 14 of his unpublished memoirs “Problems of nutrition and longevity”, Zhores A. Medvedev examines various aspects of the problem of obesity, starting from the historical and social aspects of the phenomenon. The industrialization of food production in the XX century greatly contributed to the diminution of prices on food products. Overeating as a mass phenomenon appeared in economically developed countries already in the 1990s. Long-term overeating and the massive increase of obesity that resulted from it could not but impact human health. Already in 1997, the WHO warned about the outbreak of an epidemic of obesity. By 2000, the global epidemic of obesity had been identified as one of the main health risk factors. The number of overweight or clinically obese people exceeded one billion worldwide. Medvedev shows to what extent obesity represents a serious health risk. At the same time, he remarks that people who are “moderately” overweight have the highest life expectancy. In some paragraphs, he also examines such aspects of the problem of obesity as the economic consequences of the obesity epidemic, the physiology of obesity, how to prevent and treat obesity, which medication has been developed against obesity, and finally, the hypothesis that high prices on industrial biofuel could lead to an increase of prices on food products because of the concurrence for agricultural land, and in this way slow down the obesity epidemic.

Keywords: biology, gerontology, obesity⁹.

---

⁹The summary and keywords of publishing editors — *an editor’s note*.

Письма советских учёных в издательство «Наука» в поддержку издания очерка Ж.А. Медведева «Биологическая наука и культ личности»

(ПУБЛИКАЦИЯ, ПРЕДИСЛОВИЕ И КОММЕНТАРИИ БАРБАРЫ МАРТИН)

Фонд Пьера дю Буа, Женева, Швейцария;
Barbara.martin@graduateinstitute.ch

Впервые публикуются 18 писем выдающихся советских учёных в издательство «Наука» в поддержку публикации очерков «Биологическая наука и культ личности» Ж.А. Медведева, написанных с июля по октябрь 1965 г. После отстранения Н.С. Хрущёва от власти в 1964 г., Т.Д. Лысенко и его псевдонаучные теории лишились официального покровительства. Публикация исследования Медведева, демонстрировавшего отрицательные последствия лысенковщины, казалась в новых условиях вполне реальной. Однако несколько попыток его опубликовать, в том числе в издательстве «Наука», оказались безуспешными. Учёные, написавшие по просьбе Медведева А.М. Самсонову, главному редактору издательства, были выдающимися биологами, биохимиками и физиками, многие из них были академиками. Среди них было много учёных, с большим риском для себя выступивших в прошлом против Лысенко. В своих письмах они горячо поддерживали издание исследования Медведева, подчёркивая его своевременность и актуальность, в том числе указывая на большую путаницу представлений советских агрономов, а также преподавателей и студентов вузов о генетике и теориях Лысенко. Несмотря на высокие научные звания и степени авторов писем, они, однако, не были в силах противостоять установившемуся неблагоприятному идеологическому климату.

Ключевые слова: биология, генетика, Советский Союз, Лысенко, инакомыслие.

История несостоявшейся публикации

29 августа 1964 г., возвращаясь из отпуска, советский биолог Жорес Александрович Медведев купил в дороге единственную оставшуюся в киоске газету «Сельская жизнь» и с удивлением обнаружил в ней статью президента Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина (ВАСХНИЛ) М.А. Ольшанского «Против дезинформации и клеветы», в которой автор разоблачал распространявшуюся в то время среди учёных рукопись Медведева «Биологическая наука и культ личности». «Пришло время» для того, заключал Ольшанский, чтобы Медведев «ответил перед судом за распространение клеветы» против Т.Д. Лысенко (Медведев, 2011).

Однако Медведев не был привлечён к ответственности, и уже через три месяца, вследствие смещения Н.С. Хрущёва с поста Генерального секретаря на октябрьском Пленуме ЦК КПСС, наметился резкий поворот в оценке деятельности Т.Д. Лысенко в советской биологии, и следовательно, в оценке клеймимой им классической генетики. Как вспоминал Ж.А. Медведев, события развивались стремительно:

«Сельская жизнь» 21 октября опубликовала большую статью И.А. Рапопорта о практических и теоретических успехах классической генетики. В «Комсомольской правде» 23 октября был напечатан большой очерк Владимира Дудинцева «Нет, истина неприкосновенна», где автор романа «Не хлебом единым» — сенсации 1956-го — давал отрывок из новой книги — о генетиках, борющихся с псевдонаукой. <...> В субботу 24 октября (субботы тогда были еще рабочими днями) на совещании пропагандистов в Московском городском комитете КПСС докладчик назвал Т.Д. Лысенко лжеучёным. Президиум АН СССР 26 октября приступил к обсуждению проблемы «улучшения руководства» Институтом генетики АН, директором которого был Лысенко, а его заместителем — Н.И. Нурдин. Был поднят вопрос о снятии их с этих постов и создана комиссия АН по проверке работы данного учреждения. <...> Отправили в отставку и М.А. Ольшанского (Medvedev, 2011).

В этих новых обстоятельствах шансы опубликования рукописи Ж.А. Медведева, пользовавшейся большим успехом в самиздате, значительно возросли. Работу над этим историческим исследованием феномена «лысенковщины» и его последствий для советской биологии автор начал в 1961 г. Он советовался со многими коллегами и давал читать рукопись всем, кто мог содействовать собиранию информации, вследствие чего рукопись вскоре ушла в самиздат, распространяясь по всей стране.

Нам известно о нескольких попытках опубликовать очерк Медведева в Советском Союзе в 1965–1967 гг., когда на короткий срок открылось временное «окно» для такой публикации. В своих воспоминаниях об А.Т. Твардовском, Рой Медведев, брат-близнец Жореса, пишет о неосуществившемся проекте журнала «Нового мира» опубликовать очерк в сокращённом варианте, дискуссии о котором шли «в середине 1965 г.» (Медведев и Медведев, 2010, с. 103). Однако в то время литературный журнал уже был в тяжёлом положении: в сентябре 1965 г. в то время неопубликованный роман «В круге первом» А.И. Солженицына, за публикацию которого Твардовский боролся, был конфискован КГБ. Связь Ж.А. Медведева с Солженицыным, установившаяся после публикации статьи Ольшанского, была, наверное, известна КГБ, тем более что биолог пытался в то время организовать переезд Солженицыных в Обнинск (Медведев, 2012а).

В своих мемуарах Жорес Медведев рассказывает о более поздней инициативе, исходившей от академиков Б.Л. Астаурова¹ и В.А. Энгельгардта², которая могла бы осуществиться, если бы не изменилась политическая конъюнктура. После своего избрания в Академию наук СССР в июле 1966 г., Астауров стал активно пользоваться правом академиков создавать научные журналы. Однако его и некоторых других академиков раздражало то, что Лысенко и его последователи продолжали занимать важное место в советской биологии и вмешиваться в работу других учёных.

¹ Астауров Борис Львович (1904–1974) — советский биолог, цитогенетик, эмбриолог-экспериментатор; академик АН СССР (1966). По словам Ж. Медведева, Б.Л. Астауров был «один из наиболее уважаемых советских генетиков». Доказал роль ядра в наследовании признаков вида и разработал метод искусственного партеногенеза. Медведев был знаком с ним с 1961 г., и они дружили; он участвовал в кампании освобождения Ж. Медведева из психиатрической больницы в 1970 г. (Медведев, 2012d).

² Энгельгардт Владимир Александрович (1894–1984) — советский биохимик, специалист по молекулярной биологии, считается одним из основоположников этой специальности в СССР, участвовал в 1959 г. в основании Института радиационной и физико-химической биологии АН СССР (с 1964: Институт молекулярной биологии), который и возглавлял до конца жизни. Академик АН СССР (1953) и АМН СССР (1944), а также многих иностранных Академий наук, Герой Социалистического Труда и лауреат многочисленных премий.

В одну из таких встреч в конце 1966 года, подробностей которой я не знаю, у Астаурова и Энгельгардта возникла идея о том, что в новых условиях книга Ж.А. Медведева «Биологическая наука и культ личности» могла бы быть напечатана в издательстве Академии наук под более нейтральным названием и в разделе «История науки». Это предложение было сформулировано как докладная записка Президенту АН СССР М.В. Келдышу. Совершенно неожиданно Келдыш отнесся к идее положительно и создал своим приказом комиссию АН по этому вопросу из 12 академиков и членов-корреспондентов. Во главе комиссии был назначен академик Н.Н. Семенов, лауреат Нобелевской премии, директор Института химической физики и Вице-президент АН СССР. <...> В начале 1967 г. меня пригласили в Институт химической физики к его директору Н.Н. Семенову. <...> Семенов сообщил мне, что «Комиссия» единодушно рекомендовала мою книгу к публикации, но при условии, что я напишу заключительный «оптимистический» раздел о тех изменениях, которые произошли в советской генетике и в биологии в период 1964–1966 годов. Я с большой радостью на это согласился. В течение двух месяцев я интенсивно работал, отложив все дела. В итоге книга была дополнена Частью III «Последняя фаза дискуссии (1962–1966)», которая освещала обострение конфликтов в 1963–64 гг., падение Хрущева и Лысенко и реформы в биологии в 1965 году. <...> Новый дополненный и переработанный вариант книги пошел в издательство Академии наук с решением «Комиссии», утвержденным Президентом АН СССР. Однако автора в издательство не вызывали и подписания договора не предлагали. Подождав три месяца, я поехал в издательство. Меня принял заместитель главного редактора. Он мне объяснил, что планы издательства на 1968 и на 1969 годы уже утверждены, и рассмотрение моей рукописи в обычном порядке отложено на более поздний срок. Ускорить издание может лишь формальное постановление Президиума АН СССР. Решение Комиссии Н.Н. Семенова является рекомендательным. Оно избавляет рукопись от рецензий, но не от Главлита. Это был вежливый отказ (Медведев, 2012а).

После этого автор решил издать свою книгу за границей, под изменённым заглавием «Взлёт и падение Т.Д. Лысенко» (Medvedev, 1969). Решение об издании книги на Западе Медведев принял «без всяких колебаний», несмотря на возможные последствия (Медведев, 2012а). В начале 1969 г. он был за этот поступок уволен из Института медицинской радиобиологии в Обнинске.

Ниже впервые публикуются документы, свидетельствующие о третьей попытке издания рукописи Ж.А. Медведева в 1965 г., под изменённым заглавием «Очерки по истории биолого-агрономической дискуссии», в издательстве «Наука». В то время во главе издательства находился А.М. Самсонов³. Как раз в октябре 1965 г. под эгидой «Науки» вышла книга А.М. Некрича «1941. 22 июня»⁴, доказавшая ответственность И.В. Сталина за поражения советских войск в начале Великой Отечественной войны. За издание этой книги, впоследствии осуждённой на высшем уровне, Самсонов получил выговор, и в 1970 г. был лишён своего поста, а Некрич был исключен из КПСС (Богомолов, 2013). Вероятно, Самсонов или раздумал, или не смог добиться публикации второй крамольной книги, и издание исследования Медведева не состоялось.

³ Самсонов Александр Михайлович (1908–1992) — советский историк, академик АН СССР, доктор исторических наук, специалист по истории Второй мировой войны. С 1961 по 1970 г. возглавлял издательство АН СССР (с 1964 г. «Наука»), с 1970 г. — старший научный сотрудник Института истории АН СССР.

⁴ Некрич Александр Моисеевич (1920–1993) — советский историк, специалист по истории Второй мировой войны. После публикации книги «1941. 22 июня» в 1965 г., Некрич был исключен из КПСС. В 1976 г., лишившись возможности опубликовать свои труды в СССР, он уехал в эмиграцию и обосновался в США, где продолжил свою научную карьеру.

Увы, нам не удалось обнаружить точной информации о дискуссиях вокруг этой публикации. Тем не менее архивный фонд Роя и Жореса Медведевых в Отделе хранения документов личных собраний города Москвы (ОХДЛСМ) содержит два дела с письмами советских учёных в поддержку книги Медведева, которые публикуются впервые⁵. Из текстов писем и сопроводительных записок ясно, что авторы написали издательству (часто лично А.М. Самсонову) по просьбе самого Медведева и прислали ему копии своих писем. В этих письмах учёные горячо поддерживают издание очерков Медведева, ссылаясь не только на качество исследования и его изложения, но и на высокую целесообразность подобной публикации в данной политической обстановке. Несмотря на ниспровержение бывшего «идола» Т.Д. Лысенко и реабилитацию генетики как науки в Советском Союзе, авторы единогласно выражали сожаление об «обще[м] смятени[и] умов, посеянно[м] среди агрономов, работников высшей школы, студентов, педагогов» (Л.Я. Бляхер) и о «невообразим[ой] путаниц[е] представлений» (М.А. Леонтович). Они были уверены, что издание книги Медведева сыграло бы важную роль в опровержении этих лжеконцепций.

Как можно охарактеризовать группу учёных, поддерживавших издание книги Медведева? Они принадлежали к научной элите страны: среди авторов было пять настоящих или будущих академиков и один член-корреспондент АН СССР, в том числе двое будущих лауреатов Нобелевских премий (И.Е. Тамм и А.Д. Сахаров), один академик Академии медицинских наук СССР, и другие учёные, получившие многочисленные награды. Кроме большого числа известных биологов и биохимиков, среди авторов писем много сотрудников Физического Института АН СССР им. П.Н. Лебедева (коллектив сотрудников ФИАНа, А.Д. Сахаров, А.И. Тамм, М.А. Леонтович).

Все эти учёные отличались не только научными успехами, но и гражданским мужеством. Многие из них дружили с Медведевым, были его коллегами, или познакомились с ним после чтения его рукописи. Многие из авторов писем давно были известны своей оппозицией Т.Д. Лысенко: среди них был Д.Б. Лебедев, один из инициаторов «письма трёхсот» против Лысенко в 1955 г., и семь учёных, подписавших это письмо (В.Н. Сукачёв, Б.Л. Астауров, И.Е. Тамм, А.Д. Сахаров, М.А. Леонтович, Р.Б. Хесин и Л.Я. Бляхер). В этом письме, отправленном 297 советскими биологами и учёными смежных наук в Президиум ЦК КПСС 11 октября 1955 г., подписавшиеся критиковали научные концепции и деятельность Т.Д. Лысенко (Жимулёв и Дубинина, 2005). Ставить подпись под таким письмом было в то время далеко не безопасным делом:

каждая подпись, поставленная под письмом, которое свидетельствует об ошибочной позиции власти, вне зависимости от официального ранга ученого и занимаемой им должности для того времени была сопряжена с большой опасностью подвергнуться осуждению и гонениям со стороны партийных и государственных структур и является свидетельством личной ответственности за судьбу науки, за престиж советского государства, гражданского мужества (Жимулёв и Дубинина, 2005, с. 12).

⁵ В этих делах находились, кроме публикуемых писем, небольшое число личных писем, выражавших поддержку изданию книги (в том числе коллективное письмо сотрудников отдела физиологической цитологии Института микробиологии АН СССР (Поляков, Т. Медведева, Н. Помощников, Ж. Римская и др., всего 13 подписей), датированное 15.08.1965); самиздатский текст А. Любишева «Несколько замечаний по поводу заключительной главы Ж. Медведева о Лысенко», датированный январём 1970 г.; а также два письма в поддержку публикации статьи Медведева и Кирпичникова в журнале «Нева» в 1963 г. (см. интервью Ж.А. Медведева в настоящем выпуске, с. 90), за подписью В. Эфроимсона и Т. Веденина.

Среди авторов писем в поддержку издания книги Медведева были также учёные, ставшие впоследствии правозащитниками: кроме А.Д. Сахарова, начавшего свою диссидентскую деятельность с оппозиции избранию Н.И. Нуждина, подручника Т.Д. Лысенко, в Академию наук в 1964 г., был и А.А. Нейфах, будущий член Хельсинской правозащитной группы, и будущая яркая фигура эстонского национального движения во время «перестройки», В.А. Пальм⁶. Кроме того, несколько человек из тех, кто поддержал издание очерков Медведева, возобновил свою поддержку в весьма опасной для учёного ситуации: когда Ж.А. Медведев был насильственно помещён в психиатрическую больницу в Калуге в 1970 г. (Медведев, 2012с, 2012d).

№ 1

28 сентября 1965 г., Москва

П. Ф. Здродовский⁷

В связи с предстоящим обсуждением рукописи Ж.А. Медведева «Очерки по истории биолого-агрономической дискуссии» я позволю себе высказать горячее пожелание об опубликовании ее в печати.

Мы, медики, как и биологи вообще, тяжело переживаем отсталость нашей отечественной науки в биологии, создавшейся в результате гонения на генетику в период культа личности Сталина в угоду порочным установкам в этой области и административному волюнтаризму в науке.

История дискуссии, в ярком изложении Ж.А. Медведева, документально вскрывая причин нашей отсталости, одновременно мобилизует нашу общественность на быстрое заполнение вынужденного провала, а справедливые указания на пионерские заслуги наших биологов в подготовке успехов современной генетики несомненно воодушевят наших специалистов.

Достойное место, объективно отведенное нашему великому соотечественнику Н.И. Вавилову, в свою очередь не может остаться бесследным для успешного развития нашей биологии.

Действ[ительный] Чл[ен] АМН [Академии Медицинских Наук] СССР
Лауреат Ленинской и Государственной премий, проф[ессор],
П. Здродовский
28.09.1965.

Москва, Институт Эпидемиологии и Микробиологии АМН СССР

Отдел Хранения документов личных Собраний г. Москвы (Далее: ОХДЛСМ)
Ф. 333. Ж.А. и Р.А. Медведевы, сдаточная опись 9, условное дело 322⁸.

⁶ Пальм Виктор Алексеевич (1926–2010) — советский химик, академик Академии наук Эстонской ССР (1978), с 1960 г. — заведующий кафедрой органической химии Тартуского университета. Пальм был одним из инициаторов Народного фронта Эстонии, созданным в 1988 г. В 1989 г. он был избран народным депутатом, а также сопредседателем (вместе с Г.Х. Поповым, Ю.Н. Афанасьевым, А.Д. Сахаровым и Б.Н. Ельциным) Межрегиональной Депутатской Группы, оппозиционной фракции.

⁷ Здродовский Павел Феликсович (1890–1976) — советский микробиолог, иммунолог, эпидемиолог, изучал иммунологию бруцеллёза, эпидемиологию малярии, дифтерии, цереброспинального менингита, риккетсиозов, а также разработал методы вакцинации против столбняка, дифтерии, кишечных и других инфекций. Академик АМН СССР (1945), Герой Социалистического Труда (1970). Репрессирован при Сталине (1938–1944).

⁸ Указанные дела и описи не являются окончательными, так как фонд ещё не разобран и в него продолжают поступать новые документы.

№ 2

б.д., Москва

Б. М. Болотовский, Г. И. Мерзон, Ю. Н. Вавилов, Л.П. Котенко⁹

В этом письме мы хотели бы высказаться о необходимости опубликования «Очерков по истории биолого-агрономической дискуссии» Ж.А. Медведева, с которым нам удалось ознакомиться в рукописи.

В последнее время в печати все чаще появляются материалы, касающиеся принципиальных вопросов развития советской биологии. В качестве примера сошлемся на статьи академика Семенова («Наука и жизнь» № 4, 1965 г.), Кедрова («Новый мир» № 1, 1965 г.), Шарова («Знамя» № 4, 1965 г.). Эти статьи вызывают много откликов, оживленно обсуждаются и имеют важное значение для формирования научного биологического мировоззрения нашей молодежи.

Однако широким кругам общественности, интересующимся биологией, до настоящего времени плохо известна история развития советской биологии, которая не должна повториться. Этот пробел, по нашему мнению, во многом восполняют «Очерки» Ж.А. Медведева, в которых правдиво, полно и с материалистических позиций рассказывается о развитии биологических идей и претворении их в практику в течение нескольких последних десятилетий и дается правильная принципиальная оценка как плодотворным, там и псевдонаучным направлениям.

Достоинства книги Ж.А. Медведева заключаются еще и в том, что автор пропагандирует в ней достижения величайшей по своим возможностям науки — генетики, благодаря которой (и в этом сейчас никто не сомневается) «век биологии» сменит «век физики». В этой книге восстанавливаются хорошие имена наших замечательных биологов Н.И. Вавилова, Д.Н. Прянишникова, Н.К. Кольцова и воздается должное их научному и гражданскому подвигам.

Книга Ж.А. Медведева особенно полезна молодежи, идущей в науку, которая будет по ней учиться верить фактам, а не только авторитетам, учиться уважению к научной теории.

Отметим и тот живой интерес, который проявляют к биологическим вопросам все физики. За последние 2–3 года на общем философском методологическом семинаре физического института им. П.Н. Лебедева не раз ставились доклады о проблемах наследственности, функциях живой клетки, передаче мыслей на расстоянии, т. п. темы. В самое ближайшее время мы надеемся послушать на своем семинаре и Ж.А. Медведева.

Мы считаем, что необходимо сделать все возможное для скорейшего издания «Очерков по истории биолого-агрономической дискуссии».

С глубоким уважением,

научные сотрудники Физического института им. П.Н. Лебедева АН СССР
доктор физ.-мат. наук *Б.М. Болотовский*;
канд. физ.-мат. наук *Г.И. Мерзон*;
канд. физ.-мат. наук *Ю.Н. Вавилов*;
мл. научный сотрудник *Л.П. Котенко*

ОХДЛСМ. Ф. 333. Сд. оп. 9. У. д. 322.

⁹ Борис Михайлович Болотовский, Габриэль Израилевич Мерзон, Юрий Николаевич Вавилов, Л.П. Котенко — научные сотрудники физического института им. П.Н. Лебедева АН СССР. Ю.Н. Вавилов (1928–2018) — биолог, сын репрессированного биолога Н.И. Вавилова, доктор физических наук. К сожалению, о других авторах писем не удалось найти данных.

№ 3

4 сентября 1965 г., б. м.

*И. Е. Тамм*¹⁰

Мне стало известным, что в Вашем издательстве в настоящее время рассматривается вопрос об издании рукописи Ж.А. Медведева «Очерки по истории биолого-агрономической дискуссии». В связи с этим я хочу высказать свое твердое убеждение, что издание этой книги в высшей степени целесообразно, своевремененно и необходимо.

Прежде всего необходимо учесть, что эта книга отнюдь не посвящена общим рассуждениям, а содержит очень обширный фактический материал, тщательно отобранный из архивных документов, цитаты из постановлений, статей, публичных выступлений и документально зарегистрированных высказываний очень большого числа отдельных лиц.

Во-вторых, наряду с исключительной ценностью для истории науки, эта книга имеет первостепенное актуальное значение для нашего сельского хозяйства. Дело в том, что господствовавшая в прошлом в нашей агробологии лженаука до сих пор еще в значительной мере сохранила свои позиции в провинции, где воспитанные в духе этой науки кадры агрономов, преподавателей биологии в школах и вузах и т. д. до сих пор еще, зачастую даже совершенно искренне, верят в непререкаемость «учения» Т. Лысенко. Можно было бы привести ряд доказательств этого прискорбного факта. Поэтому насущные интересы нашей страны требуют, чтобы широким кругам читателей стала известна правда о недавнем положении в агробологии. Незамедлительное издание документальной книги Ж.А. Медведева сыграло бы в этом отношении очень большую роль.

С уважением,
Академик *Иг. Тамм*

Сопроводительная записка:

Глубокоуважаемый Жорес Александрович,

Прилагаю копию отзыва, который я отослал по указанному Вами адресу. Меня очень обрадовал, как очень хороший признак, сам факт, что всерьез ставится вопрос о напечатании (уже не на машинке!) Вашей книги.

Будем надеяться, что это действительно осуществится.

Ваш *Иг. Тамм*

4/10/65

ОХДЛСМ. Ф. 333. Сд. оп. 9. У. д. 322.

¹⁰Тамм Игорь Евгеньевич (1895–1971) — советский физик-теоретик, Лауреат Нобелевской премии по физике (1958), Герой Социалистического Труда (1954), Академик АН СССР (1953). В 1946–1949 гг. участвовал в проекте создания первой советской ядерной бомбы, затем руководил группой физиков (в том числе А.Д. Сахарова), разработавшей принципы, позволившие создать советскую термоядерную бомбу (1953).

№ 4

22 сентября 1965 г., б. м.

*С. Е. Бреслер*¹¹

До меня дошли сведения, что в издательстве «Наука» будет обсуждаться вопрос о включении в план книги Ж.А. Медведева: Очерки по истории биолого-агрономической дискуссии. Мне хотелось бы высказать свое мнение по этому вопросу, может быть оно представит для Вас некоторый интерес.

Я ознакомился с рукописью Ж.А. Медведева, и она произвела на меня исключительно благоприятное впечатление.

В свое время по нашей передовой биологической науке был нанесен страшный удар (Августовская сессия ВАСХНИЛ), от которого она до сих пор не оправилась. Может быть еще хуже был тот большой вред, который нанесли догматики практике сельского хозяйства, а также общее смятение умов, посеянное среди агрономов, работников высшей школы, студентов, педагогов. Для того, чтобы преодолеть последствия этих ошибок, необходимо прямо и ясно разъяснить их народу. Я считаю, что издание книги Ж.А. Медведева является хорошим способом решения этой задачи.

Я считаю это правильным по следующим причинам:

1. Книга написана компетентно, с настоящим знанием дела, объективно и беспристрастно. Она хорошо документирована и иллюстрирована примерами. Изложение в ней научно строгое и вместе с тем доступное.

2. Книга написана патриотически. Она проникнута настоящей озабоченностью о нашем деле, о судьбе нашей науки и сельского хозяйства. Она показывает читателю, каким огромным творческим потенциалом обладала и обладает советская биология.

3. Книга написана талантливо, читается с захватывающим интересом, безупречна по форме и языку.

Я считаю, что издательство «Наука» выполнило бы свой долг, дав свет этой нужной советскому читателю книге.

Профессор
доктор химических наук *С.Е. Бреслер*
Институт высокомолекулярных соединений Академии Наук СССР
22.09.1965 г.

ОХДЛСМ. Ф. 333. Сд. оп. 9. У. д. 322.

¹¹ Бреслер Семен Ефимович (1911–1983) — советский мультидисциплинарный учёный, доктор химических наук, специалист в области физики, биофизики и физической химии, известен своими работами о структурах и механизмах действия макромолекул биополимеров. Изучив физику полимеров, он приступил после войны к изучению структуры белков и после 1960 г. занимался изучением нуклеиновых кислот и белков, элементарных процессов мутагенеза. Основатель научной школы по молекулярной биологии, в рамках созданной им в 1976 г. кафедры биофизики Ленинградского политехнического института.

№ 5

5 сентября 1965, б. м.

*А. И. Атабекова*¹²

Рукопись Ж.А. Медведева «Очерки по истории биолого-агрономической дискуссии» представляет собой весьма ценный, документально-точный труд блестяще изложенный в сжатой и доходчивой форме.

Полагаю, что опубликование этой рукописи совершенно необходимо и своевременно.

Биологи, физики, химики, философы и прочие специалисты с нетерпением ждут выхода в свет правовой книги по истории биологической науки за последние десятилетия.

Издательству «Наука» будет выражена глубокая и искренняя признательность от множества читателей, которые достойно оценят талантливый труд учёного-биолога. С печатанием этого труда нельзя задерживаться, он заслуживает скорейшего опубликования.

Доктор сельскохозяйственных наук, профессор *А. Атабекова*

5 сентября 1965 г.

ОХДЛСМ. Ф. 333. Сд. оп. 9. У. д. 322.

№ 6

Б.д., Одесса

*И. И. Пузанов*¹³

По дошедшим до меня сведениям, в Вашем издательстве поставлен вопрос об издании широко известной рукописи Ж.А. Медведева «Куль личности и биология», под измененным заглавием, и что издательство заинтересовано узнать, как реагирует на это научная общественность. С своей стороны лично я всемерно приветствовал бы напечатание труда т. Медведева в его последнем (500 страниц) варианте. Лично я знаком лишь с первым вариантом (210 с.). Несмотря на значительный общественный и научный интерес, представляемый им, он, конечно, оставляет впечатление неполноты, т. к. он заканчивается периодом начала 60-х годов, так что в нем совершенно не отражена роль Н.С. Хрущёва в поддержании Т.Д. Лысенко и его последовательность. Менее понятно почти полное умолчание о том, что в период 1953–56 года научная общественность, особенно группировавшаяся вокруг журналов «Бюллетени МОИП» [Мос-

¹² Анаида Иосифовна Атабекова (1903–?) — советский биолог, анатом и цитолог растений, с 1930 г. — преподаватель Тимирязевской сельскохозяйственной академии, жена Николая Александровича Майсурына. Как Жорес Медведев вспоминал, Атабекова обучала его ботанической цитологии в 1945–1947 гг.: «Мой декан и друг профессор Н.А. Майсурян умер от инфаркта в 1967 г. Но мы продолжали дружить с его семьей. Жена Майсурына Анаида Иосифовна Атабекова, обучавшая меня — студента цитологии растений еще в 1945 и в 1946 гг., жила вместе с семьей сына Саши в том же квартале на территории ТСХА, в котором жили до 1963 г. и мы. Ася, жена Саши Майсурына, была в 1960–62 гг. моей аспиранткой на кафедре агрохимии ТСХА» (Медведев, 2012е). Атабекова активно помогала Медведеву при работе над книгой «Биологическая наука и культ личности» и после его отъезда на Запад она хранила архив его книги «Взлет и падение Т.Д. Лысенко».

¹³ Пузанов Иван Иванович (1885–1971) — советский зоолог, зоогеограф, доктор биологических наук, Заслуженный деятель науки УССР (1965). Специалист по Крымской и нижегородской фауны и заповедникам. С 1947 г. руководил кафедрой зоологии позвоночных Одесского университета. Последовательный борец лженаучных взглядов Т.Д. Лысенко, он автор стихов по этой теме (см. интервью Ж.А. Медведева в этом выпуске, с. 92).

ковского Общества Испытателей Природы] в Москве, «Ботанического журнала» в Ленинграде, давала достойный отпор стремлению Т.Д. Лысенко и его школы к гегемонии. Я не сомневаюсь в том, что в тексте незнакомого мне третьего, дополненного варианта, эти пробелы заполнены. Со своей стороны я готов предоставить Ж.А. Медведеву весьма интересный материал о том, как «дискуссия» отразилась на условиях работы ученых на «родине» реформаторов биологии — в Одессе, где до 4/IV с. г. генетико-селекционный институт носил название «Институт им. Лысенко».

С приветом, профессор Одесского университета, заслуженный деятель науки
И. Пузанов

ОХДЛСМ. Ф. 333. Сд. оп. 9. У. д. 322.

№ 7

б.д., б.м.

*Л. Я. Бляхер*¹⁴

Мне стало известно, что издательство «Наука» приняло к рассмотрению рукопись Книги Ж.А. Медведева «Очерки по истории биолого-агрономической дискуссии» на предмет включения ее в план редакционной подготовки.

Я имел возможность внимательно ознакомиться с этой рукописью и, как историк биологии, считаю своим правом и обязанностью высказать о ней свое мнение.

О биолого-агрономической дискуссии в Советском Союзе, начавшейся в 1936 г., в самой общей форме знают многие советские биологи, но исторический анализ этих событий в их последовательности никем до сих пор не был сделан. Молчание или — в лучшем случае (в течение последнего года) — недомолвки о них в нашей печати дают повод, особенно в зарубежной литературе, к высказываниям, оскорбляющим достоинство советской науки. Нас обвиняют в отсутствии гражданского мужества и готовности прямо сказать о характере упомянутой дискуссии и о ее последствиях. А этими последствиями была, во-первых, искусственная задержка развития целого ряда направлений научного исследования. Во-вторых, много выдающихся деятелей советской биологической и сельскохозяйственной науки было лишено возможности продолжать научную деятельность, а часть из них заплатила жизнью за право быть несогласными с антинаучными и вредными для народного хозяйства измышлениями известной группы, присвоившей себе в свое время, особенно после сессии ВАСХНИЛ 1948 г., монополию говорить от имени советской науки.

Необходимо честно и открыто, невзирая на лица, рассказать, как было дело. Для того, чтобы воссоздать историю излагаемых в книге Ж.А. Медведева событий, было необходимо детально изучить печатные источники, стенограммы и архивные материалы, относящиеся к дискуссии. Эту работу с чрезвычайной добросовестностью и глубоким пониманием существа вопросов выполнил Ж.А. Медведев.

Я полагаю, что выражу мнение всех деятелей советской биологической и сельско-хозяйственной науки, которым дорога научная истина и ненавистен произвол и администрирование в науке, если скажу, что книга Ж.А. Медведева должна быть незамедлительно издана.

¹⁴ Бляхер Леонид Яковлевич (1900–1987) — советский историк науки и эмбриолог, доктор биологических наук, член-корреспондент Международной академии историков естествознания. С 1955 по 1987 г. работал в Институте истории естествознания и техники АН СССР (с 1961 по 1976 г. заведовал сектором истории биологических наук). Специалист по вопросам эмбриогенеза.

Член-корр[еспондент] Международной академии историков естествознания, Зав[едующий] Сектором истории биологических наук Института Истории естествознания и техники АН СССР, доктор биологических наук

Профессор Л.Я. Бляхер

ОХДЛСМ. Ф. 333. Сд. оп. 9. У. д. 322.

№ 8

26 июля 1965 г., Ленинград

*Д. В. Лебедев*¹⁵

Ученый-секретарь

Ботанический институт имени В.Л. Комарова Академии Наук СССР

Ленинград 22, ул. Попова 2 Тел: В-2-15-65

26 июля 1965 г.

История советской биологии и агрономии в 30-е-60-е годы — один из наиболее драматических и в то же время поучительных эпизодов в истории науки вообще. Углублённый анализ всех процессов, приведших сначала к временному торжеству антинаучного лысенковского направления, а затем к его полному и позорному провалу, — важная задача наших историков науки. Он с большой убедительностью покажет насколько закономерным и неизбежным было торжество ленинских принципов руководства наукой, продемонстрирует силу советской науки.

Исследование Ж.А. Медведева «Очерки по истории биолого-агрономической дискуссии» основывается на огромном фактическом материале, проанализированном и обобщенном автором. Оно уже сейчас, в рукописи, хорошо известно широким кругам научной общественности и сыграло существенную роль в оздоровлении положения в биологии. Следует самым решительным образом поддержать предложение об ее скорейшей публикации, которая явится дальнейшим шагом на пути к полному возрождению нашей биологической науки.

Д.В. Лебедев

ОХДЛСМ. Ф. 333. Сд. оп. 9. У. д. 322.

№ 9

Б.д., б.м.

*А.Д. Сахаров*¹⁶

Обращаюсь к Вам, чтобы выразить свое мнение по вопросу о целесообразности публикации книги Ж.А. Медведева «Очерки по истории биолого-агрономической дискуссии». Эта книга несомненно представит большой интерес для широкого круга читателей, интересующихся

¹⁵ Лебедев Даниил Владимирович (1915–2005) — биолог, генетик, историк науки и библиограф. Работал в Ботаническом институте им. В.Л. Комарова (1946–1978), в том числе заведующим научной библиотекой, а в 1962–1978 гг. в должности учёного секретаря. В 1978–1986 гг. — старший научный сотрудник сектора истории и теории эволюционного учения Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники Академии наук.

¹⁶ Сахаров Андрей Дмитриевич (1921–1989) — советский физик, известный правозащитник, Нобелевский лауреат мира (1975), академик АН СССР. Внёс существенный вклад в проекте по изготовлению первой советской водородной бомбы. Свою позицию по отношению

советской биологией, ее достижениями и перспективами, достижениями мировой биологии, причинами и обстоятельствами тех трудностей, которые переживала советская биология на протяжении последних 25 лет. Книга Ж. Медведева основана на изучении обширного документального материала, мало известного и часто скрывавшегося от публики в недалеком прошлом, но не стремление к сенсационным разоблачениям движет автором, а необходимость понять истину о прошлом для беспрепятственного движения в будущем. Стремление к научной объективности историка не противоречит, а хорошо согласуется с принципиальной тенденциозностью автора, все симпатии которого всегда на стороне передовой мировой и советской науки, ее великих и героических представителей, подобных Н.И. Вавилову. История, тем более история науки в наш век науки, должна стать достоянием гласности. Нельзя недооценивать этого для правильной постановки научной пропаганды, преподавания, сознательной перестройки работы сельскохозяйственных учреждений, для поднятия международного авторитета советской науки. Издание книги Ж. Медведева, обладающей несомненными научными и литературными достоинствами, будет полезным вкладом в это важное для нашего народа дело.

А. Сахаров, академик

ОХДЛСМ. Ф. 333. Сд. оп. 9. У. д. 322.

№ 10

7 августа 1965 г., б.м.

В. Н. Сукачёв¹⁷

Мне стало известно, что в настоящее время поставлен вопрос о возможности напечатания рукописи Ж.А. Медведева: «Очерки по истории биолого-агрономической дискуссии». Будучи знаком с этой рукописью, я считаю очень важным, чтобы эта рукопись была издана.

В настоящее время все более и более выясняется тот огромный вред, который нанесли идеи академиков Т.Д. Лысенко и В.Р. Вильямса советской биологической науке и сельскому хозяйству. Названный труд Ж.А. Медведева, основанный на тщательном изучении большого фактического материала, даёт ясную картину истории возникновения и развития генетико-биологической и агрономической дискуссии, связанной со взглядами Т.Д. Лысенко и В.Р. Вильямса. Этот труд Ж.А. Медведева имеет не только большое историческое значение

к Лысенко Сахаров чётко выразил в 1964 г., когда он выступил против избрания Н. Нуждина, близкого сподвижника Лысенко, в Академию наук (см. Bergman, 2012, с. 105–112). Это выступление, приведшее к провалу кандидатуры Нуждина, было осуждено в статье Ольшанского в «Сельской жизни», в которой автор объяснял поступок Сахарова пагубным влиянием очерка Медведева «Биологическая наука и культ личности» (Ольшанский, 1964). Вскоре после этого Сахаров пригласил Медведева, чью рукопись он прочитал ещё в 1964 г. (Медведев, 2011). После 1968 г. Сахаров примкнул к диссидентскому движению, в том числе под влиянием Роя Медведева, чью работу «К суду истории» он упоминал в своих «Размышлениях о прогрессе, мирном сосуществовании, интеллектуальной свободе» (Сахаров, 1968). В 1973 г., однако, произошёл идеологический раскол между братьями Медведевыми и Сахаровым и их отношения в дальнейшем были неприязненными.

¹⁷ Сукачёв Владимир Николаевич (1880–1967) — советский геоботаник, лесовод, географ; член Академии наук СССР (1943); Герой Социалистического Труда (1965). Ввёл понятие «биогеоценоз» (1942) и организовал в системе Академии наук СССР Институт леса (1944), лабораторию лесоведения Академии наук СССР (1959) и лабораторию биогеоценологии при Ботаническом институте АН СССР (1965).

для понимания условий, определивших состояние биологической и агрономической наук в течении тридцатилетнего периода и задержку в их развитии у нас, он необходим для правильной оценки и современных условий развития этих наук в СССР.

С искренним приветом,
В. Сукачёв

ОХДЛСМ. Ф. 333. Сд. оп. 9. У. д. 322.

№ 11

26 августа 1965 г., Москва

А. Л. Курсанов¹⁸

Директор Института физиологии растений им. Тимирязева АН СССР

Недавно мне стало известно, что рукопись Ж.А. Медведева «Очерки по истории биолого-агрономической дискуссии» вновь обсуждается в Издательстве на предмет целесообразности ее опубликования в виде книги.

В связи с этим мне хотелось бы высказать свое отношение к данному вопросу, поскольку в последнее время мне самому пришлось довольно глубоко входить в анализ пережитого периода. Из многочисленных встреч и бесед у меня сложилось определённое мнение, что хотя упомянутый период как будто и миновал, в широких кругах советских биологов и агрономов, особенно на периферии, все же нет единой оценки, а в некоторых случаях наблюдается даже растерянность в отношении правомочности научных направлений в генетике.

Эта неясность в оценке пережитого периода догматизма питает с одной стороны оппозиционные настроения к освобождению от догматического учения, с другой же стороны заставляет противников этого направления в более резких, чем это нужно, формах оценивать деятельность известной группы лиц.

Таким образом неясность, существующая вокруг пройденного периода лишь способствует противоречиям, которым для пользы дела следовало бы уже пройти. С этой точки зрения появление книги Медведева могло бы способствовать более единодушной оценке пережитого периода, что служило бы ко всеобщему умиротворению.

Рукопись Медведева мне пришлось читать дважды. Ее первый, более ранний вариант был, как мне кажется, слишком резок и задевал (sic) ряд таких вопросов, о которых лучше бы не упоминать. В позднем варианте, который я просмотрел полгода тому назад, ненужная острота снята автором, а история периода была расширена и улучшена. Мне думается, что в таком виде или, может быть, с небольшими редакционными исправлениями, книга Ж.А. Медведева была бы полезна как подводящая итог периоду администрирования в науке, к чему наука не должна более возвращаться.

С искренним уважением,
А. Курсанов

¹⁸ Курсанов Андрей Львович (1902–1999) — советский биохимик, доктор биологических наук, Академик АН СССР (1953) и ВАСХНИЛ (1985), Герой Социалистического Труда (1969). Специалист в области физиологии растений, он занимался исследованием ферментов в растительных тканях. Основал журнал «Физиология растений».

Сопроводительное письмо:

26 августа 1965 г.

Глубокоуважаемый Жорес Александрович,
Я написал небольшое письмо Александру Михайловичу Самсонову с общей мотивировкой по интересующему Вас вопросу.
Копию этого письма посылаю Вам.

А. Курсанов

ОХДЛСМ. Ф. 333. Сд. оп. 9. У. д. 322.

№ 12
б.д., б.м.Б. Л. Астауров¹⁹

Ознакомившись с рукописью книги Ж.А. Медведева «Очерки по истории биолого-агрономической дискуссии», я нахожу, что оно обладает рядом больших достоинств.

1. Книга целиком построена на строго-документированном материале. Поэтому, как произведение, касающееся весьма важных и сложных страниц истории нашей науки, она отличается высокой точностью и объективностью. Это особенно важно потому, что рассмотренный в нем период в истории биологии и агрономии привлек внимание и получил большое, но далеко неточное и необъективное отражение за рубежом. Нет недостатка в тенденциозном и догматическом освещении затронутых в книге острых проблем и в нашей печати со стороны представителей направления, занимавшего в течение ряда лет монопольное положение в агробиологии.

2. Книга написана с превосходным пониманием научного существа проблем, служивших предметом биолого-агрономической дискуссии. Эта чисто научная сторона изложена необычайно отчетливо и доходчиво. Поэтому книга эта не только исторический трактат, хроника или летопись, но и научно-популярное освещение важнейших биологических и агрономических проблем. Она позволяет легко разобраться неспециалисту, где истина и где заблуждение в сложных и часто спорных вопросах, касающихся таких важных сюжетов биологической теории как наследственность, изменчивость, видообразование и таких вопросов практики, как роль наследственности, среды и отбора в породе-сортообразовании, принципы селекции и гибридизации, и т. п.

3. Книга проникнута чувством гражданского долга и заботы о судьбах советской биологии и зависящих от нее прогресса важнейших областей народно-хозяйственной практики. Она написана с большой честностью и принципиальностью.

4. Книга превосходна в чисто литературном отношении — блестяще написана очень хорошим, простым языком. Она читается как глубоко волнующая повесть с захватывающим интересом.

Я считаю, что книгу Ж.А. Медведева необходимо издать и что это будет иметь очень большое, положительное значение для развития нашей науки.

Чл[ен]-корр[еспондент] АН СССР,
Д[окто]р биол[огических] наук
Б.Л. Астауров

ОХДЛСМ. Ф. 333. Сд. оп. 9. У. д. 238

¹⁹См. сноска 1.

№ 13

9 октября 1965 г., Тарту

*Ч. Б. Лущик, В.А. Пальм, Ю.Я. Каазик, Р.Н. Блюм*²⁰

За последнее время советской научной общественностью сделано много для ликвидации ненормального положения, длительное время существовавшего в нашей биологической науке. Показана полная научная несостоятельность лысенковской интерпретации мичуринского учения. Однако было бы неверно думать, что с последствиями многолетней деятельности группы Лысенко уже полностью покончено. Слишком последовательно и широко насаждались эти взгляды в течение десятилетий. Нельзя не видеть того, что они пустили довольно прочные корни. Ведь не секрет, что в духе этих псевдонаучных взглядов воспитаны десятки тысяч учителей, агрономов, зоотехников, не говоря уже о поголовной дезориентации выпускников средних школ. В этих условиях совершенно необходима дальнейшая глубокая и всесторонняя критика лженаучных идеалистических концепций Лысенко и его сторонников.

Чтобы окончательно преодолеть эти концепции и, что более важно, гарантировать от их рецидивов в будущем, необходимо не только показывать противоречие этих взглядов современным научным данным (*sic*), но и раскрыть исторические корни их возникновения и показать способы и методы их внедрения.

С этой точки зрения большую ценность представляет рукопись Ж.А. Медведева «Очерки по истории биолого-агрономической дискуссии». Автор рукописи собрал большой безукоризненно точный фактический материал и подверг его тщательному научному анализу. Хорошо показано, что ненормальное положение в биологии и смежных науках сложилось благодаря использованию ненаучных методов борьбы, абсолютно чуждых принципам советской науки. Наряду с раскрытием теоретической несостоятельности взглядов группы Лысенко, автор весьма убедительно показывает огромный вред, причиненный сельскому хозяйству, а также медицине в нашей стране массовым административным внедрением необоснованных рецептов и рекомендаций.

Особенно следует подчеркнуть, что Ж.А. Медведев доказал полное несоответствие концепции Лысенко диалектическому материализму. Это тем более важно, что в течение многих лет Лысенко и его сторонники выдавали себя за единственных представителей диалектического материализма в биологии, а действительно научные идеи в биологии клеймились ими как идеалистические и метафизические.

Автор с большим уважением и любовью раскрывает благородную, самоотверженную деятельность ряда крупнейших советских ученых, смело отстаивавших в любых условиях научную истину, показавших великолепный пример служения родине и делу социализма. Страницы, посвященные этим ученым, несомненно, будут иметь большое воспитательное значение для молодого поколения научных работников.

Рукопись Ж.А. Медведева написана очень хорошим языком. Автор мастерски сочетает высокую научность содержания с публицистическим мастерством и эмоциональностью изложения. Весьма сложные научные проблемы он излагает так, что они становятся понятными для неспециалиста.

Ввиду большой научной ценности и правильной идейно-политической устремленности рукопись Ж.А. Медведева представляет большой интерес для научной общественности и массового читателя. Поэтому мы считаем необходимым в возможно короткий срок издать рукопись Ж.А. Медведева достаточно большим тиражом (*sic*).

---

²⁰ Лущик Чеслав (Tšeslav Luštšik) (р. 1928) — советский и эстонский физик. О В.А. Пальме, см. примечание 9. К сожалению, о других авторах письма не удалось найти информации.

9 октября 1965 г.
г. Тарту

Луцик Ч.Б.,
член-корреспондент АН ЭССР, доктор физико-математических наук, зав[едующий]
Сектором Института физики и астрономии АН ЭССР
Пальм В.А.,
кандидат химических наук, зав[едующий] Кафедрой органической химии
Тартуского гос[ударственного] университета
Каазик Ю.Я.,
кандидат физико-математических наук, зав[едующий] Кафедрой
вычислительной математики Тартуского гос[ударственного] университета
Блюм Р.Н.,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Тартуского гос[ударственного] университета

ОХДЛСМ. Ф. 333. Сд. оп. 9. У. д. 238.

№ 14
10 сентября 1965 г., б. м.

*М. А. Леонтович*²¹

Ознакомившись с рукописью т. МЕДВЕДЕВА, считаю нужным сообщить в издательство свое мнение.

В очерках МЕДВЕДЕВА дается краткое изложение развития генетики и ее приложений к сельскому хозяйству за последние десятилетия и параллельно с этим разбираются причины, вызвавшие отставание развития этой области в нашей стране. Книга написана специалистом-биологом в соответствии с современным положением в науке. В изложении истории вопроса автор использовал большой документальный материал.

Читателю становится ясно, что наше отставание объясняется печальными результатами «волюнтаристских» (как теперь стало принятым говорить) методов руководства наукой и ее применениями.

Много раз (уже за последние несколько месяцев) приходится убеждаться, что не только у рядовых агрономов и учителей средней школы, но и у многих работников вузов по этим вопросам существует невообразимая путаница представлений, поскольку гипноз 1948 года был очень силен и действует на этих людей до сих пор.

Изданные за последние месяцы книги по генетике, во-первых, носят специальный, строго научный характер, и для многих слишком трудны, печатавшиеся в газетах и журналах материалы часто имеют слишком общий характер. Книга же МЕДВЕДЕВА будет доступна для указанных выше категорий работников и будет, на мой взгляд, служить очень важной [ролью] для просвещения этого важного отряда.

Поэтому считаю очень важным срочное издание книги Ж.А. МЕДВЕДЕВА.

Академик М. Леонтович

10 сентября 1965

ОХДЛСМ. Ф. 333. Сд. оп. 9. У. д. 238.

---

²¹ Леонтович Михаил Андреевич (1903–1981) — советский физик, академик АН СССР (1946), специалист по физике плазмы и радиофизике. М.А. Леонтович принял участие в защиту Ж.А. Медведева против насильственной психиатрической госпитализации в 1970 г. (Медведев, 2012с).

№ 15

28 июля 1965 г., Москва

*Р. Б. Хесин*²²

Ж.А. Медведев взял на себя исключительно большой труд по сбору и обобщению материалов, относящихся к истории дискуссий по принципиально-важным вопросам биологической и агрономической наук. Рукопись, с которой я имел удовольствие ознакомиться, представляет собой результат этой важной работы.

Теперь, когда происходит критический пересмотр ряда биологических и смежных проблем, очень важно знать историю не только их изучения, но и обсуждения, историю борьбы мнений по принципиальным вопросам. Прекрасно написанная рукопись Ж.А. Медведева, в которой использованы обширные и разнообразные материалы, в значительной степени малоизвестные, дает очень широкую и глубокую картину борьбы, подчас драматической, между разными научными направлениями в биологии. Знание этой истории особенно важно потому, что оно дает возможность более прочно утвердить истинно-научные современные взгляды.

Исходя из этого, я считаю, что опубликование труда Ж.А. Медведева очень своевременно, более того — совершенно необходимо в самый короткий срок. Это облегчается тем, что, на мой взгляд, работа столь хороша и по содержанию, и по написанию, так тщательно подготовлена, что не требует сколь-нибудь значительной обработки.

Очень хотелось бы, чтобы как можно скорее научная общественность получила возможность увидеть книгу Ж.А. Медведева вышедшей в свет.

Доктор биологических наук, профессор

Р.В. Хесин, начальник сектора института атомной энергии им. И.В. Курчатова,
28.07.1965.

ОХДЛСМ. Ф. 333. Сд. оп. 9. У. д. 238.

№ 16

2 октября 1965 г., Москва

*И. Б. Збарский*²³

Книга канд[идата] биол[огических] наук Ж.А. Медведева содержит богато документированный, очень интересный исторический материал, объективно отражающий историю дискуссии по вопросам биологии на протяжении многих лет.

На ряде этапов развития советской науки стремление группы ученых монополизировать биологическую науку мешало развитию биологии в Советском Союзе, особенно в наиболее актуальных направлениях. Восстановление объективности в биологической науке в настоящее время открывает широкие перспективы для развития советской науки. Дефекты, связанные

²² Хесин-Лурье Роман Бениаминович (1922–1985) — советский биохимик и генетик, член-корреспондент АН СССР (1974). С 1959 по 1977 г. работал в Институте атомной энергии им. И.В. Курчатова.

²³ Збарский Илья Борисович (1913–2007) — советский биохимик, академик Академии медицинских наук (1986), специалист по биохимии клеточных структур, биохимии нуклеиновых кислот и белков, а также по биологии развития и биохимии опухолей. Он дружил с Медведевым и во время написания письма заведовал лабораторией биохимии Института медицинской радиологии АМН СССР в Обнинске (т. е. в Институте, где Медведев заведовал лабораторией молекулярной радиобиологии).

с неправильным преподаванием биологии в школе и в вузах, и наследие многих субъективных и ошибочных представлений требуют для их исправления длительного времени и наличия обширной современной литературы.

Книга Ж.А. Медведева окажется весьма полезной для устранения ряда ошибочных представлений, имевших место в биологии. Объективный исторический материал, содержащийся в этой книге в виде документов, протоколов заседаний и т. п., сыграет важную роль для плодотворности и объективности будущих научных дискуссий.

Книга Медведева читается с захватывающим интересом. Считаю ее опубликование весьма полезным и нужным делом.

Член-корр[еспондент] АМН СССР, профессор,
И.Б. Збарский

2 октября 1965 г.
Москва

ОХДЛСМ. Ф. 333. Сд. оп. 9. У. д. 238.

№ 17
20 сентября 1965 г., Ялта

*Н. В. Рындин*²⁴

Не имея под руками текста «Очерков», не могу дать подробную рецензию на эту рукопись, но так как я прочитал ее в 1964 году, хочу высказать общие соображения о целесообразности ее издания.

Работа Ж.А. Медведева, несомненно, представляет большой интерес. Наша широкая общественность в какой-то мере ознакомилась с дискуссией в области биологии по газетным и журнальным статьям, напечатанным в основном в газете «Комсомольская правда». Эти статьи, однако, освещают только некоторые стороны вопроса. Рукопись Медведева, основанная на строго проверенных документальных данных, излагает последовательно всю историю дискуссии от ее зарождения до наших дней, вскрывает самую суть вопроса и показывает, к каким печальным последствиям она привела. Автор приложил много труда и, добросовестно изучив документальные данные, раскрывает неблагоприятную роль академика Т.Д. Лысенко в этой дискуссии, показывает, какой вред нанесла занимаемая им позиция в развитии в нашей стране такой чрезвычайно важной биологической науки, как генетика. Это привело к тому, что наша генетическая наука значительно отстала от зарубежной генетики не только в теоретическом отношении, но и в практическом ее применении к сельскому хозяйству, в области медицины и др. вопросах биологических знаний. Ж.А. Медведев показывает также, какой вред нанесли неправильные взгляды академика Лысенко на воспитание молодёжи, на подготовку научных кадров, приведшие к тому, что значительная часть молодёжи не знает современной генетики, т. е. в вузах нашей страны вместо действительной науки им преподносили суррогат науки.

Автор раскрывает также историю нечестной борьбы академика Лысенко с гениальнейшим русским ученым, ботаником, селекционером-генетиком, исследователем-географом академиком Николаем Ивановичем Вавиловым, приведшем в конце концов к гибели этого блестящего учёного, гордости нашей Родины. Приведены также многочисленные факты зажима

²⁴ Рындин Н.В. (даты жизни неизвестные) — кандидат сельскохозяйственных наук, заведующий отделом цитрусовых культур в Никитском саду, затем заместитель директора по научной части. Приехал в Крым в 1949 г. Жорес Медведев работал в Никитском саду в 1948 г. и в 1950–1952 г. и, наверное, держал с ним контакт после отъезда из Крыма (см. его интервью в настоящем выпуске, с.).

научной критики, подавления и запугивания учёных, стоявших на противоположных позициях. Работа интересна и тем, что приводит к философскому выводу о том, что в науке нельзя подменять действительные факты скороспелыми, необоснованными теориями.

Мне кажется, что работа Ж.А. Медведева убедительно показывает какой вред может принести науке, а следовательно, и практике, так как наука и практика неразрывное целое, культ личности отдельных учёных, одно слово которых возводится в степень закона.

Мне думается, что опубликование труда автора раскроет глаза не только учёным, но и самым широким кругам нашего общества на ту печальную роль, которую сыграл академик Лысенко в биологической науке, покажет самым убедительным образом тот вред, который может принести культ личности в науке. Работа Медведева тем самым сыграет воспитательную роль и впредь поможет избежать повторения всего происшедшего.

Кандидат [сельскохозяйственных] наук, пенсионер, *Н.В. Рындин*
Бывш[ий] зам[еститель] директора по научной части государств.
Никитского ботанич[еского] сада,

г. Ялта, Никитский сад,
20 сентября 1965 г.

ОХДЛСМ. Ф. 333. Сд. оп. 9. У. д. 238.

№ 18

9 августа 1965 г., Москва

*А. А. Нейфах*²⁵

Рукопись книги Ж.А. Медведева является единственной в своем роде полной и хорошо документированной историей биологической дискуссии в нашей стране. В настоящее время, когда вопросы биологии волнуют все большее количество учёных самых разных специальностей и когда развитие советской биологии начало, наконец, осуществляться в правильном направлении, объективное изложение событий, которые происходили последние двадцать пять лет, становится особенно актуальным.

Книга Ж.А. Медведева написана с глубоким знанием дела, хорошим языком, чётко излагает факты и вместе с тем публицистически остра. Серьёзным её достоинством является глубокая и искренняя заинтересованность и забота автора о прогрессе советской биологии. В этом смысле книга Ж.А. Медведева следует лучшим традициям нашей партийной печати.

Книга с интересом будет воспринята самым широким контингентом читателей, включая не только биологов, но и учёных других специальностей, широкие круги интеллигенции и учащуюся молодёжь. Все сказанное не оставляет сомнения в том, что книга Ж.А. Медведева может и должна быть опубликована, и возможно большим тиражом.

Доктор биологических наук, *Нейфах А.А.*
Институт морфологии животных АН СССР

Москва, В-133, ул. Вавилова 12.

ОХДЛСМ. Ф. 333. Сд. оп. 9. У. д. 238.

²⁵ Нейфах Александр Александрович (1926–1997) — советский биохимик, доктор биологических наук, профессор, правозащитник. Был исключён из КПСС в 1968 г. за то, что подписал письмо в защиту демонстрантов против оккупации Чехословакии на Красной площади. Член Хельсинской группы защиты прав человека. Друг Медведева, участвовал в защите Медведева от принудительной психиатрической госпитализации (Медведев, 2012d).

Литература

- Богомолов А.* История как измена Родине // Совершенно секретно. 2013. URL: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/3741/>
- Жимулёв И.Ф., Дубинина Л.Г.* К 50-летию «Письма трёхсот» // Вестник ВОГиС. 2005. Т. 9. № 1. С. 12–33.
- Медведев Ж.А.* Первые шаги к здравому смыслу // Ежедельник 2000.ua. 2011. URL: http://www.2000.ua/specproekty_ru/opasnaja-professija/glavy-iz-knigi-opasnja-professija/pervye-shagi-k-zdravomu-smyslu.htm
- Медведев Ж.А.* Институт медицинской радиологии // Ежедельник 2000.ua. 2012a. URL: http://www.2000.ua/specproekty_ru/opasnaja-professija/glavy-iz-knigi-opasnja-professija/institut-meditsinskoj-radiologii_arhiv_art.htm
- Медведев Ж.А.* Лауреат № 13 // Ежедельник 2000.ua. 2012b. URL: http://www.2000.ua/specproekty_ru/opasnaja-professija/glavy-iz-knigi-opasnja-professija/laureat-13_arhiv_art.htm
- Медведев Ж.А.* Ученый-единоличник // Ежедельник 2000.ua. 2012c. URL: http://www.2000.ua/specproekty_ru/opasnaja-professija/glavy-iz-knigi-opasnja-professija/uchenyj-edinolichnik_arhiv_art.htm
- Медведев Ж.А.* Калужская психиатрическая больница [Вот так мы и жили] // Ежедельник 2000.ua. 2012d. URL: http://www.2000.ua/specproekty_ru/opasnaja-professija/glavy-iz-knigi-opasnja-professija/vot-tak-my-i-zhili_arhiv_art.htm
- Медведев Ж.А.* Прелюдия к Лондону: просьбы и предостережения // Ежедельник 2000.ua. 2012e. URL: http://www.2000.ua/specproekty_ru/opasnaja-professija/glavy-iz-knigi-opasnja-professija/preljudija-k-londonu-prosby-i-predosterezenija_arhiv_art.htm
- Ольшанский М.А.* Против фальсификации в биологической науке // Сельская жизнь. 1963. № 195 (9673). С. 2–3.
- Сахаров А.Д.* Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. Франкфурт н/М: Посев, 1968. 61 с.
- Bergman J.* Meeting the Demands of Reason. The Life and Thought of Andrei Sakharov. Ithaca: Cornell University Press, 2009. 454 с.
- Medvedev Z.* The Rise and Fall of T.D. Lysenko. New York: Columbia university press, 1969. 284 с.

Letters of Soviet scientists to the publishing house “Nauka” in support of the publication of Zhores Medvedev’s essay “Biology and the personality cult”

(PUBLICATION, INTRODUCTION AND COMMENTS BY BARBARA MARTIN)

Pierre du Bois Foundation, Geneva, Switzerland;
Barbara.martin@graduateinstitute.ch

This publication presents 18 hitherto unpublished letters of prominent Soviet scientists to the publishing house “Nauka” (“Science”) in support of the publication of Zhores Medvedev’s essay “Biological science and the personality cult”, dating back to July-October 1965. Following Khrushchev’s ouster from power, in 1964, Trofim Lysenko and his pseudoscientific theories lost official protection. Medvedev’s research, which demonstrated the negative consequences of Lysenko’s sway over Soviet biology, seemed on the verge of being published. Several publication attempts, including the one by “Nauka”, remained unsuccessful, however. The scientists who wrote to A.M. Samsonov, editor-in-chief of “Nauka” on Medvedev’s request were prominent biologists, biochemists and physicists, many of them academicians. A great

number of them had demonstrated their opposition to Lysenko in the past, at great personal risk. In their letters, they warmly praised Medvedev's research, underscoring its timeliness, at a time when confusion concerning Lysenko's theories persisted in the minds of many Soviet agronomists, college teachers, and students. Yet, despite their prominent titles, the authors of these letters could not counter the adverse ideological wind that soon started blowing.

Keywords: biology, genetics, Soviet Union, Lysenko, dissent.

References

- Bergman, J. (2009). *Meeting the Demands of Reason. The Life and Thought of Andrei Sakharov*. Ithaca: Cornell University Press.
- Bogomolov, A. (2013). Istoriia kak izmena rodine [History as treason to the motherland]. *Sovershenno sekretno*. Retrieved from <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/3741/>
- Medvedev, Zh. (2011). Pervye shagi k zdravomu smyslu [First steps towards common sense]. *Ezhenedel'nik 2000.ua*. Retrieved from http://www.2000.ua/specproekty_ru/opasnaja-professija/glavy-iz-knigi-opasnja-professija/pervye-shagi-k-zdravomu-smyslu.htm.
- Medvedev, Zh. (2012a). Laureat no. 13 [Laureate no. 13]. *Ezhenedel'nik 2000.ua*. Retrieved from http://www.2000.ua/specproekty_ru/opasnaja-professija/glavy-iz-knigi-opasnja-professija/laureat-13_arhiv_art.htm.
- Medvedev, Zh. (2012b). Uchenyi-edinolichnik [An independent scientist]. *Ezhenedel'nik 2000.ua*. Retrieved from http://www.2000.ua/specproekty_ru/opasnaja-professija/glavy-iz-knigi-opasnja-professija/uchenyj-edinolichnik_arhiv_art.htm.
- Medvedev, Zh. (2012c). Kaluzhskaia psikhiatricheskaia bol'nitsa [vot tak my i zhili] [The Kaluga psychiatric ward [this is how we lived]]. *Ezhenedel'nik 2000.ua*. Retrieved from http://www.2000.ua/specproekty_ru/opasnaja-professija/glavy-iz-knigi-opasnja-professija/vot-tak-my-i-zhili_arhiv_art.htm.
- Medvedev, Zh. (2012d). Prelidiia k Londonu: pros'by i predosterezheniia [Prelude to London: demands and warnings]. *Ezhenedel'nik 2000.ua*. Retrieved from http://www.2000.ua/specproekty_ru/opasnaja-professija/glavy-iz-knigi-opasnja-professija/preljudija-k-londonu-prosby-i-predosterezheniia_arhiv_art.htm.
- Ol'shanskii, M. (1963, August 18). Protiv fal'sifikatsii v biologicheskoi nauke [Against falsification in the biological science]. *Sel'skaia zhizn'*, 195 (9673), pp. 2–3.
- Sakharov, A. (1968). *Razmyshleniia o progresse, mirnom sosushchestvovanii i intellektual'noi svobode* [Reflections on progress, peaceful coexistence and intellectual freedom]. Frankfurt a/M: Posev.
- Zhimulev, I.F. & Dubinina L.G. (2005). K 50-letiiu "Pis'ma trekhsot" [On the 50th anniversary of the "letter of the 300"]. *Vestnik VOGiS*, 9 (1), 12–33.

Письма Ж.А. Медведева к Ф.Г. Добржанскому

(ПУБЛИКАЦИЯ, ПРЕДИСЛОВИЕ И КОММЕНТАРИИ МИХАИЛА Б. КОНАШЕВА)

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН; Санкт-Петербург, Россия; mbkonashev@mail.ru

Одним из многочисленных адресатов Ж.А. Медведева был Ф.Г. Добржанский (1900–1975), знаменитый русско-американский генетик, эволюционный биолог, мыслитель и гуманист. Он был одной из центральных фигур в области эволюционной биологии в первой половине XX века и сыграл ключевую роль в «эволюционном синтезе» и формировании «синтетической теории эволюции» в 1930–1940 гг. Добржанский выехал в Соединённые Штаты для стажировки в лаборатории Томаса Ханта Моргана в декабре 1927 г., а в 1931 г. принял решение не возвращаться в СССР. В письмах, написанных Ж.А. Медведевым в 1969 г., затрагиваются три основные темы. Во-первых, полученное от Ф.Г. Добржанского известие о внезапной и тяжёлой болезни Михаила Михайловича Лернера (1910–1977), также генетика, русского эмигранта, ставшего американским гражданином. Во-вторых, рецензии на переведённую М.М. Лернером и опубликованную за рубежом книгу Ж.А. Медведева о Т.Д. Лысенко и лысенковщине. Наконец, в-третьих, очерк о Николае Владимировиче Тимофееве-Ресовском (1900–1981), о его выходе на пенсию и о роли, сыгранной в его судьбе международной научной общественностью, в частности немецким генетиком Г. Штуббе. К последнему письму Ж.А. Медведева была приложена машинописная копия очерка о Н.В. Тимофееве-Ресовском, в котором кратко описана попытка избрания Н.В. Тимофеева-Ресовского академиком.

Ключевые слова: российская (советская) генетика, Ж.А. Медведев, Ф.Г. Добржанский, история науки.

Одним из многочисленных адресатов Ж.А. Медведева (1925–2018) был Ф.Г. Добржанский (1900–1975), знаменитый русско-американский генетик, эволюционный биолог, мыслитель и эволюционный гуманист. Он был одной из центральных фигур в области эволюционной биологии в первой половине XX века и сыграл ключевую роль в «эволюционном синтезе» и формировании «синтетической теории эволюции» в 1930–1940 гг.¹ Добржанский родился в небольшом городе Немиров на юго-западе Российской империи, выехал в лабораторию Томаса Ханта Моргана в Соединённых Штатах в декабре 1927 г. и в 1931 г. принял решение не возвращаться в СССР². В письмах, написанных Ж.А. Медведевым в 1969 г., затрагиваются в разной степени

¹ О Ф. Г. Добржанском см. подробнее: *Конашев М.Б.* Ровесник генетики, ровесник века: Ф.Г. Добржанский (1900–1975 гг.) // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 4. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 193–228.

² Об обстоятельствах принятия этого решения Ф. Г. Добржанским см.: *Конашев М.Б.* Стрasti по Феодосию, или Как и почему Ф. Г. Добржанский стал «невозвращенцем» // Вестник ВОГиС. 2013. № 1. С. 202–209.

три основные темы. Во-первых, полученное от Ф.Г. Добржанского известие о внезапной и тяжёлой болезни Михаила Михайловича Лернера (1910–1977), также генетика, русского эмигранта, ставшего американским гражданином. Во-вторых, рецензии на переведённую М.М. Лернером и опубликованную за рубежом книгу Ж.А. Медведева о Т.Д. Лысенко и лысенковщине³. Наконец, в-третьих, очерк о Николае Владимировиче Тимофееве-Ресовском (1900–1981), о его выходе на пенсию и о значении участия в его судьбе международной научной общественности, в частности немецкого генетика Г. Штуббе. К последнему письму Ж.А. Медведевым была приложена машинописная копия очерка о Н.В. Тимофееве-Ресовском на трёх страницах, напечатанная через один интервал, а также дополнение к очерку. Содержательно очерк о Н.В. Тимофееве-Ресовском мало чем отличается от последующих аналогичных добротных публикаций об этом учёном и потому не включён в данную публикацию. В очерке кратко описана попытка избрания Н.В. Тимофеева-Ресовского академиком, в том числе партконтроль за выборами академиков и член-корреспондентов, и единственная осечка в этом контроле после войны — провал выборов в академики лысенкоиста Н.И. Нуждина в 1964 г. Дополнение же к очерку представляет самостоятельный интерес по ряду причин.

Публикация осуществляется по рукописным и машинописным подлинникам, а также копиям, хранящимся в Библиотеке Американского философского общества (American Philosophical Society Library. В: D65 Th. Dobzhansky Papers). Письма расположены в хронологическом порядке. Для унификации каждое письмо имеет заголовок, куда вошли число, месяц, год и место написания письма. Даты и другие элементы, отсутствующие и установленные при подготовке публикации, даются в квадратных скобках. Также в квадратных скобках даются дописанные части сокращённых слов, кроме общепринятых.

Археографическая обработка текстов проводилась в соответствии с правилами публикации документальных источников. Публикация готовилась по правилам современной орфографии и пунктуации; в некоторых случаях сохранены особенности авторских написаний отдельных слов и терминов. Слова или часть слов, которые не удалось точно прочитать, помещены в угловые скобки. Случаи неразборчивых написаний слов отмечены знаком <...>. Слова, подчёркнутые автором писем или написанные разрядкой, также подчёркнуты или выделены разрядкой. Все остальные выделения оговариваются отдельно в примечаниях.

Данная публикация стала возможной благодаря исследованию в Библиотеке Американского философского общества, поддержанному Библиотекой Американского философского общества (2015–2016, Library Resident Research Fellowship at the American Philosophical Society).

³ *Medvedev Zh.A. The Rise and Fall of T.D. Lysenko. Translated by I.M. Lerner. New York; London: Columbia Univ. Press, 1969. xii, 284 p.*

№ 1.

14 января 1969 г., [Москва]

14 января 1969 [г.]
Theodosius Grigorievich⁴

Дорогой Феодосий Григорьевич!

Ваше письмо о внезапной болезни Мих[аила] Мих[айловича] Лернера было для всех нас очень печальным известием. Я получил его только сегодня. Почта просто невыносимо медлительна и ненадежна. Мы все надеемся, что он будет спасён! Я не могу думать о другом исходе, это было бы невозможно представить после всего, что он сделал для меня и нас всех.

В почте Rockefeller University⁵ Вы найдете письмо для него — можете его открыть и прочитать, копию я, кажется, послал в Berkeley⁶ на случай, если он задержится.

У нас всех сегодня траурный день — мы хороним в Москве общего друга Владимира Владимировича Сахарова, благороднейшего человека и незапятнанного генетика, стойкого борца.

С верой в лучшее и с благодарностью

Ваш Ж. Медведев.

APSL. B: D65 Th. Dobzhansky Papers. Medvedev, Zh. A. [3 folds, 1969–72]. рук. пис., 1 л.

№ 2.

16 января 1969 г., [Москва]

16 января 1969 [г.]
1969
Theodosius Grigorievich⁷

Дорогой Феодосий Григорьевич!

Я надеюсь, что Вы получили моё письмо, посланное три дня назад в ответ на Ваше очень печальное известие о тяжёлой болезни Мих[аила] Лернера. Я не получал пока новых сообщений о здоровье нашего друга и очень надеюсь, что он поправляется. Для меня невозможно думать иначе. На днях я послал ему письмо в Беркли.

⁴Дата и под ней слова “Theodosius Grigorievich” дописаны карандашом, возможно уже в Рукописном отделе Библиотеки Американского философского общества.

⁵Рокфеллеровский университет (англ.) — частный университет, расположенный между 63 и 68 улицами вдоль Йорк-авеню на Манхэттене в Нью-Йорке. Основан в 1901 г. нефтяным магнатом и филантропом Джоном Рокфеллером как Рокфеллеровский институт медицинских исследований (до 1965 г.). В настоящее время Университет специализируется в основном на фундаментальных исследованиях в областях биомедицины. Ф. Г. Добржанский являлся с 1962 по 1970 г. профессором, а с 1970 по 1971 г. заслуженным профессором в отставке Рокфеллеровского университета.

⁶Беркли (англ.). Ж.А. Медведев имел в виду Калифорнийский университет в Беркли (The University of California, Berkeley) — государственный исследовательский университет США, расположенный в Беркли, штат Калифорния.

⁷“1969” и под ней слова “Theodosius Grigorievich” дописаны карандашом, возможно уже в Рукописном отделе Библиотеки Американского философского общества.

Здесь я вкладываю копию моего письма д-ру Broome⁸, из которого Вы увидите, что дело с получением L-аспарагиназы закончилось успешно, и фермент уже используется. Но в лучшем случае можно ожидать временной ремиссии. Если за 1/2 года — год не появится еще одного нового средства против лейкоза, положение станет критическим (для девочки, ради которой мы старались). У нее лейкоз с аномальными по хромосомам лимфобластами (47 хромосом).

Хочу сообщить Вам и М. Лернеру, что 5–6 дней назад умер Исай Израилевич Презент (67 или 68 лет) от heart attack (too [far] cary)⁹.

С наилучшими пожеланиями, здоровья Вам и М. Лернеру!

Привет от Ел[ены] Алекс[андровны] и Ник[олая] Влад[имировича]¹⁰.

Ваш Ж. Медведев.

APSL. B: D65 Th. Dobzhansky Papers. Medvedev, Zh. A. [3 folds, 1969–72]. рук. пис., 2 л.+1 об.

№ 3.

19 июля 1969 г., [Москва]¹¹

P.S. (1).

Dear Theodosius Grigorievich!

This is a copy of my recent letter to Lerner. Many many thanks for reviews which you wrote about the book. I was told about by Lerner and Joravsky, but not yet seen them, because I out of home more than month. Soon I will return home.

Yours sincerely

<Zh. Medvedev>

P.S. (2). If you again meet next <... week> the botanist who visited you last October (or November) I should be very happy if you could ask Mr. Tilley to give him the book as author's present

<Zh. Medvedev>.¹²

APSL. B: D 65 Th. Dobzhansky Papers. Medvedev, Zh. A. [3 folds, 1969–72]. копия рук. пис.¹³, 1 л.+1 об.

⁸ J.D. Broome.

⁹ сердечного приступа (зашедшего слишком далеко) (англ.).

¹⁰ Е.А. и Н.В. Тимофеевы-Ресовские.

¹¹ Копия письма Ж.А. Медведева М.М. Лернеру, посланная Ф.Г. Добржанскому; в конце копии в самом низу две приписки красной пастой для последнего.

¹² P.S. (1).

Дорогой Феодосий Григорьевич!

Это — копия моего недавнего письма к Лернеру. Большое, большое спасибо за рецензии, которые Вы написали о книге. Обо мне сказали Лернер и Жоравски, но ещё не видел их, потому что я вне дома более месяца. Скоро я возвращусь домой.

Искренне Ваш,

<Ж. Медведев>

P.S. (2). Если Вы снова встречаетесь на следующей <... неделе> с ботаником, который навещал Вас в прошлом октябре (или ноябре), я был бы очень счастлив, если бы Вы могли попросить, чтобы г-н Тилли дал ему книгу как подарок от автора

<Ж. Медведев>

¹³ Сделана под копирку.

№ 4.

4 сентября 1969 г., [Москва]¹⁴

Дорогой Феодосий Григорьевич. Я надеюсь, что
Вы перешлете все это проф. Лернеру, к его возвращению из Италии¹⁵.

Искренне Ваш
Ж. Медведев¹⁶

4 сентября 1969 [г.]

Проф. Ф.Г. Добжанскому
Проф. И.М. Лернеру

Дорогие Феодосий Григорьевич и Михаил Лернер!

Доктор Элизабет Амбеллан, участвовавшая в недавней международной конференции по эмбриологии, сказала мне, что она была ученицей Ф.Г. Добжанского и любезно, по собственной инициативе предложила передать личное послание. Сегодня она уезжает в Нью-Йорк и я естественно решил воспользоваться ее предложением, так как обычная почта уже доказала свою ненадежность. В первой половине года у меня пропало около 16 заказных писем и много простых. Ни на одно из 16 заявлений я не получил, конечно, ни ответа о судьбе, ни компенсации за пропажу. Но терпение почтовых цензоров «лопнуло» или сумма долга мне столь возросла, что после 16 моих заявлений пропажа писем прекратилась и в течение всего лета все мои письма доходили исправно и ко мне тоже, если не считать пропажи высланных мне книг¹⁷. Но возможно, что летом цензоры и таможенники были в отпуске или были перегружены, и сейчас с наступлением осени все начнет повторяться снова.

Я прежде всего хочу сердечно поблагодарить Феодосия Григорьевича за замечательные рецензии на нашу с И. Лернером книгу¹⁸. От рецензий ведь в США зависит судьба книги. Я уже имею 3 экземпляра и уже многие мои друзья и коллеги прочитали или просмотрели её. Издание, несомненно, было сделано с большим мастерством и вкусом, а выделение монумента на «фронт-пэйдже¹⁹» было несомненной находкой. Жалко, пропала при отправке фотография, на которой Лысенко среди высокой пшеницы Горок-Ленинских²⁰ беседует с Хрущёвым.

¹⁴ Письмо кроме Ф.Г. Добжанского было направлено также М.М. Лернеру, и к нему прилагалась копия машинописного текста, озаглавленного «Дополнение в сентябре 1969 г.» на двух листах на русском языке. Текст являлся дополнением к рукописи Ж.А. Медведева о Т.Д. Лысенко, переведённой М.М. Лернером на английский и опубликованной в 1969 г. См.: *Medvedev Zh.A. The Rise and Fall of T.D. Lysenko. Translated by I.M. Lerner. New York-London: Columbia Univ. Press, 1969. xii, 284 p.*

¹⁵ Подчёркнуто Ж.А. Медведевым.

¹⁶ Данный абзац написан авторучкой в левом верхнем углу листа. Весь остальной текст, кроме одной вставки на полях первого листа, напечатан на пишущей машинке.

¹⁷ Напротив этой фразы слева авторучкой приписано: «Мои друзья шутили — что я смогу теперь жить за счёт почтовых компенсаций».

¹⁸ *Dobzhansky Th. The rise and fall of T.D. Lysenko // Science. 1969. Vol. 164. No. 3887. P. 1507–1509.* В данном деле сохранилось также письмо Ф. Г. Добжанского к проф. Ф. Сейтсу (F. Seitz), президенту Рокфеллеровского университета, в котором работал Ф. Г. Добжанский, и ответ Ф. Сейтса на это письмо. В своём письме Ф.Г. Добжанский сообщил, что недавно издана книга Ж.А. Медведева о Т.Д. Лысенко, и что он получил от её переводчика М.М. Лернера копию письма к нему Ж.А. Медведева.

¹⁹ Front page (англ.) — титульный лист.

²⁰ Имеется в виду экспериментальная научно-исследовательская база АН СССР «Горки Ленинские», где в 1966–1976 гг. Лысенко работал заведующим лабораторией.

Там, наоборот — Лысенко говорит (открытый рот и убежденность на лице), Хрущёв же внимательно слушает. Перевод сделан превосходно, и читабельность книги резко возросла в результате сокращений. И вообще вряд ли кто-нибудь во всем мире лучше подходил для издания такой книги, чем её нынешний переводчик. В этом отношении автору необыкновенно повезло, но и это не было случайным. За много лет изучения дискуссии и её международных последствий я чувствовал, что именно Михаил Лернер должен отнестись к проблеме наиболее объективно и дружелюбно и с наибольшим пониманием.

Я получил оба письма проф. Лернера (от 8 и 22 августа) относительно Тимофеева-Ресовского²¹. С Николаем Владимировичем действительно поступили очень нехорошо. Причины этого и связанные с этим события описаны вкратце в прилагаемом небольшом очерке, который может служить дополнением к основному очерку. Он надеется, что, может быть, сможет получить работу консультанта в Москве, но пока попытка Б.Л. Астаурова добиться в своем институте для Николая Владимировича должности консультанта окончилась неудачно.

Вопрос же о пенсиях — это общая проблема для СССР, как и вообще вопрос о ставках. Понятие «прожиточный минимум» у нас вообще не существует и как оклады для многих категорий трудящихся, так особенно и пенсии рассчитываются только на основе обеспечения человека, а не семьи, продуктами питания. Поэтому в большинстве семей обязательно должны работать и муж, и жена. Учёные с научными степенями находятся ещё, по мнению многих, в привилегированном состоянии, но ведь даже общий доход академика — директора института меньше обычного дохода среднего американского профессора. Рядовой же научный сотрудник, не имеющий учёной степени (а из 700 000 научных сотрудников в СССР только 150 000 имеют учёные степени) имеет оклад от 88 до 120 руб. в месяц²², причем разница зависит от учреждения и не зависит от стажа работы. Один американский доллар по курсу стоит 90 коп., но на «чёрном рынке» его²³ продают за 5 руб., соответственно ценам в валютных механизмах. Государственная цена на золото в официальных скупочных пунктах Госбанка сейчас тоже 5 руб. за грамм, а золотые изделия в магазинах стоят по 9–10 руб. за грамм. Так что курс рубля завышен по меньшей мере в 4 раза. Нормальный костюм стоит в магазине 129–150 руб., туфли — 30–40 руб. (в среднем), самая простая шариковая ручка — 1 руб. или 1 руб. 50 коп., а самый маленький автомобиль — «Москвич» (малолитражный) 4500 руб. Цены постоянно растут, так как количество бумажных денег у населения увеличивается и происходит эмиссия бумажных денег из-за нехватки товаров. Поэтому-то прожиточный минимум никто и не рассчитывает. Николай Владимирович будет получать пенсию около 100–110 рублей — это только на самое жалкое существование. Столь низкий доход легче пережить, когда работаешь, чем когда свободен. Я думаю, что друзья Ник[олая] Влад[имировича] смогут обеспечить ему дополнительный заработок, кроме того, он сам надеется написать книгу по истории генетики. Однако и другая идея продумывается. Поскольку при общем зачёте стажа работа в Германии не учитывается и срок заключения за эту работу тоже не входит в общий зачёт, то сейчас изучается возможность получения им пенсии из Германии и этот вопрос поставлен, через недавно приехавшего из ГДР коллегу, перед проф. Г. Шгуббе. Кроме того, ходатайство о реабилитации Ник[олая] Владимировича (после этого в его стаж войдут годы заключения) должно тоже исходить из ГДР, так как Тимофеев-Ресовский работал на территории нынешней Германской Демократической Республики.

²¹ Сохранились ли эти письма в совместном архиве братьев Ж.А. и Р.А. Медведевых, переданном в Центральный государственный архив г. Москвы, неизвестно, т. к. согласно Е.И. Цаповой, зав. сектором комплектования и описания документов личных собраний Центрального государственного архива г. Москвы, архив Ж.А. и Р.А. Медведевых находится в обработке и ещё не описан.

²² Слова «в месяц» вписаны авторучкой.

²³ Перед словом «его» сверху посередине письма напечатана цифра «2».

кратической Республики. Если Ганс Штуббе сможет обратиться в Верховный Суд СССР с просьбой о реабилитации, то я надеюсь, что это приведёт к положительным результатам.

Но в общем же очерк о Тимофееве-Ресовском и участие в этом деле международной научной общественности выходит за рамки его личной судьбы. Это общий вопрос о правовом положении учёных в стране, где все служат только одному хозяину, все находятся в одном гигантском учреждении, на разных ступеньках одной лестницы, где человек ценится только до тех пор, пока он служит в этом учреждении. Сейчас стало в некоторых отношениях даже хуже, чем в 48–49 гг. Тогда уволенные с работы генетики могли зарабатывать хоть немного переводами для издательств и подготовкой рефератов для реферативных журналов. Институт научной информации, издававший реферативные журналы (сокращенно ИНИ), неофициально назывался «институт недорезанных интеллигентов»²⁴. Сейчас же, когда я бодро попытался заняться переводами или получить заказы на рефераты, то оказалось, что всем издательствам запрещено заключать договоры на переводы и новые издания с лицами, не состоящими на службе. Для заключения договора или для работы референтом реферативного журнала нужно представить справку с места работы с указанием должности. Это меры борьбы с людьми «свободных профессий». Конечно, «негритянские» заработки возможны — договор заключает проф. Г., а работу готовит за него д-р Ж. И таких предложений у меня много. Но я пока в достаточно приличном положении, и мои ресурсы ещё не исчерпались. Жена моя работает, брат тоже²⁵. Но возможно, что придется начинать и «негритянскую работу», так как положение брата ухудшилось. В мае он написал статью в журнал «Коммунист» с протестом по поводу попыток реабилитации этим журналом И. Сталина. Эта статья в журнале, конечно, не появилась, но циркулировала в партийных кругах. Неожиданно те же пираты, на это раз не «Грани»²⁶, а журнал «Посев»²⁷ — та же контора, содержащаяся на деньги из США, но имеющая в своем составе не менее 10–15 % агентов КГБ, напечатала письмо моего брата в июльском номере (№ 7). После этого его, естественно, исключили из членов партии и, по-видимому, уволят с работы²⁸.

²⁴ Институт научной информации, затем Всесоюзный институт научной и технической информации (ВИНИТИ АН СССР) был основан в 1952 г. по инициативе ак. А.Н. Несмеянова. На протяжении всей истории являлся одним из крупнейших центров развития информатики в СССР. В постсоветское время — Всероссийский институт научной и технической информации РАН. С 1953 г. ВИНИТИ издаёт Реферативный журнал (РЖ) по различным областям науки и техники.

²⁵ Р.А. Медведев.

²⁶ «Грани» — ежеквартальный русский межконтинентальный журнал литературы, искусства, науки и общественной мысли. Основан 20 июля 1946 г. Е.Р. Романовым, членом руководства Народно-трудового союза российских солидаристов (НТС) и другими представителями второй эмиграции, которые попали в Германию из Советского Союза во время Второй мировой войны. Официально «Грани» никогда не были органом НТС, но всегда ассоциировались с ним. До 1991 г. журнал издавался во Франкфурте-на-Майне, Германия, затем редакция переехала в Москву.

²⁷ «Посев» — общественно-политический журнал, орган Народно-трудового союза российских солидаристов (НТС); выходит с 11 ноября 1945 г. Издаётся одноимённым издательством. Будучи органом НТС, журнал, тем не менее, печатал статьи не только сторонников «солидаризма», но и всего спектра оппозиции Советской власти.

²⁸ Считается, что Р.А. Медведев был исключён из КПСС в 1969 г. за книгу «К суду истории». См.: «Персоналии: Медведев Рой Александрович, Сопредседатель Социалистической партии трудящихся» // http://www.observer.materik.ru/observer/N02_92/2_09.HTM. В 1971 г. Р.А. Медведеву по его свидетельству пришлось уйти с работы, у него был проведён обыск, во время которого изъяты архив и вручена повестка с вызовом в прокуратуру, куда он решил не идти, «а исчезнуть из Москвы до выхода моих книг в Америке — какое-то время на нелегальном

Но я полагаю, что через год власти придут к выводу, что лучше всё же вернуть нас на научную работу. Но, может быть, они решат, что безопаснее сделать что-либо другое, более надёжное. Я надеюсь на лучшее.

С приветом и большой благодарностью
Ваш

Ж. Медведев

Вмешательство пиратов, присосавшихся к «самиздату» делает «самиздат» более криминальным и тормозит его по принципу “back inhibition”²⁹. Поэтому немалое число работ передаются туда по официальным каналам, но «нелегально». Читают же «Посев» и «Грани» только в КГБ³⁰.

P.S. Dear Prof. Lerner! Mrs Ann Sunge has something very different and independent from Kimber story. Everything necessary for comments you have to receive from prof. J. Ebert (Baltimore, Carnegie Inst. 21210). Synge’s material really connected with Olyver and Boyd case and xxxx investigates some aspects of press control. David also have to receive much more about <lamp brush> chromosome materials. Please read Posev No. 7. Best wishes, yours

Zh. Medvedev

Happy <...> to Italy!

P.S.S.³¹ When your hear from Ebert, probably it would be better to make the genome into phenotype and bill the expences to my CUP account³².

*Zh. Medvedev*³³

Дополнение к очерку о Н. В. Тимофееве-Ресовском

Дополнение³⁴ в сентябре 1969 г.

Прошло больше года с тех пор, как был написан этот очерк о Н. В. Тимофееве-Ресовском. Это был трудный год, и о его событиях следует рассказать, так как они были связаны с тем, что происходило ранее.

В самом начале 1968 г. Академия наук СССР стала готовиться к очередным выборам. Рождение новых академиков и членов-корреспондентов, происходящее раз в два-три года, всегда

положении в Прибалтике находился, а когда вернулся домой, никто меня даже на допрос не вызвал», «меня забыли и вплоть до смерти Брежнева не мешали». См.: Гордон Д. Времена не выбирают // Бульвар Гордона. 2013. № 2 (402), 8 января. Эл. вариант: http://bulvar.com.ua/gazeta/archive/s2_65879/7902.html

²⁹ Обратное торможение (англ).

³⁰ Данный абзац написан авторучкой с синим цветом после подписи Ж. Медведева внизу листа.

³¹ В оригинале «P.S.».

³² P.S. Уважаемый профессор Лернер! У г-жи Энн Сандж есть что-то совсем другое и независимое от Кимбер истории. Все необходимое для комментариев, Вы должны получить от профессора Дж. Эберта (Балтимор, Карнеги Инст. 21210). Материал Синджа, действительно связанный со случаем Оливера и Бойда и xxxx, исследует некоторые аспекты контроля за прессой. Дэвид также должен получить намного больше хромосомного материала <типа ламповых щёток>. Пожалуйста, прочитайте Посев № 7. С наилучшими пожеланиями, Ваш

Ж. Медведев

Счастливой <...> в Италию!

P.S.S. Когда Вы услышите от Эберт, вероятно, было бы лучше превратить геном в фенотип и предъявить расходы моему CUP счету (англ.).

³³ Данный абзац “P.S.S.” написан авторучкой с красным цветом в верхней части листа над машинописным текстом.

³⁴ Перед словом «Дополнение» сверху посередине напечатана буква «а».

бывает трудным делом. «Академик» и «член-корреспондент» любой академии в СССР (одной «большой», четырёх отраслевых и четырнадцати республиканских — это не просто почётное звание, как в большинстве стран мира. Это, кроме того, почётная, пожизненно оплачиваемая [должность] к тому же независимо от того, работает ли академик в Академии наук или же уже «вышел на пенсию». И ставки такой оплаты почетного звания максимальные в т. н. «Большой» Академии, 500 рублей в месяц «за академика» и 350 «за члена-корреспондента». И это помимо разных прочих льгот (машина, дача и т. д.). Для заслуженных учёных страна не жалеет ничего, лишь бы они двигали науку вперед, не заботясь о трудностях жизни. Поскольку академики обычно получают еще и максимальные должностные оклады по месту работы, то в итоге месячный оклад академиков превышает месячный оклад членов Правительства — Министров СССР и Министров Союзных республик.

К каждым выбором в Академию наук Совет Министров добавляет ей несколько новых вакансий и, кроме того, немало вакансий освобождается за счет естественной смертности ранее избранных. Эти вакансии по специальностям объявляются для АН СССР в газете «Известия» и по всем научным учреждениям СССР начинается предвыборная кампания.

В 1968 г. в АН СССР, помимо разных прочих вакансий, была объявлена также вакансия по генетике. Подобрать на эту вакансию достойного кандидата было делом нелёгким. Наиболее крупные советские генетики Б.Л. Астауров и Н.П. Дубинин были уже академиками³⁵, среди же членов-корреспондентов АН СССР, этой последней ступеньки перед академическим Олимпом были только два генетика и оба из т. н. «мичуринской» биологии³⁶. Один из них, Н. Нуждин, уже однажды проваливался на выборах с крупным скандалом³⁷, другой, Г. Никольский еще нет. Его-то и выдвинуло Отделение Общей биологии АН СССР, как своего кандидата, в результате странного блока между сторонниками Т.Д. Лысенко и Н.П. Дубинина³⁸. Чтобы помешать избранию Никольского, группа учёных во главе с академиком В.А. Энгельгардтом решила предложить в качестве кандидата для избрания Н.В. Тимофеева-Ресовского, безусловно самого крупного в научном отношении кандидата из всех возможных на эту вакансию. Научная продуктивность Тимофеева-Ресовского после 1964 г. была очень высокой, он опубликовал за 5 лет более 50 статей и одну монографию, подготовил у себя в отделе более 10 кандидатов наук.

Но избрание в академики — это процесс сложный, каждая кандидатура, ещё до включения в список кандидатов, долго обсуждается в комиссиях, парткоме АН СССР, согласовывается с отделом науки ЦК КПСС. В конечном итоге намечаются конкретные кандидаты для

³⁵ Б.Л. Астауров и Н.П. Дубинин стали академиками АН СССР в 1966 г.

³⁶ Мичуринская биология (также Мичуринская агробиология, Мичуринская генетика, Мичуринское учение) — лженаучная школа в биологии, возникшая и достигшая кратковременного расцвета в середине XX века в СССР. Школа развивалась под руководством Т.Д. Лысенко. Философско-идеологическое обоснование мичуринской биологии дал И.И. Презент. Т.Д. Лысенко и его сторонники и последователи, ссылаясь на авторитеты умерших И.В. Мичурина и К.А. Тимирязева, провозгласили себя продолжателями идей и работ И.В. Мичурина. Но «мичуринская» биология взяла лишь имя И.В. Мичурина и некоторые из его ранних предположений. См. подробнее: *Сойфер В.Н.* Власть и наука (разгром коммунистами генетики в СССР). М.: ЧеРо, 2002. 1024 с., С. 289–290.

³⁷ Нуждин Николай Иванович (1904–1972) — биолог, генетик; член-корреспондент АН СССР (1953). Окончил Ярославский педагогический институт в 1929 г. С 1935 г. сотрудник Института генетики АН СССР. Работы в основном в области генетики, эволюционного учения и радиобиологии. В 1953 г. был избран по специальности генетика член-корреспондентом АН СССР. В 1964 г. после выступления на общем собрании АН СССР А.Д. Сахарова, напомнившего об участии Н.И. Нуждина в поддержке Т.Д. Лысенко и разгроме генетики, не был избран действительным членом Академии наук.

³⁸ В оригинале «Дубининим».

избрания и всех академиков и членов-корреспондентов, членов партии обязывают голосовать за намеченные кандидатуры. Так осуществляется партийный контроль за выборами. Сами выборы являются тайными, но поскольку членов партии среди голосующих большинство, проходит заранее отобранный кандидат. Иногда, конечно, могут быть и «скрыты», но история Академии наук в послевоенный период зафиксировала лишь одну неудачу, при выборах Нуждина в 1964 г.

Кандидатура Н.В. Тимофеева-Ресовского была отведена в самом начале предварительного обсуждения на какой-то комиссии. И главным доводом отвода был выдвинут старый аргумент — он эмигрант, изменник Родины³⁹, сотрудничавший с нацистами. В изобилии находящиеся в академии⁴⁰ «мичуринцы»⁴¹ и сам Т.Д. Лысенко начали активное противодействие избранию Тимофеева-Ресовского в академию. В ход были пущены множество небыллиц и слухов, включая даже то, что Тимофеев-Ресовский в Германии якобы⁴² ставил эксперименты на советских военнопленных в фашистских концлагерях. В отделе науки ЦК КПСС из разных доносов на Тимофеева-Ресовского образовалось специальное «досье».

Чтобы помешать этой кампании, академик В.А. Энгельгардт обратился с письмом к Президенту академии в ГДР, профессору Гансу Штуббе⁴³, работавшему в Германии в тесном контакте с Тимофеевым-Ресовским, с просьбой рассказать о том, как вёл себя Тимофеев-Ресовский в Германии в годы нацизма. Проф. Штуббе прислал Энгельгардту подробное письмо, в котором решительно опровергал все вымыслы и указывал на многих других видных немецких учёных, которые могли подтвердить, что Тимофеев-Ресовский никогда не сотрудничал с нацистами, всегда был в кругах антифашистски настроенной научной интеллигенции и его немецкие друзья всегда боялись, что за свободу высказываний он может подвергнуться репрессиям.

Нужно отметить, что сам Н.В. Тимофеев-Ресовский не проявлял никакого интереса к возможному избранию в Академию наук СССР, стоял полностью в стороне от «предвыборной борьбы», и все эти страсти, включая переписку Штуббе и Энгельгардта, ни ему, ни нам, его сотрудникам, не были известны.

Все бы, может быть, так и кончилось спокойно с окончанием выборной кампании, но на беду в Обнинск приехал в феврале 1968 г. корреспондент журнала «Огонек», чтобы написать статью о молодом городе науки. С ним прибыл и фотокорреспондент этого иллюстрированного журнала, сделавший много снимков. На одном из них он запечатлел Тимофеева-Ресовского в момент, когда Николай Владимирович закуривал папиросу. И вот на обложке «Огонька» (№ 14), выходящего двухмиллионным тиражом, в марте 1968 г. в левом верхнем углу появился большой цветной портрет Тимофеева-Ресовского с зажженной спичкой и папиросой.

А в подписях к фотографиям на обложке (с. 31) было написано: «В Обнинском институте медицинской радиологии многими работами по радиационной биологии и генетике руководит всемирно известный учёный, один из пионеров этой науки Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский».

³⁹ В оригинале «родины».

⁴⁰ В оригинале «академии». После этого слова внизу листа синей авторучкой написано: «(См. на обороте)».

⁴¹ Перед словом ««мичуринцы»» сверху посередине напечатана буква «б».

⁴² Слово «якобы» вписано в конце строки синей авторучкой.

⁴³ Штуббе Ганс Карл Оскар (Stubbe Hans Karl Oskar) (1902–1989) — немецкий генетик, член ряда научных обществ, в том числе Академии наук ГДР (1951), Саксонской АН, Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина», почётный президент Академии сельскохозяйственных наук ГДР, иностранный член-корреспондент ВАСХНИЛ (с 1957 г.). Лауреат национальных премий ГДР (1949, 1960).

Фотография в «Огоньке» дала толчок⁴⁴ новому потоку писем, в основном анонимных. В «Горках-Ленинских» на большой экспериментальной станции Академии наук, которой руководит Т.Д. Лысенко и в которой насчитывается около ста сотрудников и более двухсот рабочих и служащих, состоялось партийное собрание, на котором была принята резолюция против популяризации «Огоньком» эмигранта и морганиста. Эта резолюция была направлена в ЦК КПСС. Даже из Югославии пришёл протест. Некто Главинич⁴⁵, бывшая аспирантка Глушенко⁴⁶, работавшая у Лысенко в институте по вегетативной гибридизации и ставшая в Югославии «академиком», прислала в ЦК КПСС письмо с протестом по поводу восхвалений в СССР реакционных учёных. Папка с «делом» Тимофеева-Ресовского стала расти.

В список кандидатов на выборы в Академию наук СССР Тимофеев-Ресовский не вошёл. Но не повезло и Г.[В.] Никольскому. Он повторил печальный опыт Нуждина⁴⁷. Отделение Общей биологии избрало его академиком, а общее собрание провалило его кандидатуру в результате бурного обсуждения. Вакансия по генетике опять, как и в 1964 г., осталась незанятой⁴⁸.

Но для Тимофеева-Ресовского дело на этом не кончилось. Толстое «досье» в отделе науки не могло лежать без движения. В конце 1968 г. им воспользовались для инструктивного доклада областным пропагандистам. В этом докладе о воспитании молодых учёных Тимофеев-Ресовский фигурировал в качестве отрицательной личности с тёмным прошлым, которому⁴⁹, тем не менее, доверено ответственное дело воспитания молодёжи. То, за что Николая Владимировича всегда хвалили — создание им молодёжного кружка для обсуждения проблем музыки и искусства, теперь стало идеологической диверсией.

Инструктивный доклад в ЦК был разнесён по всем областям Советского Союза, и всё в устном изложении. В Свердловске его услышал сын Тимофеева-Ресовского — Андрей, физик. В Калужском обкоме и в Обнинском горкоме забили тревогу. Секретарь обкома позвонил президенту АМН СССР акад. В.Д. Тимакову, потребовав уволить Тимофеева-Ресовского из института, находящегося на территории Калужской области. В.Д. Тимаков внял этой просьбе и отказался утвердить ходатайство института о продлении срока полномочий Тимофеева-Ресовского до сентября 1970 г., то есть до того дня, когда Тимофееву-Ресовскому должно было исполниться 70 лет.

70 лет в СССР — это крайний срок работы учёного на административном посту. Это правило разрешено специальным постановлением нарушать только «выдающимся» учёным, академиком и членам-корреспондентам. Другие должны уходить в отставку, на пенсию, или на рядовые должности научных сотрудников или консультантов, если, достигнув 70-летия, учёный хочет продолжать работу. И это правильный порядок. Если к нему добавить достойную пенсию, то отставка проходила бы всегда гладко и почётно. Для Тимофеева-Ресовского решили не ждать 70 лет. Его уволили на пенсию с августа 1969 г., пообещав, однако, сохранить созданную им лабораторию. Но не сделали и этого. Учёному, который много лет был гордостью института, отказались даже сохранить постоянный пропуск для беспрепятственного входа в здание, где он когда-то работал. Теперь ему каждый визит в институт нужно согласовывать с дирекцией по телефону. Его лабораторию разделили между другими, как кусок пирога, часть

⁴⁴ Слово «толчок» впечатано сверху над зачёркнутым словом.

⁴⁵ Р. Главинич.

⁴⁶ И.Е. Глушенко.

⁴⁷ Н.И. Нуждин.

⁴⁸ Результаты выборов в АН СССР в 1968 г. см.: Новые члены Академии наук СССР // Вестник АН СССР. 1969. № 1. С. 7—11.

⁴⁹ Перед словом «которому» сверху посередине напечатана буква «в».

людей и оборудования передали в одну, часть — в другую, часть — в третью лабораторию. Прощаясь с сотрудниками на прощальном заседании, на которое не пришёл ни один представитель администрации, Тимофеев-Ресовский просил их беречь научные традиции лаборатории, продолжать начатые исследования. Но эти традиции были сразу нарушены.

Уходить на пенсию учёному трудно не только потому, что останавливается движение экспериментальных исследований. Трудно это ещё и потому, что пенсии учёным крайне низки, по отношению к прежнему окладу они ниже, чем у всех прочих категорий трудящихся. Это наказание за высокие оклады в период активной работы. Особая максимальная «профессорская» пенсия составляет только 25–30% от оклада работающего профессора. Но и для того чтобы получать эту «профессорскую» пенсию, нужен 25-летний стаж научной работы. У Тимофеева-Ресовского стаж научной работы — 51 год. Но на 7 лет до 1925 года нет документов, есть только научные работы, Министерством социального обеспечения не учитываемые. Затем идут 20 лет и 3 месяца интенсивной работы — но за рубежом. Этот стаж тоже в СССР не учитывается. Зарубежный стаж учитывается только в том случае, если он был в социалистическом государстве. Затем 10 лет тюрьмы лагерей, заключения. Из них 8 лет Тимофеев-Ресовский работал как учёный, но и этот стаж не входит в общий зачёт без особого решения Верховного Суда, которого сейчас уже нелегко добиваться. Остаётся достоверным лишь стаж после 1955 г. Пропорционально дефициту от 25 лет и пенсия. Но жаловаться не приходится, продукты питания нынче дешёвы, голод супругам Тимофеевым-Ресовским не угрожает.

Недавно проф. Ганс Штуббе прислал академику В.А. Энгельгардту новое письмо, в котором он спрашивает: ну как, избрали ли Тимофеева-Ресовского в Академию наук? Дорогой Ганс Штуббе! Гитлер был более жёстким тираном, чем Сталин. Это ясно всем. Ясно также всем, что Сталин обязательно уничтожил бы Тимофеева-Ресовского. Почему же этого не сделал Гитлер, для Академии наук не понятно⁵⁰.

Ж. Медведев

APSL. B: D65 Th. Dobzhansky Papers. Medvedev, Zh. A. [3 folds, 1969–72]. мп. пис., 1 л.+1 об.

Zh. A. Medvedev's letters to Th. Dobzhansky

(PUBLICATION, INTRODUCTION AND COMMENTS BY MIKHAIL B. KONASHEV)

Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov, St. Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia; mbkonashev@mail.ru

One of Zhores Medvedev's numerous correspondents was Th. Dobzhansky (1900–1975), a famous Russian-American geneticist, evolutionist biologist, thinker and humanist. He was one of the central figures in the field of evolutionist biology in the first half of the 20th century and played a key role in “evolutionary synthesis” and the formation of the “synthetic theory of evolution” in the 1930s-1940s. Dobzhansky left for Thomas Hunt Morgan's laboratory in the United States in December 1927, and in 1931 he took the decision not to return to the USSR. In the letters written to Zhores Medvedev in 1969, three main

⁵⁰ Последняя фраза — «И почему Гитлер не уничтожил Вас?» — зачёркнута Ж.А. Медведевым авторучкой.

themes are tackled. Firstly, the news about the illness of Michael Lerner (1910–1977), also a geneticist and Russian émigré who had become a US citizen. Secondly, the reviews about Zhores Medvedev's book on T.D. Lysenko and his sway, published abroad, and translated by Michael Lerner. Finally, thirdly, an essay on Nikolai Vladimirovich Timofeev-Ressovsky (1900–1981), about his retirement and the role played in his life by the international scientific community, in particular the German geneticist H. Stubbe. A typescript of an essay on Timofeev-Resovskii, briefly describing the attempt to have him elected to the Academy of Sciences, was also attached to Medvedev's letter.

Keywords: Russian (Soviet) genetics, Zhores A. Medvedev, Th. Dobzhansky, history of science.

Письма Ж.А. Медведева на Украину З. С. Гершензон

(ПУБЛИКАЦИЯ, ПРЕДИСЛОВИЕ И КОММЕНТАРИИ ЗЛАТЫ С. ГЕРШЕНЗОН¹)

¹ Институт зоологии имени И. И. Шмальгаузена Национальной Академии Наук, Киев, Украина; zлата.moth@gmail.com

Подборка выдержек из писем выдающегося российско-английского учёного-биолога Жореса Александровича Медведева посвящена его памяти. Ж.А. Медведев был коллегой и другом Сергея Михайловича Гершензона, отца Златы С. Гершензон. С.М. Гершензон был российско-украинским генетиком мирового уровня, академиком Национальной академии наук Украины (НАНУ), автором более 300 статей и 12 монографий. Его переписка с Ж.А. Медведевым не сохранилась, так как была уничтожена С.М. Гершензоном, поскольку оба учёные были в опале как представители «формальной» генетики. После смерти С.М. Гершензона в 1998 г. Ж.А. Медведев продолжал переписку со Златой С. Гершензон по электронной почте из Лондона. Каждое письмо имеет дату. Текст писем строго соответствует оригиналам и подготовлен по правилам современной орфографии и пунктуации. В настоящее время письма хранятся в личном архиве Златы Гершензон в Киеве.

Ключевые слова: Жорес Александрович Медведев, переписка, питание, долголетие.

Жорес Александрович Медведев был всемирно известным учёным широкого профиля: генетиком, радиобиологом, геронтологом, биохимиком, выполнившим целый ряд оригинальных исследований и обладавшим широким кругозором. О его научных достижениях много написано, есть большое количество публикаций в научных изданиях и в прессе. Жорес Александрович был коллегой, единомышленником и другом моего папы — Сергея Михайловича, и всей нашей семьи. В трудные годы «лысенковщины» мой папа, генетик, был почти десять лет в опале как вейсманист-морганист. В 1998 г. мой папа умер, и тогда Жорес Александрович продолжал регулярную переписку со мной. К тому времени я уже имела степень кандидата биологических наук и могла поделиться некоторыми сведениями. Я очень ждала его электронных и почтовых писем, у меня всегда возникал ряд вопросов, на которые Жорес Александрович сразу отвечал. Эти ответы и советы казались мне мудрыми, а результаты его исследований поражали конкретной убедительной аргументацией и оригинальностью. Как будто светильник разума обогащал мой запас знаний.

Меня всегда восхищала работоспособность Жореса Александровича. Будучи в преклонном возрасте, он занимался наукой, любил работать на огороде, пылесосил квартиру, выступал с докладами, писал книги. Ветеран Великой Отечественной войны, получивший фронтовое увечье, побывавший в советской психлечебнице, он не озлобился, не ругал судьбу, а старался помочь людям всем, чем мог: своими выступлениями, советами, делами, научными публикациями, доносящими правду. Итогом пройденного пути стала рукопись книги «Опасная профессия», отрывки из кото-

рой печатались в газетах «Зеркало недели», «2000», «Киевские ведомости» и других. В последние годы Жорес Александрович работал над новой монографией «Проблемы питания и долголетия», которую планировал окончить в течение двух лет, и написал 15 глав. Вот такое бесценное наследие оставил человечеству этот уникальный учёный и человек.

Небольшая подборка выдержек из этой переписки приводится ниже.

О многих спутниках, которые наш свет
Своим напутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: были

Василий Жуковский. Воспоминание

Из писем Ж.А. Медведева к З.С. Гершензон

№ 1

14 сентября 2005 г., Лондон

14.09.2005

Нам инфляция не страшна. Мы живем скромно и собираем хороший урожай с нашего огорода. Машины у нас нет. Бензин не нужен. В апреле я всегда много работаю в огороде. Это полезно — не страшна гиподинамия и интересно, что вырастет, я всегда сажаю какие-то новые сорта овощей. Здесь много птичек, которых мы подкармливаем, а они берегут наши фитоценозы от вредных насекомых и красиво поют.

№ 2

22 апреля 2006 г., Лондон

22.04.2006

Популярный жасминный чай содержит бензилацетат, канцерогенный токсин.

В жареных кофейных бобах очень много хлорогенной кислоты, которая также относится к канцерогенам. Сильный фитотоксин глюкобрассицин, дающий при кулинарной обработке продукт распада индол-карбинол, содержится в брюссельской капусте и в брокколи. Эти примеры природных токсинов и канцерогенов можно продолжить. Список известных фитотоксинов имеет более трех тысяч названий. Но очень немногие из этих соединений проверялись экспериментально на канцерогенность. Природные токсины не накапливаются в среде, не загрязняют почву или водоемы. Самый сильный из природных токсинов — ботулин используется в косметике.

№ 3

7 апреля 2013 г., Лондон

7.04.2013

Посылаю «пчелиную» открытку. Создано общество по защите диких пчёл.

Вымирают от пестицидов, особенно в США. А от них зависит опыление многих важных культур. У нас на огороде дикие пчелы ещё летают. Все растения с цветами (даже сорные).

Мы их не пропалываем.

№ 4

10 апреля 2013 г., Лондон

10.07.2013

Свое эссе, озаглавленное «Опасная профессия» (“A dangerous occupation”), я написал на русском и затем перевёл на английский с сокращениями. Генетика в СССР действительно была одно время опасным занятием. Её в 1948 году объявили «морганизмом-менделизмом» и реакционной буржуазной наукой. Профессиональных генетиков увольняли с кафедр и из институтов. Исследования и публикации в этой области были запрещены. Русский текст эссе, который был обширнее английского, я решил опубликовать в России с фотографиями в тех журналах, с которыми сотрудничал. Вскоре мой очерк появился в историческом журнале «Родина». С начала 2011 года я стал разбирать свои архивы. Начиная работу, я предполагал, что уложусь в 8–9 глав. Однако к концу года, закончив девятую главу, я рассказал о событиях только до 1967 года. Генетика уже с 1965 года не была опасной профессией, но жёсткий политический контроль за деятельностью учёных сохранялся. Мне ещё предстояло увольнение с работы, помещение в психиатрическую больницу, арест в Киеве во время Международного конгресса по геронтологии в 1972 году и лишение советского гражданства во время научной командировки в Лондон. Я в Англии оставался лицом без гражданства, без британского паспорта, до 1984 года. Два раза меня вызывали для длительных допросов в британскую контрразведку. Основания для изменения заглавия мемуаров не было. Спокойную жизнь я мог датировать с 1985 года.

№ 5

27 июля 2014 г., Лондон

27.07.2014

Ваш Президент НАНУ — это редкое явление. Он долгожитель (все за 95 лет долгожители), но *surviver*¹, так как перенес инфаркт. Я до сих пор (89 лет) был *escaper*², так как никаких проблем со здоровьем у меня не было. У меня давление для моего возраста нормальное —

---

¹ *Surviver* — долгожитель, который до 80 лет получил диагноз болезни, ассоциированной с возрастом (англ.).

² *Escaper* — долгожитель, который до 100 лет не получил диагноза болезни, ассоциированной с возрастом (англ.).

верхнее 140–150, нижнее 70–85. Я вообще никаких лекарств не принимаю. Яйцо и немного овсяной каши мой обычный завтрак. Но начинаю его с густого итальянского томатного сока. Для здоровья очень полезны выращенные без химикатов овощи. Весной я по полтора-два часа ежедневно работаю в саду. Высаживаю рассаду помидоров в большие горшки и на грядку. Я покупаю через Интернет редкие сорта помидоров, огурцов и свеклы. Дима привез из России несколько кавказских сортов помидоров. На подоконниках, выходящих на восток, стоят горшки с огурцами. Готовлю рассаду трех сортов свеклы. Перед нашим домом растет береза, и мы собираем березовый сок. Работа обеспечивает меня физической активностью на свежем воздухе.

№ 6

30 марта 2018 г., Лондон

30.03.2018

Показатели здоровья и продолжительности жизни значительно лучше у населения южной Европы (Греция, Италия, Франция и Испания) по сравнению с северной (Финляндия, Голландия, Дания, Великобритания и Ирландия), хотя по экономическим показателям и по калорийности диеты северная Европа опережает южную. В Великобритании смертность от инфарктов и инсультов, рассчитываемая на каждые 100 тысяч населения, в два раза выше, чем во Франции, хотя экономический уровень в этих странах был примерно одинаковым. Объяснение этой разницы сводится, прежде всего, к более разнообразной диете французов. Основными жирами у британцев были животные, у французов почти половина жиров приходилась на оливковое масло. Главными напитками британцев были пиво и виски, у французов виноградные вина и коньяк.

№ 7

16 сентября 2018 г., Лондон

16.09.2018

Проблемы питания и здоровья были главными для человечества в течение тысячелетий. Они будут доминирующими и в будущем. Однако генетически модифицированные культуры пока не повлияли на баланс продовольствия. Существует принципиальное различие между «зеленой революцией» в недавнем прошлом и «генной революцией», которая начинается на наших глазах. «Зеленая революция» осуществлялась на территории бедных густо населенных стран, спасая их от голода и обеспечивалась разработкой технологий, свободно доступных для фермеров. «Генная революция» пока происходит в наиболее богатых, с избытком обеспеченных продовольствием странах, она подгоняется не нуждой и голодом, а стремлением к получению эксклюзивных прав и коммерческой прибыли. Рентабельность ГМО культур может обеспечить лишь крупный агросервис, а не семейное фермерство. Трансгенные культуры или продукты пока не имеют в Европе или в России каких-либо коммерческих преимуществ. Придётся ждать много лет, когда плоды новых открытий и генетической инженерии станут общим достоянием.

№ 8

1 октября 2018 г., Лондон

1.11.2018³

Мы готовимся к зиме и к “Brexit”⁴, и никакого оптимизма в ближайшем будущем у меня нет. Великобритания вне ЕС не имеет перспектив, так как экономика страны сейчас слабая. Нет лидерства ни по одному из высокотехнических направлений. Проблем со здоровьем у нас пока нет, но все же старение замедляет активность. Я сократил на час свой рабочий день и перед сном слушаю через компьютер музыку и популярные песни, которые любил в молодости. Привет от Риты.

Желаю здоровья. Жорес.

Zh. A. Medvedev’s letters to Z. S. Gershenson in Ukraine

(PUBLICATION, PREFACE AND COMMENTS BY ZLATA S. GERSHENSON)

Schmalhausen Institute of Zoology of the National Academy of Sciences of Ukraine,
zlata.moth@gmail.com

This selection of excerpts from letters of the eminent Russian-British biologist Zhores A. Medvedev is devoted to his memory. Zhores A. Medvedev was a colleague and friend of Sergei M. Gershenson, Zlata S. Gershenson’s father. Sergey M. Gershenson was a worldwide renowned Russian-Ukrainian geneticist, member of the National Academy of Sciences of Ukraine, author of more than 300 papers and 12 monographs. His correspondence with Zhores A. Medvedev has not survived, as it was destroyed by Gershenson, because both scientists were in disgrace as representatives of “classical” genetics. After the death of S.M. Gershenson in 1998, Zhores A. Medvedev continued his correspondence by email with Zlata S. Gershenson, from London. Each letter is dated. The text of the letters was reproduced as in the original version and edited according to the rules of contemporary orthography and punctuation. Presently, these messages are stored in Zlata S. Gershenson’s private papers in Kyiv, Ukraine.

Keywords: Medvedev, correspondence, nutrition, longevity.

³ Последнее письмо Ж.А. Медведева, до конца жизни ему оставалось 14 дней.

⁴ Неологизм Brexit (Брексит) — акроним двух английских слов Britain (Британия) и Exit (выход). Под ним понимают процесс выхода Великобритании из Европейского союза. — *Примеч. ред.*

Из семейного альбома Медведевых. Фотографии
(ПУБЛИКАЦИЯ ДМИТРИЯ Ж. МЕДВЕДЕВА, МАРГАРИТЫ Н. МЕДВЕДЕВОЙ)

Фото 1. Ж.А. Медведев в лаборатории изотопов в Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева (ТСХА). 1955 г.

Fig. 1. Zh.A. Medvedev in the laboratory of isotopes at the Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiriazev (MTAA). 1955

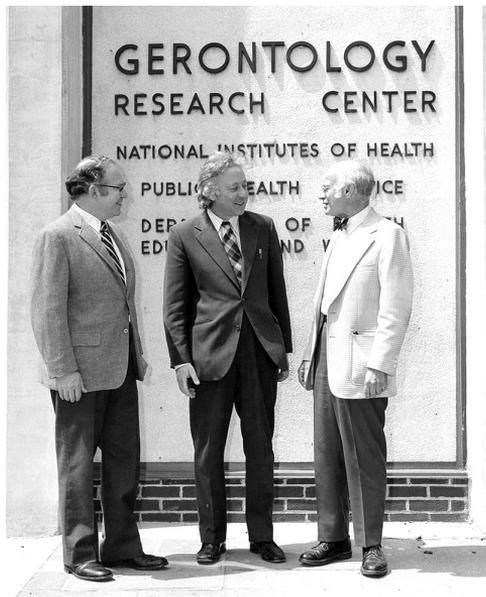

Фото 2. Ж.А. Медведев с коллегами у здания Геронтологического исследовательского центра. 1974 г.

Fig. 2. Zh.A. Medvedev and his colleagues in front of the Gerontological Research Center. 1974

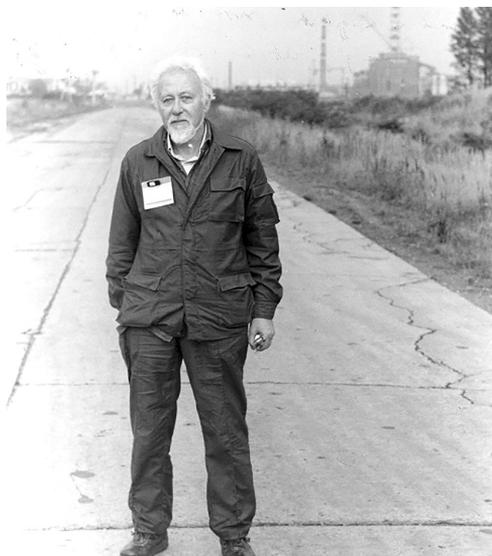

Фото 3. Ж.А. Медведев на дороге, ведущей в Чернобыль. 1990 г.
Fig. 3. Zh.A. Medvedev on the road leading to Chernobyl. 1990

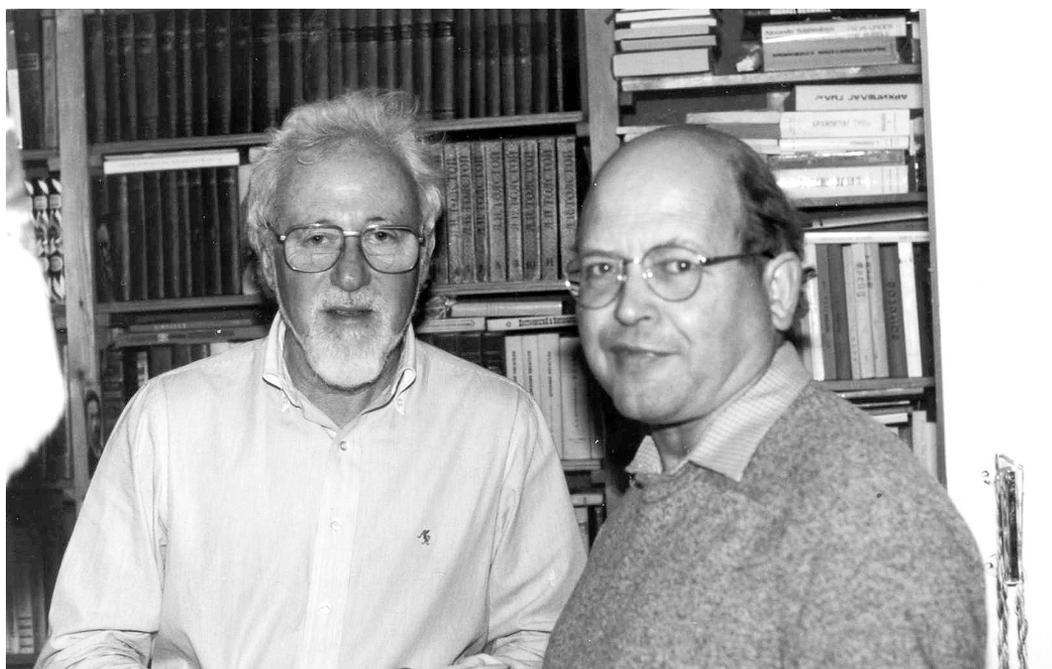

Фото 4. Ж.А. Медведев и Робин Холлидей, директор лаборатории в Национальном институте медицинских исследований (National Institute of Medical Research).
Fig. 4. Zh.A. Medvedev and Robin Holliday, director of laboratory at the National Institute of Medical Research

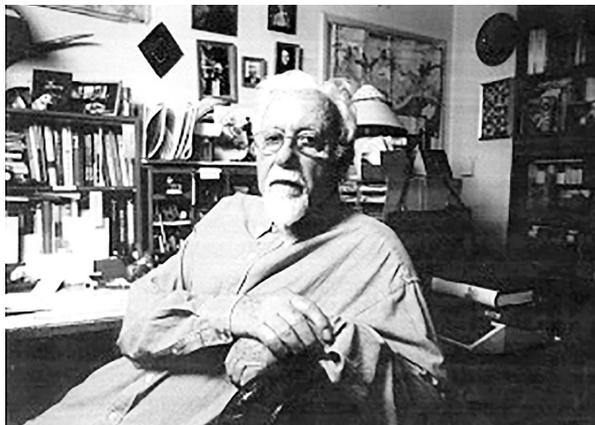

Фото 5. Ж.А. Медведев в своём рабочем кабинете дома. 2008 г.
Fig. 5. Zh.A. Medvedev in his study at home. 2008

Фото 6. Ж.А. Медведев пилит бревно. 2018 г. (?)
Fig. 6. Zh.A. Medvedev is sawing a log. 2018 (?)

Фото 7. Урожай овощей, выращенных супругами Медведевыми на домашнем огороде. 2018 г. (?)
Fig. 7. The harvest of vegetables grown by the Medvedev spouses in their home garden. 2018 (?)

From the Medvedev's family album. Photos

(PUBLICATION OF DMITRII ZH. MEDVEDEV, MARGARITA N. MEDVEDEVA)

Selected photos of Zhores A. Medvedev from the family archive are provided to the *Studies in the History of Biology* by his widow and son.

ВОСПОМИНАНИЯ И ИНТЕРВЬЮ

DOI 10.24411/2076-8176-2019-12000

«100-летний юбилей Н.В. Тимофеева-Ресовского»

(Глава 103 из книги воспоминаний
Жореса А. Медведева «Опасная профессия»)

ЖОРЕС А. МЕДВЕДЕВ

В этой главе воспоминаний Жореса А. Медведева «Опасная профессия» рассказывается о событиях 2000 г. В начале главы учёный вспоминает о своем участии в различных мемориальных конференциях и симпозиумах, посвящённых 100-летию со дня рождения Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского и проводившихся в различных научных центрах России. Далее Медведев сообщает о подготовке к изданию совместно с братом Роем Медведевым новой книги «Неизвестный Сталин». В 2000 г. Жорес Медведев завершил вторую часть книги под заглавием «Сталин и ядерное оружие», в которой он рассказывал о первой ядерной аварии в СССР, случившейся в 1949 г., и о её тяжелых последствиях. В следующих абзацах рассказывается о политической судьбе Г.И. Скляра, бывшего сопредседателя (вместе с Р.А. Медведевым) Социалистической партии трудящихся. Начиная с августа 2000 г. и в течение двух лет он играл очень существенную роль в реализации реформ в современной России. Далее Медведев описывает, как с конца 1999 г. его брат, Рой Медведев, писал книгу о В.В. Путине. Его первая книга, «Загадка Путина», имела успех и за границей, что и побудило автора подготовить расширенное издание. В конце главы Медведев объясняет, почему в 2000 г. он сократил работу по проблемам экономики и политики в России и стал писать очерки о проблемах питания, специфических прежде всего для людей пожилого возраста.

Ключевые слова: Жорес А. Медведев, Рой А. Медведев, Николай В. Тимофеев-Ресовский, Иосиф В. Сталин, атомный проект, Геннадий И. Скляр¹.

По научной традиции ЮНЕСКО отмечать юбилеи великих учёных 2000 год был объявлен годом Н.В. Тимофеева-Ресовского. В сентябре к 100-летию со дня рождения

---

¹ Резюме и ключевые слова выпускающих редакторов — *Примеч. ред.*

Николая Владимировича его многочисленные ученики стали инициаторами мемориальных конференций и симпозиумов, проводившихся в различных научных центрах. Первое приглашение для выступления с воспоминаниями о Николае Владимировиче я получил из Калуги. Здесь организовывали конференцию учёные из Института медицинской радиологии в Обнинске, где он работал и жил с 1964 до 1981 г. К ним присоединялись калужские краеведы, изучавшие многовековые родовые корни Тимофеевых-Ресовских в Калужской губернии (по матери Николай Владимирович происходил из знатного рода князей Всеволожских). Институт генетики и Генетическое общество Беларуси проводили 1–3 сентября конференцию в Минске. Украинское общество радиоэкологов, совместно с МАГАТЭ, отмечало этот юбилей в Киеве. В октябре юбилей Тимофеева-Ресовского отмечался Армянской академией наук, а несколько раньше, 21–22 сентября, немецкие учёные, ученики учеников и бывших сотрудников Николая Владимировича проводили мемориальную конференцию в Берлине-Бухе, где на базе существовавшей до 1945 г. лаборатории генетики и биофизики Тимофеева-Ресовского возник и работал Центр молекулярной генетики им. Макса Дельбрюка. Перед его входом на постаменте установили бронзовый бюст Тимофеева-Ресовского. В России была учреждена поощрительная медаль «Биосфера и человечество» имени Н.В. Тимофеева-Ресовского, которой в первую очередь в 2000 г. награждались бывшие сотрудники его лаборатории в Обнинске. На доме в Обнинске, где жили Николай Владимирович и Елена Александровна, была установлена мемориальная доска.

Для меня наиболее интересной являлась юбилейная научная конференция Российской академии наук «Современные проблемы радиобиологии, радиоэкологии и эволюции», которую организовывал в Дубне Владимир Иванович Корогодина, радиобиолог, создавший в 1961 г. отдел радиобиологии в новом Институте медицинской радиологии (ИМР) в Обнинске и пригласивший в 1962 г. меня для организации в этом отделе лаборатории молекулярной радиобиологии. В 1963 г. по рекомендации Корогодина дирекция Института пригласила Тимофеева-Ресовского, в то время работавшего в Свердловске, для создания лаборатории радиационной генетики (см. главы 3–5). Мы с Владимиром Ивановичем стали близкими друзьями. Он, как учёный, получил известность открытием в 1957–1959 гг. «**пострадиационного восстановления**» — способности клеток, находящихся в митотическом покое, восстанавливаться от радиационных повреждений. Это открытие послужило в последующем основой новых направлений в радиационной генетике и в биохимии ДНК. После увольнения Тимофеева-Ресовского на пенсию в 1969 году (см. главы 10–11), Корогодина переехал в Дубну, где возглавил Биологический отдел международного Объединенного Института ядерных исследований (ОИЯИ), основателем которого был легендарный академик И.В. Курчатов.

Из Москвы в Дубну, расположенную в 120 км от Москвы на берегу Волги, курсировала с Савеловского вокзала без остановок электричка, дополнительно оборудованная туалетами, отоплением и буфетом. Это был мой третий визит в знаменитый наукоград. Первый раз я приезжал в Дубну в 1967 г. для участия в научной конференции, второй раз в 1991 г. при подготовке лекции и очерка «*Взлет и падение большой советской науки*» (см. главу 77). Владимир Корогодина в то время уже жил и работал в Дубне, и я останавливался в его квартире. Сейчас для участников конференции, которая планировалась как международная, резервировались номера в главной гостинице города. Дубна, по сравнению с трудным 1991 г., заметно возродилась, но не за счёт ОИЯИ, а в результате появления в городе нескольких высокотехнологических производств, частных предприятий по электронике и создания филиалов московских институтов

и вузов. Однако Владимир Иванович Корогодина, ему недавно исполнилось 70 лет, за девять лет с нашей последней встречи, сильно постарел и выглядел нездоровым. Основную работу по организации конференции вела его жена Виктория.

Для проведения конференции как «международной» её организаторы надеялись на получение гранта от фонда «Открытое общество» Джорджа Сороса: «Мы сейчас будем обращаться в фонд Сороса, чтобы постараться найти деньги для приглашения учеников Н.В. из многих отдаленных мест... Если этот грант мы не сможем получить, то будем придумывать по-другому», — писала мне в начале года жена Корогодина, учёный секретарь конференции. Надежды на получение денег от Сороса, однако, не оправдались. Россия, быстро выходящая при президенте Владимире Путине из финансовой и политической зависимости, не могла теперь рассчитывать на благотворительность американских меценатов. Иностранцев участников на конференции в Дубне не было, и программа заседаний оказалась сильно сокращённой.

Сталин и атомная бомба

Я уже писал в предыдущих главах о нашем с Роем проекте новой книги «Неизвестный Сталин», договор на издание которой был уже заключён с московским издательством «Права человека». Мои главы для этой книги «Загадки смерти Сталина», «Сталин и Лысенко», «Секретный наследник Сталина» и «Сталин как русский националист» были уже готовы и публиковались с сокращениями в газетах и журналах. Была готова и наша общая с Роем глава о судьбе личного архива Сталина, который был, судя по многим признакам, уничтожен его ближайшими соратниками. Рой также уже закончил свои очерки-главы о ранее неизвестных событиях — секретной переброске в ноябре 1941 г. более десяти дальневосточных дивизий для битвы под Москвой. Этот важнейший стратегический манёвр войны, обеспечивший разгром немецких армий на подступах к Москве, не был, однако, известен большинству историков, так как осуществлялся лишь на основании устных приказов Верховного главнокомандующего командующему Дальневосточным фронтом генералу армии Иосифу Родионовичу Апанасенко. Сталин лично знал Апанасенко ещё с 1918 г. по Царицынскому фронту в Гражданской войне. Секретность и скрытность этого манёвра, который не заметили даже японцы, спасала Дальний Восток от возможного нападения японской Квантунской армии, имевшей около миллиона солдат и сконцентрированной на границе СССР и Маньчжурии. Были готовы и главы Роя об убийстве Бухарина и о судьбе матери Сталина, Екатерины Георгиевны. В 2000 г. мне осталось завершить вторую часть книги «Сталин и ядерное оружие», состоявшую из трёх глав. Некоторые очерки по этой проблеме я уже публиковал в прошлые годы в газетах и журналах. Однако в 1999 г. Министерство Российской Федерации по атомной энергии осуществило публикацию ограниченным тиражом обширного трёхтомного издания «Атомный проект СССР», в котором были собраны все секретные постановления Совнаркома, подписывавшиеся Сталиным, и все Протоколы заседаний «Специального комитета» при Совнаркоме СССР, подписывавшиеся его председателем Л. Берия, более тысячи, нередко достаточно обширных документов, которые разворачивали картину создания в Советском Союзе многочисленных объектов атомной промышленности и производства атомных и водородных бомб. Я надеялся, что смогу найти в этих протоколах тексты решений, на основе

которых осуществлялась ликвидация первой серьезной аварии — катастрофы атомного проекта СССР, которая привела к очень большому числу человеческих жертв.

20 января 1949 г. произошло расплавление части урановых блоков первого уранового реактора, зашифрованного в протоколах как «агрегат А». Реактор, запущенный на полную мощность в июне 1948 г., был остановлен примерно в середине цикла, когда, по расчётам его создателей, в загруженных в него 150 тоннах урана, ещё возможно не накопилось достаточно плутония для изготовления первой советской атомной, «плутониевой» бомбы, испытание которой, по решению Политбюро, следовало провести до конца 1949 г. Создание «урановой» бомбы, требовавшее газодиффузного отделения урана-235 из природного урана, состоявшего на 99,3 % из урана-238, задерживалось на несколько лет из-за технических проблем².

Причины и характер аварии первого реактора были достаточно подробно описаны в книге «Создание первой советской ядерной бомбы», изданной в 1995 г. «Энергоатомиздатом» и в свидетельствах Ефима Павловича Славского, бывшего многолетнего руководителя атомной промышленности, опубликованных в 1997 г., через шесть лет после его смерти. В моих очерках в 1998–1999 гг. характер аварии и принятые решения о её ликвидации были уже изложены:

...Урановые блоки через пять месяцев работы реактора обладали колоссальной радиоактивностью, измеряемой миллионами кюри. В них уже накопилось большое количество радионуклидов, делавших эти блоки горячими, с температурой выше 100 °С. Главными гамма-излучателями были изотопы цезия, йода, бария и многие другие...

Устранение аварии требовало полной разборки всего реактора, извлечения из него 39 тысяч урановых блоков, 150 тонн урана, и перезагрузки урана в новые блоки, покрытые более устойчивым к мощному нейтронному облучению анодированным алюминием, срочное изготовление которого поручалось заводам авиационной промышленности. Все работы по «перезагрузке» реактора можно было проводить лишь вручную, и для её реализации требовались тысячи рабочих, летальное облучение которых, и внешнее, и внутреннее — через легкие, было неизбежным. Респираторы и дозиметры в то время не применялись. Их ещё не было.

С перезагрузкой реактора следовало подождать хотя бы три-четыре месяца, чтобы в реакторном топливе произошёл распад короткоживущих радиоизотопов, прежде всего йода-131 с периодом полураспада восемь дней, молибдена-99, с периодом полураспада три дня и бария-140, период полураспада которого составлял 12,5 суток. За три-четыре месяца гамма радиоактивность ядерного топлива могла снизиться в 15–20 раз. Понимал это и Курчатов:

...Предстоял выбор — либо сберечь людей, либо спасти урановую загрузку и сократить потери в наработке плутония. Руководством ПГУ (Берия и его заместитель А.П. Завенягин) и научным руководителем (И.В. Курчатов) было принято второе решение...

Вся работа по извлечению из реактора 39 тысяч урановых блоков — 150 тонн урановой начинки реактора заняла 34 дня. Каждый блок требовал визуального осмотра...

---

² В США урановая бомба была изготовлена и испытана раньше плутониевой. При атомных бомбардировках Японии в августе 1945 г. Хиросима была разрушена урановой бомбой, Нагаоки — плутониевой. — *Примеч. автора.*

В записанных воспоминаниях Ефима Павловича Славского, бывшего в 1949 г. главным инженером аварийного реактора свидетельствуется:

Решалась задача спасения урановой загрузки и наработки плутония самой дорогой ценой — путем неизбежного переоблучения персонала. С этого часа весь мужской персонал объекта, **включая тысячи заключённых** (выделено мною. — *Ж.М.*), проходит через операцию выемки труб, а из них частично повреждённых блоков; в общей сложности было извлечено и вручную переработано 39 тысяч урановых блоков... Никакие слова не могли в тот момент заменить силу личного примера. И. Курчатов первым шагнул в ядерное пекло, в полностью загазованный радионуклидами центральный зал аварийного реактора. Возглавил операцию разгрузки поврежденных каналов и дефектацию выгружаемых урановых блоков путем личного поштучного их осмотра... Еще хорошо, что он переборкой блоков занимался не до конца, если бы досидел тогда в зале до финиша — мы бы его тогда и потеряли... (Славский, 1997, с. 9).

Работа по разборке реактора шла круглосуточно, сменами по шесть часов. Одну из смен в центральном зале реактора провёл генерал-лейтенант Авраамий Павлович Завенягин, первый заместитель Берии. (Курчатов и Завенягин получили за неполную смену очень большие дозы облучения и в последующие годы страдали от лучевой болезни. По свидетельству Славского, Курчатов получил лучевое поражение средней тяжести. Завенягин разборкой блоков не занимался и ободрял работающих своим присутствием в генеральской форме. В «дефектации» урановых блоков принимал личное участие профессор Борис Никитин, директор радиохимического завода по выделению плутония («объект Б»). Переоблучением можно, по-видимому, объяснить и их раннюю смерть: Завенягина — в 55 лет, Курчатова — в 57 лет. Никитин умер в возрасте 46 лет в 1952 г. именно от лучевой болезни).

Я подчеркнул в цитате из моего очерка и проекта главы, что основную работу по разборке блоков реактора проводили «тысячи заключённых». Вокруг «объекта» находилось несколько лагерей, заключённых, в основном из «остарбайтеров», репатрированных из Германии советских граждан, и военных строителей, также, практически заключённых, солдат в основном из «штрафных» батальонов, которых не демобилизовывали после окончания войны, а направляли на разные секретные стройки. Об адресах и судьбах этих людей никто тогда не знал, даже их самые близкие родственники. У них не было права на переписку.

В новых томах «Атомного проекта», изданных в 1999 г., я попытался найти какие-то сведения о судьбе «тысяч заключённых», которые проводили ручную разборку аварийного реактора и последующую перезагрузку урановых блоков в изготовленные из анодированного алюминия блоки — ТВЭЛы (тепловыделяющие элементы). Летальную дозу облучения в такой работе получали практически все, возможно, что за одну или две смены. Больниц, где их могли бы диагностировать и лечить или просто содержать, в Челябинской области, да и на всем Урале, в то время не было.

В новых томах «Атомного проекта СССР» я попытался найти какие-то решения «Специального комитета», связанные с этой аварией. Заседания проводились каждый месяц под председательством Л. Берии. «**Протокол № 71**», датирован 6 декабря 1948 г. На этом заседании было принято 20 решений. «**Протокол № 72**» датирован 30 декабря и содержал 17 решений. Авария реактора начала развиваться в середине января 1949 года, и реактор был остановлен 20 января. Разборка реактора была начата в конце января. Никаких решений, связанных с этой критической аварией главного объекта

всей атомной программы, не публиковалось, а может быть, и не фиксировалось в письменном виде, хотя Сталин был информирован и Берия срочно прилетел на «объект», где уже находились почти все члены «Специального комитета». Следующий «**Протокол № 73**» датирован 18 февраля 1949 г. В это время всё ещё продолжалась «дефектация» повреждённых урановых блоков. Поэтому среди принятых решений пункт «а» говорил «о замене всех технологических труб с односторонним анодированием на технологические трубы с двухсторонним анодированием поверхности труб (отв. Ванников и Курчатov)». Однако никаких других решений по возникшей проблеме не протоколировалось. Они, безусловно, решались лишь устными распоряжениями и приказами. Документировать их было признано, по-видимому, нецелесообразным.

Реконструированный реактор возобновил работу в марте. Разгрузка реактора производилась по проекту сбросом блоков с наработанным плутонием в находящийся под реактором пруд-охладитель. Здесь они выдерживались какой-то срок для распада наиболее опасных короткоживущих радионуклидов и затем шли на «объект Б» — завод по выделению плутония. Срок этой «выдержки» был сильно сокращён. Это создавало много проблем для сотен радиохимиков, среди которых преобладали женщины. Выделение плутония из выгоревшего уранового топлива — это очень сложная работа, которую может осуществить лишь квалифицированный персонал. План по производству чистого плутония был выполнен. Его хватило на одну бомбу, РДС-1 («Россия делает сама»). Она была успешно испытана 29 августа 1949 года на Казахстанском полигоне. Вторая бомба, РДС-2, большей мощности, испытывалась 24 сентября 1951 года. Судьба тысяч ликвидаторов первой аварии, получивших летальные дозы облучения, остаётся неизвестной. Воспоминаний о них никто не оставил.

Геннадий Иванович Скляр

События, в которых участвовал Геннадий Скляр, начались в августе 2000 г. и продолжались около двух лет, сыграв очень существенную роль в реализации реформ в современной России. Между тем они не обсуждались в прессе и остаются неизвестными. Сам Геннадий Скляр также остался незамеченным, хотя его роль в реорганизации средств массовой информации России, основными из которых являлись телевидение и радиовещание, отобранные у олигархов и возвращенные под контроль государства, была решающей. Незаметность этой реформы послужила, впрочем, и основой её успеха.

Геннадий Иванович Скляр, инженер-конструктор, работавший в 1980-х гг. на обнинском оборонном приборном заводе «Сигнал», в 1990—1991 г. был избран Первым секретарем обнинского горкома КПСС. Я познакомился с ним на «учредительном» собрании новой Социалистической партии трудящихся (СПТ), состоявшемся в Москве в клубе завода «Компрессор» 26 октября 1991 г. (см. главу 79). Одним из основателей партии и её идеологом был Рой Медведев. На первом съезде СПТ в декабре 1991 г. Геннадий Скляр был избран сопредседателем партии. Мы с Ритой, как я уже писал раньше, в начале 1995 г. купили двухкомнатную квартиру в Обнинске и жили в ней во время приездов в Россию. Геннадий Скляр с женой жили недалеко от нас на том же проспекте Маркса в скромной двухкомнатной квартире на девятом этаже, и я часто его посещал. Геннадий Иванович работал в то время в администрации мэрии города. Осенью 1995 г.

Скляр был выдвинут кандидатом в Государственную Думу от одномандатного Калужского округа. Я тогда внёс небольшую сумму в его выборный фонд. Однако у Скляра на этих выборах было много соперников, и он не был избран (см. главу 92). Такая же участь постигла его и на выборах в Государственную Думу в 1999 году.

В ноябре 2000 г. руководство СПТ решило устроить относительно скромное чествование Роя Медведева в связи с его 75-летием. Оно проходило в небольшом ресторане на Новослободской улице. Здесь я, тоже юбиляр, снова встретил Геннадия Ивановича, и он рассказал мне о неожиданном приглашении в октябре на приём к Владимиру Путину. Цель приглашения не объяснялась. Рой, знавший обстановку в Кремле лучше нас, объяснил, что это приглашение к Путину означало намерение лично познакомиться и возможность назначения Скляра на какую-то ответственную должность. В таких случаях друзья, помощники и члены администрации президента предлагают разных кандидатов. Но Путин всегда выбирал сам после беседы с каждым из них.

Прощаясь со Скляром после дружелюбной беседы, Путин неожиданно спросил — «А где Вы храните свой партийный билет?» (речь шла о партбилете члена КПСС). «В ящике письменного стола», — ответил Скляр.

«Правильно, — сказал Путин, — я тоже храню мой партбилет в столе среди личных документов».

Геннадий Скляр получает государственный пост особой важности

Продолжение рассказанной выше истории произошло уже в 2001 году. Но её началом, как я понимал, был вызванный коротким замыканием пожар на знаменитой Останкинской телебашне в Москве 27–28 августа 2000 г. С высотой 540 метров эта башня в то время была самым высоким сооружением в мире. Погибли три человека: два пожарника и лифтерша. Телевизионное вещание из Москвы было прервано на неделю. Телевизионная вышка считалась государственной собственностью, но какого-то управления передачами многочисленных приватизированных телеканалов и студий уже давно не было. Сотрудники телевышки, в основном с техническими знаниями, обслуживали многочисленные частные телестудии. Первым главным каналом, который по традиции смотрела и слушала вся страна, был в то время ОРТ («Общественное российское телевидение»), которое, однако, уже не было «общественным». Контрольный пакет его акций принадлежал Борису Березовскому. Этот канал обеспечивал до 2000 г. поддержку президента Ельцина. Вторым по значению каналом, имевшим выход и на зарубежную аудиторию, стало с 1993 г. НТВ («Независимое ТВ»). Основателем и владельцем этой компании был олигарх Владимир Гусинский. НТВ входило в его медиаимперию «Мост». НТВ и «Мост» находились в оппозиции Ельцину, особенно при освещении событий в Чечне. В 2000 г. и ОРТ, и НТВ при ежедневных репортажах, связанных с гибелью атомной подводной лодки «Курск», а их смотрела тогда вся страна, очень резко и необъективно критиковали президента Владимира Путина.

Летом 2001 г. Геннадия Скляра снова пригласили в Кремль в кабинет Путина. Я узнал об этом от Роя и подробностей беседы не знаю. Путин, разобравшись к этому времени с общей анархией в деле радиовещания и телевидения, создал своим указом новое федеральное государственное управление «Российская телевизионная и радиовещательная сеть» (РТРС), в собственность которой передавались большая

часть всех телевизионных вышек от Калининграда до Камчатки, 9362 телевизионных и 2636 радиопередатчиков и около 8000 антенно-мачтовых сооружений. Была введена дифференцированная оплата услуг. «Доставка сигнала — это стратегический ресурс и ее нельзя отдавать в частные руки», — объяснил Путин в беседе с Геннадием Скляр. Указом Путина Геннадий Скляр назначался директором новой компании. Эта компания, в штатах которой насчитывалось 24 тысячи сотрудников по всей стране, была самостоятельной и не входила в состав правительства. Геннадий Скляр подчинялся лично Путину, мог обращаться к нему напрямую и в последующем встречался с ним много раз. Я предполагал, что выбор Путина объяснялся не только личными достоинствами и административным опытом Геннадия Склера, но и его технической квалификацией. Завод «Сигнал» в Обнинске, на котором долго работал Скляр, специализировался на изготовлении приборов электронной системы контроля радиационной безопасности для атомных электростанций и атомных подводных лодок и ледоколов. Путин и Скляр, к тому же, были людьми одного возраста, каждому из них исполнилось в 2001 году по 49 лет. После «советской» карьеры оба работали в мэриях.

Геннадий Скляр сумел сделать работу новой компании прибыльной. Часть платежей за рекламы шла, по-видимому, в бюджет РТРС. Именно рекламы являлись главными источниками прибыли ОРТ и НТВ, и Геннадий Скляр распоряжался выделяемым для них временем. Березовский и Гусинский в 2001 г. уже покинули Россию и жили за границей: Березовский в Англии, Гусинский в Испании. В 2001 г. Геннадий Скляр переехал из Обнинска в Москву.

Первая книга о Путине

Рой, как историк, был известен в западных странах, с 1989 года в СССР, а затем и в России прежде всего книгами о лидерах страны (Сталин, Хрущёв, Брежнев, Андропов) и очерками о её основных политических фигурах. Эти книги не были биографиями, а излагали и анализировали деятельность лидеров и политиков и связанные с нею события. С конца 1999 г. главное внимание Роя и многих других авторов привлекало, естественно, Владимир Путин. К началу 2000 г. Рой уже опубликовал несколько очерков о политике Путина, в основном связанных с событиями в Чечне.

После официальной инаугурации Путина в мае 2000 г. стала формироваться программа государственных визитов президента, последовательность которых отражала по традиции приоритетную важность для России тех или иных стран. Первый официальный визит 17–19 июля состоялся в Китайскую Народную Республику. Вторым государственным визитом в начале сентября намечался в Японию, третий, в начале октября, — в Индию. Также в октябре Путин планировал визит в США, но он готовился как «рабочий». Это означало, что торжественную встречу с красной ковровой дорожкой и почётным караулом для российского президента в США не готовили.

У Роя к концу мая уже была закончена первая небольшая книга «Загадка Путина», которую печатало дружеское издательство «Права человека», директором и собственником которого был наш друг Игорь Николаевич Зайцев, японовед, работавший в кооперации с небольшим японским издательством «Гэндай ситё-ся» в Токио, директором и владельцем которого была Казуко Ватанабе. Я встречался с ней и с сотрудниками издательства во время поездки в Японию в 1997 году (см. главу 97).

В письме от 27 мая Рой сообщал:

...В среду я закончил вычитывать корректуру книги о Путине — получилась аккуратная книжечка в 90 страниц, её издательство хочет выпустить быстро — до 10 июня, тиражом в 3 тысячи. Но уже есть предложения издать большим тиражом и продавать по всей стране... Книгу запросили из Токио в том же издательстве и туда все отправили электронной почтой...

В июне-июле Рой быстро подготовил второе, расширенное издание, так как произошло много событий, особенно в отношениях Путина с олигархами. Был арестован по обвинению в отмыванию денег и неуплате налогов Гусинский. После нескольких дней, проведённых в Бутырской тюрьме, он был освобождён с подпиской о невыезде из страны. В июле около 20 олигархов были приглашены в Кремль на встречу с Путиным, где они получили предупреждение. Детали состоявшейся беседы не публиковались. Ясно было лишь одно — олигархов предупредили о соблюдении законов и отключили от вмешательства в политику.

Дополненная версия книги имела уже другой заголовок «Время Путина?». Но в Японии уже срочно перевели и издали первый вариант. В письме от 30 августа Рой сообщал:

В Японии издали книгу «Загадка Путина». У них хорошая книжка в твердом переплете с суперобложкой в 153 страницы. Меня в Посольстве попросили подписать две книги премьеру и даже императору Акахито и подписать им небольшое письмо, и все это срочно отправили через посольство в Токио. Позднее мне скажут о судьбе этих книг. Это пиар для издательства...

Рой также дополнял: «В США Норма Брейн из Госдепа начала переводить книгу о Путине... Ее муж бывший заместитель посла США, я с ними общался в конце 70-х. Он был потом послом США в Грузии, сейчас вице-президент огромной табачной корпорации...»

Однако в США перевод книги Роя о Путине готовился лишь для «служебного пользования» и в коммерческие издательства не поступил. Никаких предложений об издании книги Роя о Путине из западных стран не приходило, хотя я разослал экземпляры в издательства, с которыми мы в прошлом сотрудничали. Рой объяснял это достаточно просто:

...Я вижу сам, что на Западе друзей у России нет. Там крайне удивлены и раздражены тем, что и после распада СССР Россия оказалась великой державой, с которой надо считаться и которая создает для Запада слишком много проблем. Но у России есть пространство для маневра и на Востоке, и на юге, а кое в чём Россия очень нужна Западу. В России происходит поворот — все левые и коммунистические, патриотические и националистические группы и газеты начинают поддерживать Путина, а правые группы — Немцов, Хакамада, Явлинский поворачивают против Путина. Чубайс придерживается нейтралитета, а Кириенко выступает за Путина. Примаков также поддерживает Путина, Лужков колеблется...

6 сентября в Москве открывалась традиционная Международная книжная ярмарка. Новое издание книги Роя «Время Путина?» было выставлено на презентацию в павильоне «Библио-глобуса» — так назывался теперь московский магазин «Книжный мир», самый большой в СССР и в России. У Роя была встреча с читателями и сессия с подписанием книги её покупателям.

Выбор новых тем

В 2000 г. я постепенно сократил работу по проблемам экономики и политики в России. К концу года стало очевидным, что Владимир Путин останется у власти надолго. Все темы и проблемы, связанные с его деятельностью, Рой мог освещать быстрее, полнее и лучше меня. Путин как-то очень быстро перешёл из положения «избранного президента», что подразумевало западную модель демократии и означало ограниченное каким-то сроком президентское или премьерское правление, к положению «национального лидера», которое никакие перевыборы уже не могли изменить. Национальными лидерами, или даже «вождями», были в недавнем прошлом Сталин, Мао Дзэдун, Дэн Сяопин, Хо Ши Мин и маршал Тито, а в настоящее время и Фидель Кастро. Однако их власть базировалась на коммунистической идеологии, однопартийности и криминализации оппозиции. К ним подходило бы и определение «диктатор», хотя от большинства диктаторов их отличало отсутствие главной опоры на армию, как у генералов Франко и Пиночета, или религию, как у аятоллы Хомейни. Путин стал национальным лидером в условиях демократии. Этого в Западном мире достигли в недавнем прошлом лишь Франклин Рузвельт, Де Голль и Конрад Аденауэр, а в других странах Махатма Ганди, Гамаль Насер и Нельсон Мандела. Но в отличие от всех других национальных лидеров, приходивших к власти в политической борьбе долгим и трудным путем, Путин пришёл к власти без политической борьбы — путём назначения и в условиях кризиса. Но он получил доверие народа почти сразу. Ему доверились не как «великому», а именно как простому, понятному, надёжному и решительному человеку. Патриотизм Путина был очевиден. У Путина не было властолюбия Ельцина, безволия Горбачёва, болезни Андропова, тщеславия Брежнева, реформаторской лихорадки Хрущёва, жестокости Сталина или «революционной» харизмы Ленина.

В последние годы я кооперировал с большим числом журналов и газет, выходящих в разных регионах России и в Украине. Теперь я сообщал редакторам, с которыми у меня была переписка, что буду постепенно менять тематику и чаще писать о проблемах питания, здоровья и долголетия, то есть по темам моей профессиональной биохимической и геронтологической квалификации. В этой переписке возникали и специфические предложения. Главный редактор «Амурской правды» (Благовещенск) Н.Л. Савин, например, написал (письмо было без даты):

Редакция была бы признательна Вам за материалы (желательно с фотоснимками), которые познакомят читателей с повседневной жизнью лондонцев. Темы могут быть разнообразны: например, сколько стоит в Англии родиться, креститься, жениться и умереть с упором на местные традиции и финансовые возможности разных слоев населения. Или везде ли в Англии платное обучение, здравоохранение и т. д. Где лондонцы отдыхают, кушают, готовят ли сами. Как относятся в стране к начинающим предпринимателям, инвалидам с детства, ветеранам войны, больным СПИДом, матерям-одиночкам... Насколько опасны ночные улицы Лондона, как борются в стране с детской преступностью и бродяжками... статьи не должны быть сложными — нужно сделать так, чтобы жители Амурской области совершили заочное путешествие по сегодняшней Англии...

Я послал в «Амурскую правду» и в некоторые другие областные газеты очерк «Бомжи Лондона», который был у меня готов, с фотографиями спящих в спальных мешках бездомных, которых можно было обнаружить в подъездах и возле витрин, закрытых от дождя, в центре города, даже на Пикадилли, и объяснил историю и при-

чины высокого уровня бездомности именно в Лондоне. Но устраивать «заочное путешествие» российских читателей по Англии я не мог. Обойтись в этом случае без сравнений и критики традиционной российской действительности было бы невозможно. В Англии, например, в повседневной жизни совершенно не было даже попыток дачи взяток дорожным полицейским или медицинским работникам — обычных случаев в Москве или в Твери³. Образование и здравоохранение в Англии были для большинства населения бесплатными, хотя более состоятельные граждане предпочитали платные клиники и частные школы для своих детей. Частных университетов, распространённых в США, в Великобритании не было. Большая разница существовала и в отношении к престарелым. В Англии о них действительно заботились. Я ходил по тротуарам с палочкой и немного хромал. От ближайшей остановки автобуса до нашего дома было около километра. Нередко возле меня останавливалась машина, и водитель предлагал подвезти домой. В вагонах метро и в автобусах сразу уступали место. В Москве, во всяком случае, в 1990-е гг. таких явлений почти не было. Во всех районах Лондона было много «charity shops» — благотворительных магазинов, в которые граждане приносили бесплатно множество полезных вещей и книг. Продавцы этих магазинов были добровольцами, без зарплат, часто пенсионерами. Кое-что покупали в таких магазинах и мы, обычно книги. Прибыль от продажи приносимых вещей по очень дешёвым ценам шла в фонды изучения и лечения рака, психических заболеваний, обществ слепых и глухих, помощи бездомным и инвалидам с детства, в дома для престарелых и на другие аналогичные цели, включая питомники для оставшихся без умерших или заболевших хозяев бездомных собак и кошек. Просьбы о пожертвованиях в разные благотворительные фонды часто приходили и по почте. Мы на них откликались скромными чеками. Это были пожертвования в «Красный Крест», обществ инвалидов войн, защиты природы.

«Посторонись дед!» — рывкнул на меня автомобилист в Твери на улице без тротуаров и без асфальта. По таким улицам в небольших британских городах был бы закрыт проезд, прежде всего для автомобилей. «Куда прёшь старик!» — это я слышал и в метро от молодых парней. Сказывалась разница в общей культуре. Но и в Лондоне, особенно в его южной части за Темзой, имелись районы, где было опасно ходить не только ночью, но и днем. Здесь не было даже полицейского патрулирования, и процветали наркоторговля, проституция, подпольные казино. Ночную жизнь Лондона я не знал. В Англии законы в основном уважались и соблюдались, в России, во всяком случае, в 1990-е гг., этого не было. Писать на такие темы очерки в областные газеты я не мог.

Здоровье, возраст и питание

С конца 2000 г. я стал писать очерки о проблемах питания, специфических, прежде всего, для людей пожилого и старого возраста. Разделы о питании имеются во многих журналах и еженедельных газетах. Они популярны и среди читателей. В каждом номере таких журналов, как «Наука и жизнь», «Химия и жизнь», или в многотиражном еженедельнике «Аргументы и факты» можно найти статьи о разных диетах, причём далеко не всегда написанные компетентными специалистами. Множество рекомендаций

---

³ За попытку дать взятку полицейскому в Англии последовал бы немедленный арест, до года тюрьмы и лишение водительских прав только на основании свидетельства полицейского. — *Примеч. автора.*

имеют, преимущественно, рекламный характер. Почти никогда нет дифференцированных советов для людей разного возраста, хотя их потребности существенно различаются.

В 1998 и в 1999 гг. я уже опубликовал две популярные геронтологические статьи в новом небольшом ежемесячном журнале «Будь здоров», которые, независимо от этого журнала, печатались и в некоторых областных газетах. Вторая из этих статей «Парадоксы геронтологии» печаталась в мартовском номере журнала. Появление журнала «Будь здоров» в 1993 г. было инициативой Стива Борисовича Шенкмана — журналиста, основавшего издательскую группу «Шенкман и сыновья» специально для публикации работ о здоровье. Генеральным директором этого акционерного общества стал его сын Борис Стивович Шенкман, биохимик и доктор биологических наук. С 2000 г. к журналу добавилось также ежемесячное приложение «60 лет не возраст», специально для пенсионеров. Журнал приобрел популярность, его тираж превысил 100 000 экземпляров. С 2001 г. я начал активно сотрудничать с этим журналом, продолжая при этом публикации в областных газетах и еженедельниках. По традиции я всегда посылал свои очерки прежде всего в еженедельник «Тверские ведомости», редакцию которого я посещал в каждый приезд в Россию. В Твери жили сестра и брат Риты с семьями и наши внуки с мамой. Здесь были могилы родителей Риты и нашего Саша, которые мы посещали. В Твери посещение кладбищ и уход за могилами были старой традицией. Мы приезжали в Россию только раз в год, обычно на один-два месяца, и первую неделю поездки всегда проводили в Твери. Моей начальной статьей в новой серии был очерк «Углероды на долгие годы». Второй был посвящён жирам. Свообразным бестселлером стал очерк «Холестерин — друг или враг?», я его несколько раз дополнял. Он сразу широко распространился через Интернет⁴. Успех этой серии очерков привёл меня к решению готовить на эту тему и книгу. С 2001 г. я снова стал посещать библиотеку Института, в котором я работал до 1991 г. Здесь к полкам книг в основном зале добавился и компьютерный зал с инструктором, помогавшим и штатным сотрудникам, и пенсионерам. Поиск необходимой информации значительно облегчился и ускорился.

**“100-year anniversary of N.V. Timofeev-Ressovsky”
(Chapter 103 of the unpublished memoirs of Zhores A. Medvedev
“A dangerous profession”)**

ZHORES A. MEDVEDEV

In this chapter of Zhores A. Medvedev's memoirs “A Dangerous Profession”, the scientist tells about the events of 2000. At the beginning of the chapter he remembers about his participation in various memorial conferences and symposia dedicated to the 100th anniversary of Nikolai Vladimirovich Timofeev-Ressovsky's birth, conducted in various scientific centers in Russia. Medvedev then tells about the preparation for publication, with his brother Roi Medvedev, of a new book, “The unknown Stalin”. In 2000, Zhores Medvedev was finishing the second part of the book, entitled “Stalin and the nuclear weapon”, in which he recounted the first nuclear accident in the USSR, which happened in 1949, and its terrible consequences. In the next sections, the author tells about the political career of G.I. Skliar, the former co-chair-

⁴Желающие могут найти его в Сети и сейчас просто по заголовку. — *Примеч. автора.*

man, along with R.A. Medvedev, of the Socialist Workers' Party. Starting from 2000 and in the course of two years, he played an important role in the realization of reforms in contemporary Russia. Further, Medvedev describes how, starting from 1999, his brother Roy Medvedev wrote a book on V.V. Putin. His first book, "Putin's enigma", was successful in Russia and abroad, which led the author to publish an enlarged version. At the end of the chapter, Medvedev explains why in 2000 he cut down on his work on economic and political questions and turned to the writing of essays on questions of nutrition, specifically applied to elderly people.

Keywords: Zhores A. Medvedev, Roy A. Medvedev, Nikolai V. Timofeev-Ressovsky, Iosif V. Stalin, atomic project, Gennady I. Skliar.⁵

---

⁵The summary and keywords of publishing editors — *an editor's note*.

«К счастью для меня, я начал свое образование в 1944 году и поэтому мог изучать классическую генетику»

*(Из интервью Жореса А. Медведева. Геннадий В. Кузовкин¹,
Барбара Мартин²)*

¹ Научно-информационный и просветительский центр «Мемориал», Москва, Россия;
kuzovkin@memo.ru

² Фонд Пьера дю Буа, Женева, Швейцария; Barbara.martin@graduateinstitute.ch

В этом интервью, взятом немецким историком Дитрихом Байрау в 1984 г., Жорес Медведев рассказывает о своей научной карьере в Советском Союзе, начиная со студенческих лет в Сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева после войны. Его ранний интерес к вопросам геронтологии привёл его к изучению процесса старения, сначала у растений, а потом у животных, в трёх разных учреждениях: в Москве (1951–1962), в Обнинске (1962–1969) и в Боровске (1970–1972). Центральная тема интервью — самиздат, при этом Жорес Медведев был зачинателем особого самиздатского жанра. Его работа «Биологическая наука и культ личности» стала первым независимым научным исследованием в самиздате. В результате заметное место в интервью занял рассказ об оппонировании Медведева шарлатанским теориям Т.Д. Лысенко. Медведев также говорит о том, какие обстоятельства и мотивы повлияли на его решение опубликовать свои труды на Западе, где в 1966 г. появилась его первая книга по биологии. В 1969 г. он опубликовал в США отвергнутую цензурой рукопись «Взлёт и падение Т.Д. Лысенко». После этой зарубежной публикации Медведев был уволен из обнинского Института медицинской радиологии. В мае 1970 г. учёного насильственно поместили в Калужскую психиатрическую больницу. Скорое освобождение состоялось благодаря успешной, получившей международный резонанс, кампании советских учёных и писателей в его защиту. В 1973 г. Медведев получил разрешение на выезд в Англию для работы в Медицинском Исследовательском Совете и был лишён советского гражданства в том же году.

Ключевые слова: биология, сельское хозяйство, генетика, сталинизм, Советский Союз, диссидентство, самиздат.

«Я принадлежал к лагерю, который был против Лысенко»

В первой половине 1960-х гг. в научных кругах ходила по рукам рукопись неопубликованного исследования «Биологическая наука и культ личности». Автором ставшей весьма популярной рукописи был молодой биолог Ж.А. Медведев. В своём очерке учёный разоблачал псевдонаучные теории Т.Д. Лысенко (т.н. «мичуринская агробиология»), которые нанесли ущерб развитию генетики в СССР и служили оправданием для репрессий против учёных, не желавших признавать шарлатанства и жульничества Лысенко. Среди читателей очерка были Андрей Сахаров и Александр Солженицын. Автор знаменитого «Одного дня Ивана Денисовича» написал Ж.А. Медведеву: «За много лет буквально не помню книги, которая так бы меня захватила и взволновала, как эта

Ваша» (Медведев и Медведев, 2015, с. 56). После падения покровительствовавшего Лысенко Н.С. Хрущёва речь шла об опубликовании очерка Медведева¹, однако проект так и не осуществился, и автор решил передать рукопись за границу, где книга «Взлет и падение Т.Д. Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929–1966)» (Medvedev 1969) и была опубликована.

Вместе с братом-близнецом Роем, историком сталинизма и автором книги «К суду истории», Жорес Медведев получил известность на Западе после публикации своих научно-исторических и публицистических трудов, критиковавших разные аспекты советской действительности. Братья Медведевы — дети репрессированного коммуниста. Жорес в годы Великой Отечественной войны принимал участие в боях на Таманском полуострове, был ранен и демобилизован. В 1944–1950 гг. он учился в московской сельскохозяйственной Академии им. Тимирязева. Защитил кандидатскую диссертацию по физиологии и биохимии растений в 1950 г. Он работал научным сотрудником Тимирязевской академии в 1951–1962 гг., а с 1962 по 1969 г. заведовал лабораторией молекулярной радиобиологии Института медицинской радиобиологии Академии медицинских наук СССР в г. Обнинске Калужской области.

После публикации своей книги на Западе Медведев был уволен из Обнинского Института медицинской радиологии. В мае 1970 г. учёного насильственно поместили в Калужскую психиатрическую больницу. Скорое освобождение состоялось благодаря успешной, получившей международный резонанс, кампании советских учёных и писателей в его защиту. С 1970 по 1972 г. Медведев был научным сотрудником ВНИИ физиологии и биохимии сельскохозяйственных животных в г. Боровск, Калужской области. В 1973 г. он получил разрешение на выезд в Англию на год для работы в Лондонском Медицинском Исследовательском Совете². Однако, несмотря на его намерение вернуться в Советский Союз, он был лишён советского гражданства в августе того же года. В эмиграции он не прекратил свою общественную деятельность и поддерживал связь с братом Р.А. Медведевым, с другими инакомыслящими в СССР. В 1976 г. он первым открыл миру тайну Кыштымской ядерной аварии 1957 г. (Медведев, 2013).

***

Мы публикуем часть интервью немецкого историка Дитрих Байрау с Жоресом Медведевым, которое было записано более тридцати лет назад, в 1984 г., и тогда не предназначалось для печати. Впервые фрагменты из интервью были напечатаны в 2018 г. в газете «Троицкий вариант» (Мартин и Кузовкин, 2018). Пропуски в интервью отмечены отточием, а необходимые разъяснения редакторов — в квадратных скобках. Полностью текст интервью будет напечатан в книге «Несколько интервью о самиздате», которую готовит к публикации Геннадий Кузовкин и которая является проектом исследовательской программы «История инакомыслия в СССР»³ общественной организации «Мемориал».

¹ См. «Письма советских учёных в издательство "Наука" в поддержку издания очерка Ж. А. Медведева "Биологическая наука и культ личности"» в этом номере журнала (с.20).

² Medical Research Council (MRC) — англ.

³ Web-страница программы на сайте «Мемориала»: <https://www.memo.ru/ru-ru/history-of-repressions-and-protest/protest/dissidents/programma-istoriya-inakomyслиya-v-sssr-1954-1987-gg/>

В 1984 г. Дитрих Байрау был молодым профессором и ведущим научным сотрудником Института изучения Восточной Европы при Бременском университете (далее — Институт). Интервью было результатом специального проекта недавно созданного Института. Так, вероятно, был впервые целенаправленно применён для исследования самиздата метод устной истории. Серия интервью (свыше 50 записей) в наши дни стала уникальным источником для изучения этого общественного и информационного феномена, возникшего в послесталинском СССР. Книга «Несколько интервью о самиздате» впервые представит читателям корпус этих воспоминаний. Их неповторимость определяется тем, что записи делались в 1983–1985 гг. События и самиздатские тексты были ещё свежи в памяти респондентов, а самиздат оставался актуальной и едва ли не повседневной практикой образованных горожан в СССР.

Наверное, не требуется пояснять, что в Советском Союзе запись подобных бесед была связана с большим риском. Даже вне его пределов сотрудники Института и респонденты обоснованно опасались за судьбы тех участников самиздатской активности, кто остался в СССР, поэтому интервью не предназначались к публикации.

Впервые информацию об этой серии устных воспоминаний ввёл в научный оборот Дитрих Байрау. В 1993 г. он опубликовал книгу «Интеллигенция и диссидентство. Русские образованные слои в Советском Союзе. 1917–1985 гг.» (Veugau, 1993). Отдельную главу Байрау посвятил самиздату, в которой он широко использовал интервью, включая собственную беседу с Ж.А. Медведевым. Жорес Медведев ответил на вопросы Д. Байрау 4 декабря 1984 г. в Бремене. Медведева пригласил приехать и выступить с докладом о советской науке директор Института — Вольфганг Айхведе. Увы, оба собеседника и В. Айхведе, сообщили, что запаматовали обстоятельства договоренностей и самого разговора. Когда составитель книги, Г.В. Кузовкин, обратился к Жоресу Александровичу с просьбой о комментариях, он любезно согласился и отвечал весьма пунктуально и подробно.

Публикация отрывка из будущей книги даёт нам уместный повод поблагодарить всех, кто помогал и помогает в её создании. Им адресована наша признательность, и нам приятно назвать имена коллег: В. Айхведе (Берлин, Бремен, Германия), Д. Байрау (Тюбинген, Германия), Н. Васильева (Москва), Дм. Зубарев (Москва, Россия), М. Классен (Бремен), И. Купер (США), Дж. Лихей (США), А. Пятковский (Москва, Россия), Г. Суперфин (Бремен), Т. Тиндалл (Великобритания).

***

Интервью Дитриха Байрау с Жоресом Медведевым Студенческие годы

— Расскажите, пожалуйста, о Ваших биографических данных и о тех условиях, которые привели Вас к участию в диссидентском движении, или в движении «инакомыслящих».

— Мои биографические данные более или менее известны. Я родился 14 ноября 1925 г. в Тбилиси. В школе учился сначала в Ленинграде, куда переехала наша семья. В 1937 г. мы переехали в Москву, где я продолжал учиться. После аре-

ста отца⁴ нам пришлось уехать из Москвы. Собственно, мы были выселены. Дом, в котором мы жили, принадлежал Военной Академии, где отец работал, так что мы переехали опять в Ленинград к родственникам, но там была очень маленькая комната, которую обменяли на [жильё] в Ростове-на-Дону, где я продолжал учиться в седьмом классе.

Затем началась война. В сентябре 1941 г. мы эвакуировались из Ростова в Тбилиси, тоже к родственникам. Там я продолжал учиться в девятом и десятом классе, но десятый не успел закончить, потому что был мобилизован в армию в январе 1943 г.

В армии я был семь месяцев. Был ранен на Таманском полуострове в мае 1943 г. После госпиталя я был выписан в конце сентября 1943 г. как негодный к военной службе. В то время медицинское обслуживание было не очень хорошим. У меня было ранение в ногу, но возник остеомиелит. Это инфекционное заболевание, которое было после войны полностью вылечено с помощью антибиотиков, но в то время антибиотики, к сожалению, не применялись.

В то время — после того, как я был выписан из госпиталя, — условие было такое, что если человек был мобилизован в армию и не успел закончить десятого класса, он мог получить диплом по тем оценкам, которые были до этого выданы. Я имел возможность поступить в университет или в институт. Сначала я пытался поступить в Медицинский институт или в Московский университет. Но это был 1943 год, и Московский университет ещё не вернулся полностью из эвакуации. В Медицинский институт поступить было трудно. У них была специальная программа, и туда не принимали людей, которые хотели поступить не вовремя. Нужно поступать с 1 сентября и т. д. Поскольку у меня были интересы в области генетики, биологии, пришлось выбрать третье: выбор пал на Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева, где меня приняли студентом. Сначала я поступил на агрономический факультет, потом перешёл на факультет агрохимии, потому что я больше интересовался биохимией. Так что я закончил Тимирязевскую сельскохозяйственную академию по факультету агрохимии, но диплом делал по биохимии и физиологии растений, а кандидатскую диссертацию тоже по физиологии и биохимии растений.

Первая моя научная должность была в биохимической лаборатории в Ботаническом саду в Крыму, возле Ялты⁵. Я там работал полтора года, но был в очень плохих отношениях с директором, потому что моим научным руководителем был профессор Жуковский⁶, ботаник, который известен своими спорами с Лысенко. Потом он каялся

---

⁴ Медведев Александр Романович (1899–1941) — советский военный деятель; отец Жореса и Роя Медведевых; участник Гражданской войны, полковой (по др. данным, бригадный) комиссар, член ВКП(б) с 1918 г., старший преподаватель кафедры философии Военно-политической академии им. Толмачева (1930-е гг.), узник сталинских лагерей (1938–1941, Верхний и Нижний Сеймчан, Магаданская обл., умер в заключении).

⁵ Никитский ботанический сад — научно-исследовательское учреждение, ведущее работы по вопросам плодородства и ботаники. Расположен на Южном берегу Крыма между пос. Никита и Чёрным морем. Сад был основан в 1811 г. как Императорский Никитский ботанический сад, в советское время подчинялся ВАСХНИЛ. Весной 1948 г. Ж. Медведев был направлен в командировку в Никитский ботанический сад П. Жуковским (Медведев, 2010, с. 48). После окончания учёбы, в 1950 г. Ж. Медведев вернулся в Никитский ботанический сад.

⁶ Жуковский Пётр Михайлович (1888–1975) — советский ботаник. В своих мемуарах Жорес Медведев пишет о нём: «Профессор Жуковский был наиболее популярным и авторитетным учёным

на сессии⁷, но, тем не менее, сохранил очень отрицательное отношение к Лысенко и ко всей этой школе.

В период, когда я был студентом, я участвовал во всех дискуссиях, которые в то время происходили, но на студенческом уровне, а не на уровне академическом. Я принадлежал к лагерю, который был против Лысенко. До начала моей работы с Жуковским я к Лысенко относился положительно, так как он производил впечатление на всех начинающих молодых студентов. Официальная пропаганда производит определённый эффект на людей. И до того, как люди начинали изучать генетику или начинали изучать более серьёзно научные дисциплины, Лысенко не вызывал отрицательного отношения.

К счастью для меня, я начал своё образование в 1944 г. и поэтому мог в этот период изучать классическую генетику⁸. В Сельскохозяйственной академии заведующим кафедры генетики был Жебрак⁹, очень твёрдый генетик, получивший генетическое образование в Америке у Мёллера и у Моргана. Тогда ещё была старая профессура. Это не были «буржуазные специалисты». Жебрак получил образование в советский период, в 1920-х годах, но усовершенствовался в Америке. Жуковский получил образование до революции. Так что это была старая профессура, но не буржуазные специалисты. Это было уже следующее поколение. Те, кто начал образование позже — генетики уже не было в программах, — просто не получили подготовки в этой области и не могли судить, кто прав, кто неправ.

На работу в области старения

Директором Никитского ботанического сада [где я работал с 1950 г.] был некто Коверга¹⁰, физиолог растений, но лысенковец (Никитский ботанический сад входил в систему ВАСХНИЛа, в систему Академии сельскохозяйственных наук). Он мне дал тему, которая меня мало устраивала — работать по физиологии маслин; у меня были интересы в области развития, области старения растений, так что мы, как говорится, не сработались, поэтому я уволился из Никитского сада примерно через полтора года после начала работы. В октябре 1951 г. я вернулся в Москву и получил должность млад-

---

нашей академии. Он был академиком ВАСХНИЛ, лауреатом Сталинской премии, и автором считавшегося лучшим учебника ботаники» (Медведев и Медведев, 2010, с. 46–47).

⁷ Речь идёт о печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ (31.07. — 7.08.1948), где Лысенко обрушился на генетику.

⁸ В 1944 г., т. е. за четыре года до разгрома генетики в 1948 г.

⁹ Жебрак Антон Романович (белор. Жэбрак Антон Раманавіч, 1901–1965) — советский генетик и селекционер. Академик (1940) и президент АН БССР (с мая по ноябрь 1947 г.). Возглавляя кафедру генетики и цитологии (1931–1948), впервые в мире получил гибридные плодовые формы пшеницы. В 1947 г. в публикации А.Р. Жебрака в журнале «Science» партийное руководство БССР усмотрело клевету на советских учёных, а сама публикация была названа «антипатриотической акцией». За это, а также за открытое выступление против Т.Д. Лысенко был сначала смещён с должности президента АН БССР, а затем изгнан из неё.

¹⁰ Коверга Анатолий Сафронович (1905?–?) — директор Никитского ботанического сада (1939–1958).

шего научного сотрудника на кафедре агрохимии и биохимии растений¹¹. В этом же году я женился. Моя жена была студенткой...¹²

С 1951 г. я начал работать на кафедре агрохимии и биохимии. В 1954 г. я стал старшим научным сотрудником. В Тимирязевской академии я работал до 1962 г.

В 1962 г. частично в связи с моей рукописью о Лысенко, частично в связи с тем, что Хрущёв закрыл Академию, и Академия сокращалась, я перешёл на работу в Обнинск в Институт медицинской радиологии. К этому времени у меня уже было много публикаций в области биохимии и молекулярной биологии, так что мне предложили работу заведующего лабораторией молекулярной радиобиологии в Обнинске.

Это был новый Институт. Мы имели достаточные фонды, достаточно средств для закупки импортного оборудования и создавали лабораторию, как нам хотелось. Я создал лабораторию по последнему слову техники, с импортными центрифугами, много другой импортной аппаратуры немецкой: из ГДР и ФРГ, английской, американской и т.д. Лаборатория была очень хорошей: был коридор, хорошее помещение. Этот период был с точки зрения научной наиболее плодотворный.

Первая моя книга — я не говорю о статьях, это было обычное явление, — о синтезе белков и проблеме онтогенеза была издана на русском языке в 1963 г.¹³, но написана она была в Тимирязевской академии. Это довольно большая книга. Она была издана Медгизом и потом переведена на английский язык. Вторая книга была написана в Обнинске. Это — «Молекулярно-генетические механизмы развития»¹⁴. В Тимирязевской академии я работал с растениями, но интересы мои были в области старения и развития, и теоретически я понимал, что наиболее важно работать в этой области с животными, а не с растениями.

Так что когда я перешёл в Обнинск, я начал работать с животными (с экспериментальными животными, это — лягушки, мыши, крысы и т.д.). Если работать с растениями в Академии сельскохозяйственных наук, то там требуются прикладные идеи, связанные с сельским хозяйством. А в Институте медицинской радиологии при работе с животными нужно было обязательно использовать излучение. Можно было избрать любую тему. Так что моя тематика изменилась только в том смысле, что я продолжал изучать проблемы старения, но одновременно с нормальным старением я должен был изучать радиационное старение, т.е. старение, которое ускоряется под влиянием различных доз радиации. То есть нужно было иметь, скажем, колонию мышей или

---

¹¹ В своих мемуарах Ж. Медведев пишет о причинах своего перевода на факультет агрохимии, после Сессии ВАСХНИЛа, в 1948 г.:

В новых условиях у меня было мало шансов остаться в аспирантуре для получения научной степени. <...> Работать по «мичуринским темам» я не мог. У меня возник другой план. Прежде всего, я решил продлить срок своего обучения на год и кончать не в 1949-м, а в 1950-м году. Для этого я осуществил перевод из агрономического факультета на факультет агрохимии и почвоведения. <...> У меня впереди были теперь два года учебы, а не один. За эти два года можно подготовить не только дипломную работу, но и написать диссертацию на соискание научной степени кандидата биологических наук и сдать кандидатские экзамены (Медведев и Медведев, 2010, с. 52–53, 56).

¹² Медведева Маргарита Николаевна (урождённая Бузина, р. 1926) — биохимик. Жена Ж.А. Медведева. Сокурсница в ТСХА и сотрудница мужа в лаборатории молекулярной радиобиологии. Выехала с мужем в Лондон (1973). Уточнено Ж.А. Медведевым (29.01.2016).

¹³ Медведев, 1963.

¹⁴ Медведев, 1966.

других животных, облучённую и необлучённую, и наблюдать развитие определённых изменений в колонии облучённых животных.

В Обнинске я работал с 1962 до 1969 г. <...> В 1969 г. меня уволили после того, как книга о Лысенко была издана в Америке. Я более-менее знал, что книга будет издана, и меня уволят. Так что это не было неожиданностью для меня. После этого судьба моя достаточно описана в книге: «Кто сумасшедший?»¹⁵, все события: как я был без работы, как был в психиатрической больнице...

После этого мне предоставили должность в Институте физиологии и биохимии сельскохозяйственных животных в небольшом городке Боровске, недалеко от Обнинска. Этот Институт входил в систему Сельскохозяйственной академии. Я думаю, что решение предоставить мне научную работу было принято после того, как было принято решение освободить меня из психиатрической больницы. Так что нужно было дать человеку работу. Но восстановить на работе в том же Институте было бы поражением для администрации, для КГБ, для партийной администрации. И нужно было предоставить мне должность ниже, и в Институте, который по своему научному характеру был бы ниже, чем Институт Академии медицинских наук.

Меня это вполне устраивало. В определённой степени те два года, которые я там проработал, были даже успешнее, чем когда я работал в Обнинске. По двум причинам: первое — у меня не было никаких административных функций. Как заведующий лабораторией я не был ответственен за работу других сотрудников, которые были независимы. У меня была небольшая группа — младший сотрудник и два лаборанта, поэтому я мог работать только над теми проектами, над которыми я хотел работать. Никаких административных обязанностей. Мог писать сколько угодно. Поскольку я был сотрудник Института, я мог публиковать статьи в научных журналах. Так что этот период, когда я работал в Боровске, был тоже в достаточной мере плодотворным.

Институт в Боровске расширялся, и если бы я не уехал в Англию по приглашению от Медицинского Совета, или вернулся бы из Англии после окончания этой поездки, то я получил бы лабораторию в Боровске. Там строился новый огромный корпус, и я уже знал, что будет предоставлено моей группе. Это было очень большое помещение, так что я мог бы расширяться, продолжать работу в этом Институте и даже создать новую лабораторию.

Я думаю, что создать новую лабораторию мне бы не дали, но как старший научный сотрудник, я получил бы большую группу и смог бы расширить работу.

Что касается моей жизни в Англии, то это уже менее интересно.

Дискуссия о Лысенко

— Можете ли Вы рассказать о процессе работы над книгой о Лысенко? Вы писали один? Имели ли Вы контакты с людьми, которые Вас поддерживали или давали материалы, и с академиками?

¹⁵ Medvedev and Medvedev, 1971. Речь идет о книге, изданной в США, в которой братья Медведевы рассказывают о том, как в мае 1970 г. Ж. Медведев был насильственно помещён в психиатрическую больницу за свою диссидентскую публицистическую деятельность. Через 19 дней, вследствие протестов таких знаменитых учёных и писателей, как А.Д. Сахаров, А.И. Солженицын и А.Т. Твардовский, он был освобождён.

— Мотивация писать об этом у меня была давно, потому что первый полемический документ, который я написал по дискуссии о Лысенко, был в 1946 г.

— **Это было публичное выступление? Статья в научном журнале?**

— Это была статья для публикации. Она не была опубликована, но была написана в остром полемическом стиле.

Дело в том, что меня интересовала генетика. Начиная практически со школьных лет, я читал очень много литературы. Я читал всего Лысенко и многих его сотрудников. В смысле знания дискуссии и всего прочего даже в тот период, когда я относился с симпатиями к Лысенко, как к передовому учёному... Я читал очень много о Лысенко и других авторов в области физиологии, биохимии... В смысле теоретическом я был подготовлен очень хорошо.

В Тимирязевской академии я начал работать с Жуковским с 1945 г. Причём Жуковский для поддержки студентов — стипендия была очень маленькая, положение с удовольствием из-за карточной системы было очень тяжёлое — давал нам немного зарабатывать переводами с английского о происхождении культурных растений (он в этой области работал).

В этот период возникла дискуссия о дарвинизме, об эволюции, внутривидовой борьбе и т. д., в которой Жуковский принял очень активное участие. Он написал очень резкую критическую статью о Лысенко¹⁶. Лысенко ему ответил в «Правде» очень грубой статьёй¹⁷. Я был вовлечён в эту дискуссию. Я написал тоже как бы статью со своими критическими соображениями с другой стороны и попытался её опубликовать, но без всякого успеха. Копии у меня не сохранилось.

Затем, в 1946 г., Жуковский сам предложил мне написать рецензию на книгу Лепешинской¹⁸ о происхождении клеток из живого вещества. В этот период книга Лепешинской¹⁹ была представлена на Сталинскую премию, а Жуковский был член Комитета по Сталинским премиям. И я с одним из моих друзей²⁰ написал рецензию на эту книгу. Тоже довольно остроую. Мы пытались её напечатать и тоже без всякого успеха.

Затем, когда я уже работал младшим сотрудником по агрохимии, Лысенко всё время переносил свои идеи в разные области. Возможно, что я прекратил бы своё участие в дискуссии, поскольку тогда генетика не была моей областью. Я изучал старение, изучал некоторые другие проблемы, непосредственно прямого отношения к генетике не имевшие. Но как раз в этот период Лысенко перенёс свою активность в область агрохимии, начал предлагать свои способы удобрения... Поэтому дискуссия перешла в агрохимию.

¹⁶ Жуковский, 1946.

¹⁷ Лысенко, 1946.

¹⁸ Лепешинская Ольга Борисовна (урождённая Протопопова; 1871–1963) — советский биолог и революционный деятель. Лауреат Сталинской премии (1950), академик Академии медицинских наук СССР (1950). Широкую известность в СССР получило обсуждение (в дальнейшем не подтверждённой) теории О.Б. Лепешинской о новообразовании клеток из бесструктурного «живого вещества». Теория Лепешинской на совместном совещании АН и АМН СССР 1950 г. была поддержана рядом гистологов и всеми выступавшими докладчиками, включая Т.Д. Лысенко, но впоследствии встретила осуждение критиков как политизированное и антинаучное направление в советской биологии.

¹⁹ Лепешинская, 1945.

²⁰ Гуляев Виктор Алексеевич (р. 1923) — биолог, ученик проф. П.М. Жуковского. Студент ТСХА (1944–1951). Соавтор очерка-рецензии о работе О.Б. Лепешинской (1946). Уточнено Ж.А. Медведевым (17.12.2015, 29.01.2016).

А я стал работать на кафедре агрохимии, а не на кафедре ботаники, но дискуссия шла вокруг питания растений. Лысенко выдвинул свою теорию о питании растений, совершенно фантастическую, но, тем не менее, это вызвало среди агрохимиков резкую оппозицию Лысенко. Дискуссия в этой области продолжалась. Я помню, первый документ был написан коллективно группой агрохимиков²¹, профессор Клечковский и другие, мы были участниками этих документов. Но такие документы обычно не публиковались. Они посылались в Центральный Комитет [КПСС]. Была такая форма: группа профессоров пишет документ, обосновывает свою точку зрения, свою критику и направляет его в партийную инстанцию, где обычно это не получало никакого развития.

Докторская диссертация и попытка издания двух книг в Советском Союзе

Участие в этой дискуссии, в этой полемике было непрерывным. Примерно в 1956–1957 гг. я начал работу в области строения и синтеза белков, и как раз в это время в этой области был сделан ряд открытий в основном в Англии, а потом в Америке. Как раз в Институте медицинской биохимии [в Лондоне], где я сейчас работаю в лаборатории биохимии, были открыты промежуточные ступени синтеза белка, которые связывали синтез белка с ДНК, т. е. связали генетику с механизмом синтеза белков в очень прямой форме.

В этот период возникла также теория генетического кода, дававшая логическое объяснение, как воспроизводится специфичность белков. Так что я стал непосредственно сталкиваться с биохимической генетикой, как таковой.

В этот период дискуссия с Лысенко уже шла. На уровне ботаники, в основном в области эволюции видов, Лысенко подвергался критике. В области механизма наследственности прямой критики Лысенко не было, потому что очень трудно было что-либо опубликовать. Главные позиции в биохимии (редакторы журналов — Опарин, Сисакян²²) занимали люди из группы Лысенко, поддерживавшие его.

Я опубликовал ряд обзоров, главным образом, в смысле популяризации генетического анализа биохимических проблем, то есть те вопросы, которые считались морганистскими, или менделистскими, или противоречащими лысенковской теории. Можно было уже печатать как обзор литературы в области синтеза белка, в области роли ДНК в синтезе белков. Это был уже период, когда я начал писать книгу о синтезе белков, которая предполагалась как докторская диссертация.

У меня был уже твёрдо выработанный взгляд, что докторская диссертация — это трата времени. <...> Моя точка зрения была: если нужна докторская степень, если она вообще целесообразна, то нужно её присуждать либо по совокупности работ, либо по опубликованной книге без формальной защиты. Поэтому книгу «Синтез белков

²¹ Комментарий Ж.А. Медведева (18.12.2015): Текст петиции в ЦК КПСС от агрохимиков составлял проф. В.М. Клечковский и подписывали другие профессора и доценты кафедры. Всеволод Маврикийевич Клечковский (1900–1972) — советский агрохимик.

²² Опарин Александр Иванович (1894–1980) — советский биолог и биохимик, академик АН СССР с 1946 г., Герой Социалистического труда (1969), активный сторонник Т.Д. Лысенко. Автор теории о возникновении жизни на Земле. Нораир Мартиросович Сисакян (1907–1966), биохимик, академик АН СССР с 1960 г., активный сторонник Лысенко. В 1959–1963 гг. Сисакян был главным учёным секретарем Президиума АН СССР.

и проблема онтогенеза» я начал писать, имея в виду, что это будет докторская диссертация для защиты.

Начал я писать в 1958 году. Для советских условий представлять докторскую диссертацию, когда ещё нет 40 лет (в 1958 г. мне было 33 года) — ранний период. Это не так часто бывает. Консервативная среда не очень любит, когда слишком молодые ученые выступают с докторской диссертацией. Но моя мысль была такая, что когда книга будет написана и опубликована, то — если это не рукопись, — будет значительно легче.

Книга была закончена в конце 1959 или в начале 1960 г. Точно не помню. Это была первая монография по синтезу белков в связи с проблемой наследственности, развития и старения. Первая обстоятельная монография по синтезу белков. Даже на Западе не было книг по синтезу белков, которые анализировали бы современные проблемы.

Эту книгу я представил издательству «Наука» <...>. Как обычно, издательство принимает рукопись и посылает её на рецензию двум авторам. У меня, естественно, спросили, кто бы мог рецензировать из признанных учёных. Издательство вправе решать само, кому послать на рецензию. Я рекомендовал одним из рецензентов моего хорошего знакомого и коллегу, очень серьёзного учёного Никитина²³, который был наиболее крупным учёным в области старения в Советском Союзе и до сих пор им является. Сейчас²⁴ ему лет 75, наверное. Он из Харькова. У нас были хорошие отношения. Кто был второй рецензент, я даже не знаю.

К моему удивлению, Никитин написал очень положительную рецензию. Но имел два критических замечания: что глава о наследственности написана не с мичуринских позиций. И он рекомендовал эту главу либо переписать, либо полностью исключить из книги... Меня это несколько удивило. Но наиболее повлияло то, что редактор, который был ответственен за мою книгу (я не помню имени этой женщины), её это не только удивило, а испугало. Редакторы часто не читают или не понимают текста, но когда рецензент пишет, что «не с мичуринских позиций...». Так что она начала своего рода консультацию, очевидно, с некоторыми другими авторами или научными рецензентами. И в конечном итоге книга задержалась на полгода, потом ещё дольше. Наука движется вперед, мне пришлось дополнять, переписывать. В конечном итоге мне книгу вернули с просьбой изъять главу о наследственности. Но, с точки зрения чисто логической, это было просто невозможно, потому что книга имела определённую структуру, определённую теоретическую основу, и изъять главу о наследственности значило изъять связующее звено между первой частью книги, где излагались теоретические вопросы о синтезе белка и нуклеиновых кислот, и второй частью, где излагались вопросы о механизмах развития и механизмах старения. Поэтому глава о наследственности была ключевой главой, связующей обе части. Предложение издательства было просто неприемлемо.

Первый опыт издания за границей

Это был период, когда у меня возникло решение издать книгу за границей. Это не было политической литературой, но я знал, что таких книг за границей нет. И я начал осторожно выяснять, кто мог бы быть заинтересован в издании этой книги.

²³ Никитин Владимир Николаевич (1907–1993) — учёный в области возрастной и сельскохозяйственной физиологии и геронтологии, академик Академии наук УССР (1967).

²⁴ То есть во время интервью, в 1984 г.

У меня были с этой точки зрения контакты с несколькими учёными, которые приезжали в Тимирязевскую академию. И это был период, когда я в первый раз послал за границу для издания большую статью по старению, по теории ошибок, по биохимическому механизму старения.

В начале 1960 г. меня пригласили участвовать в Международном Конгрессе по геронтологии в Сан-Франциско. Я послал абстракт, реферат — о статье, который был принят, и мне прислали официальное приглашение с оплатой проезда туда и обратно. Я представил приглашение по официальному каналу. Я тогда работал в Тимирязевской академии. На кафедре меня поддержали. Дело о том, чтобы я поехал в Америку, рассматривалось в Министерстве высшего образования. Было решено, что делегация советских учёных поедет в Сан-Франциско. Институт геронтологии²⁵ уже существовал, люди уже работали в этой области. Поездка делегации готовилась, и меня включили в её состав. Это описано у меня в книге «Международное сотрудничество учёных и национальные границы»²⁶.

Но поскольку эта поездка не состоялась (по каким причинам — это у меня описано подробно: меня вызвали в ЦК, беседовали, выясняли, что дало мне повод для анализа всей системы поездок за границу) и поскольку у меня, как у каждого учёного, было желание опубликовать работу, она уже была готова на английском языке, и мне казалось, что это очень важная, во всяком случае, новая теория молекулярных аспектов старения (так она и осталась, эта теория, и существует до настоящего времени), то я решил просто послать её независимо от того, поеду я или не поеду, поскольку я уже чувствовал, что поездка, может быть, не состоится. Я тогда ещё не знал о цензуре почты и посылал её обычным заказным пакетом через почту. Послал её один раз, второй раз, третий раз, но не получал подтверждения. То есть профессор Шок²⁷, президент Конгресса, сообщал мне, что он не получил рукопись. А я высылал «экспресс»-почтой, и он не получил рукопись. Поэтому незадолго до открытия Конгресса у меня было настроение послать её с кем-нибудь из иностранцев, если будет такая возможность.

Возникло два варианта. Один был один американец, посетивший Тимирязевскую академию. Мы его водили по музеям. К тому времени я знал английский язык довольно хорошо, потому что кончил вечернее отделение Института иностранных языков, двухлетний курс, так что я мог уже говорить — не только пассивное знание, но и активное. Это был почвовед. Мы с ним много говорили о текущих проблемах. Я знал, в какой гостинице он живёт.

Второй контакт был Президент Международного биометрического общества, который тоже приезжал в Москву. Ему было лет 65. Он когда-то работал в Советском Союзе, в Ленинграде, два года, в 30-х годах. Так что он знал обстановку довольно хорошо.

Я решил использовать эти контакты и послать рукопись.

Помню, я приехал к американцу-почвоведу, с которым больше общался. Он был очень испуган и отказался взять рукопись. Для меня это было тоже шоком: американец — и боится взять рукопись в Америку! Тогда я обратился к Президенту Международного биометрического общества. Я не помню сейчас его фамилию — Блисс или

²⁵ Международная ассоциация геронтологии, которая поддерживала конгресс в Сан-Франциско в 1960 г.

²⁶ Medvedev, 1971.

²⁷ Шок Натан (Shock, 1906–1989) — биолог (США); был известен как «отец» геронтологии и глава научно-исследовательского центра геронтологии.

что-то в этом духе²⁸. Он оказался более подготовленным, потому что лучше знал советскую обстановку, лучше знал существующие условия. Он согласился взять с собой рукопись. В Америке он отправил её Президенту Конгресса. В итоге статья была напечатана в трудах Конгресса в 1962 г.

Никаких осложнений не было, потому что никаких следов пересылки статьи не осталось. Когда статья была напечатана, я уже работал в Обнинске. Конечно, то, что я посылал рукопись, было где-то в цензуре, где происходит перехват рукописей, известно. Но это была не политическая работа, и очевидно, очень много учёных посылают свои работы за границу. Это всё, наверное, где-то складывается, мер никаких обычно не принимается до тех пор, пока это не связано с политическими проблемами.

Люди в Советском Союзе получают просьбы прислать оттиски, прислать рукописи, работы. Очень часто они пытаются послать, но в большинстве случаев это не доходит до адресата, где-то пропадая. Так что никаких действий [со стороны властей] не было, но у меня уже был какой-то опыт, что можно послать, и я решил сделать то же самое с рукописью по синтезу белков.

Цензурное советское издание и расширенное американское издание

Прежде чем передать рукопись за границу, я передал её в другое издательство — в Медгиз. Медгиз был менее зависим от Лысенко, и рецензенты были другие, рецензенты дали положительный отзыв, так что рукопись пошла в набор, пошла в издание.

Тем не менее, в 1961 г., когда в Москве был Биохимический Конгресс, я послал с одним из моих коллег²⁹ рукопись за границу и просил выяснить, какое издательство может её издать. Он нашёл издательство, и книга была в конце концов издана в Англии с моими последними дополнениями. Она вышла после того, как вышло советское издание, в переводе с русского, поэтому никто не знал, что я послал рукопись. Это довольно большая работа. На английском языке вышло 600 страниц с дополнительными главами, которые были написаны для английского издания, чтобы сделать книгу более современной.

Был целый ряд приключений с русским изданием, потому что на последней стадии, когда книга была уже отпечатана, и тираж частично начал продаваться, он был остановлен. И опять именно из-за этой главы о наследственности, где было несколько критических замечаний о Лысенко. Книга была под угрозой полного уничтожения. В конечном итоге издательство пошло на компромисс со мной и с неофициальной цензурой.

Существует цензура не только на уровне рукописей; существует цензура на уровне новых, только что вышедших изданий, называемая «разноской». Новую, только что выпущенную книгу разносят бесплатно в Академию наук, в ЦК, определённым лицам. По каждой специальности существует около 30 человек, которые получают первые экземпляры, когда книга уже печатается.

²⁸ Комментарий Ж.А. Медведева (17.12.2015): Блiss (Bliss) Честер Итнер (1899–1979) — биолог (Великобритания, США); в 1930-х работал в Институте защиты растений (Ленинград); первый секретарь (1947–1962) Международного биометрического общества.

²⁹ Комментарий Ж.А. Медведева (17.12.2015): Ричард Лоренс Миллингтон Синг (Synge, 1914–1994) — биохимик (Великобритания). Нобелевская премия по химии (1952). Вывез из СССР рукопись работы Ж.А. Медведева о биохимических механизмах старения (1961).

Из сельскохозяйственного отдела ЦК (не от Лысенко, это было время Хрущёва) поступил приказ остановить продажу. Книга была изъята из магазинов, но издательство не хотело нести убытки. Часть тиража, около 300 экземпляров, было продано в провинциальных городах. В Москве не было ничего продано, не успели.

По советской практике часть тиража отправляется в провинциальные города раньше, чем в Москву, чтобы продажа началась в Москве и в провинции одновременно. Так что инструкция задержать книгу была получена в Москве быстрее, чем в провинциальных городах. Поэтому в Новосибирске книга продавалась.

В конечном итоге издательство пошло на компромисс после нескольких месяцев переговоров, потому что они не хотели уничтожить тираж полностью. И я не хотел уничтожать тираж. Несколько параграфов нужно было убрать и заменить другими — так называемая выдирка. Была сделана перепечатка и вклейка нескольких страниц. Это заняло несколько месяцев.

Критические замечания о Лысенко были извлечены из книги. Книга вышла в 1963 г. Но в начале 1962 г., когда книга была в печати, а я не был ещё уверен, что она будет издана... даже в конце 1961 г., когда я сдал её в Медгиз, но не был уверен, что будет положительный отзыв, накопление всех этих отрицательных эмоций дало мне повод, чтобы написать полемическую статью о Лысенко, которая была более историческая. То есть по истории возникновения Лысенко.

Книга о Лысенко

В этот период было много рукописей в самиздате о Лысенко. Были толстые рукописи. В книге о Лысенко я выразил благодарность двум учёным³⁰. Один из них — мой хороший друг Эфроимсон³¹, который тоже писал много рукописей, циркулировавших среди генетиков³². Но эти рукописи были сосредоточены на анализе лысенковских теорий: что теории неверные и доказательства, почему они неверные.

Мой подход был другой. Я пытался показать, поскольку это был период Хрущёва, Лысенко с точки зрения... Как учёный, Лысенко был под защитой Хрущёва. Хрущёв постоянно напоминал о том, какой, так сказать, великий учёный Лысенко. Кроме того, рукописей с критикой Лысенко в самиздате было достаточно. Дубинин³³ в этот период

³⁰ Второй — А.А. Любищев. «Наибольшую помощь оказали Владимир Павлович Эфроимсон и Александр Александрович Любищев, которые уже в течение нескольких лет были известны как авторы обширных трудов с критикой всех аспектов «мичуринской биологии» (Медведев, 2014).

³¹ Эфроимсон Владимир Павлович (1908–1989) — советский генетик, доктор биологических наук, политзаключенный сталинских лагерей (1932–1935, 1949–1955). В 1967 г. стал заведующим отделом генетики Института психиатрии Минздрава РСФСР, затем с 1976 г. на должности ведущего научного сотрудника и профессора-консультанта Института биологии развития АН СССР.

³² Речь идет о работе «Об ущербе, нанесённом СССР новаторством Лысенко» (300 с.). В.П. Эфроимсон написал и отправил её в отдел науки ЦК КПСС. Он работал над «запиской» в 1947–1948 гг., после увольнения из Харьковского университета. Его уволили за то, что он перевёл статью известного русского генетика-эмигранта Ф.Г. Добжанского с критикой Лысенко, кроме того, ему поставили в вину распространение статьи среди студентов.

³³ Дубинин Николай Петрович (1906 (1907)–1998) — советский генетик, основатель и разработчик многих новых направлений биологии, автор классических работ по эволюционной, радиационной, молекулярной и космической генетике, проблемам наследственности человека. Дал научное

тоже выступал с этой точки зрения. И я решил, что более эффективно будет показать, что Лысенко, собственно говоря, выдвинулся на репрессиях против генетиков, что дискуссия в период 1930-х гг. была не столь безобидной и что советская генетика потеряла очень много учёных через систему репрессий. И показать связь этих репрессий с той активностью, которую можно было ассоциировать с Лысенко и его школой (Презентом и другими), с обвинениями, которые они выдвигали. Моя точка зрения была, что поскольку эта линия поддерживается Хрущёвым — критика Сталина, критика сталинского террора; после 1961 г., после XXII съезда это было популярно, — я считал, что с этой точки зрения будет очень трудно игнорировать этот подход к Лысенко.

Сначала была короткая версия. Примерно 57–60 страниц с анализом. Я её дал нескольким людям прочитать. Все отнеслись к этому очень хорошо, подсказывали мне новые материалы. Но меня самого увлекли подход и анализ этой исторической части, поскольку таких документов не было.

Я начал работать в библиотеке, начал собирать библиографический материал. Это не так трудно найти, потому что в Советском Союзе есть Летопись журнальных статей, Летопись газетных статей, Летопись книг, причем мало кто пользуется этими летописями. [Возьмём], допустим, директора Тимирязевской академии Столетова³⁴. Известны его основные работы за Лысенко. А я прихожу в Ленинскую библиотеку, беру Летопись газетных статей и нахожу, что Столетов в 1937 г. был в Саратове и напечатал там какую-то статью. Я выписываю «Саратовскую правду» и вижу, что есть прямая связь между арестами в Саратове и статьей Столетова против саратовских учёных и т.д. То есть я мог по определённым фигурам из группы лысенковцев проследить связь между теми репрессиями, которые были среди генетиков, и теми обвинениями, которые выдвигались не только Лысенко, но и представителями его школы.

Рукопись распространяется в самиздате

В итоге возник первый вариант рукописи под названием «Биологическая наука и культ личности», которую я дал прочитать ряду коллег в Тимирязевской академии и в Академии наук, которых я знал. Процесс размножения, процесс самиздата возник более или менее спонтанно <...> через «Комсомольскую правду»³⁵. В «Комсомольской

обоснование селекции сельскохозяйственных животных, растений и микроорганизмов, внёс вклад в развитие медицинской генетики, наметил пути развития генетики в XX веке. Академик АН СССР. Герой Социалистического Труда (1990). Член Национальной академии наук США (1969).

³⁴ Столетов Всеволод Николаевич (1906 (1907)–1989) — советский государственный деятель и учёный-биолог, в 1951–1953 гг. — министр высшего образования СССР, в 1959–1972 гг. — министр высшего и среднего специального образования РСФСР, действительный член (1968) и президент АПН СССР (1972–1981). В 1938–1939 гг. — редактор журнала «Советское хлопководство». После разоблачительной статьи В.Н. Столетова «О вражеской науке», опубликованной в «Правде», старейший агроном страны, знаток земель юго-востока академик Н.М. Тулайков вместе с Г.К. Мейстером были арестованы и погибли в лагерях. Об их судьбе рассказал в своей работе Ж.А. Медведев. В 1948–1950 гг. — директор Московской сельскохозяйственной академии, стал им сразу после августовской сессии ВАСХНИЛ.

³⁵ В книге «десять лет после Ивана Денисовича», Медведев писал, что его друзья передали его рукопись в «Комсомольскую правду» летом 1962 г. Очерк имел успех среди сотрудников газеты, которые и заказали Медведеву статью по теме генетики (Medvedev, 1973, с. 15).

правде» один из сотрудников <...> попросил у меня статью, популяризирующую генетику. Эта статья потом появилась в 1963 г. в журнале «Нева». Авторы: Кирпичников³⁶ и Медведев³⁷. Но первоначальная просьба исходила от «Комсомольской правды».

Для того чтобы поддержать эту статью, я представил в «Комсомольскую правду» и рукопись более крупной работы. В «Комсомольской правде» хотели получить мнения более крупных учёных, чтобы как бы поддержать публикацию. Они серьёзно думали опубликовать статью. Это был более короткий вариант того, что было напечатано в «Неве».

Для того чтобы получить поддержку других учёных, «Комсомольская правда» размножила 20 экземпляров моей рукописи. Это было 200 страниц примерно, под названием «Биологическая наука и культ личности». Их разослали некоторым академикам: Капице, Кнунянц³⁸ и другим³⁹. Далеко не всё к ним вернулось. И это было началом спонтанного процесса размножения в самиздате. Этот вариант был в самиздате значительно более широко распространён, чем вариант, который напечатан значительно позже. Он разошёлся более или менее по всему Советскому Союзу. Тысячи экземпляров. Я встречал потом людей из самых различных областей и групп — учёных и даже партийных работников⁴⁰, — и был удивлён, что почти все, кого я встречал, читали эту рукопись. Сахаров получил её в тот период⁴¹, и почти все академики из химиков и физиков полу-

³⁶ Кирпичников Валентин Сергеевич (1908–1991) — советский биолог, генетик. Муж Р.Л. Берг. Академик РАЕН (1990). Герой Социалистического Труда (1990).

³⁷ Медведев и Кирпичников, 1963.

³⁸ Кнунянц Иван Львович (1906–1990) — советский химик-органик, основатель научной школы фтороргаников.

³⁹ Комментарий Ж.А. Медведева (16.07.2016): «Я сейчас почти не помню тех учёных, которые читали мою рукопись. Но помню многих, которые не только читали, но и добавляли некоторые подробности, детали. Поэтому самиздатная версия несколько менялась в процессе циркуляции. В Предисловии к первому полному русскому изданию (Изд. «Книга», 1993) и к новому изданию (изд. «Время», 2012) — это уже под названием «Взлет и падение Т.Д. Лысенко» — есть большой список тех учёных, больше 30 имён, которые не только читали, но и помогали, делали замечания и добавления и распространяли. Наибольшую помощь оказали А.И. Атабекова, В.П. Эфроимсон, Ф.Х. Бахтеев, Б.Л. Астауров, В.Я. Александров, А.Р. Жебрак, А.А. Любичев, у них были и собственные разработки по проблеме, иногда самиздатные (Эфроимсон, Любичев), но чисто научные. Благодаря этому рукопись ещё в период циркуляции «росла» и увеличилась к 1964 году почти в два раза».

⁴⁰ Комментарий Ж.А. Медведева (18.07.2016): «О географии я могу судить по письмам от коллег, которых я знал профессионально. Геннадий Бердышев, изучавший старение дальневосточных лососей, работал в то время в Хабаровске, генетик Владимир Струнников в 1963 г. работал в Ташкенте. Потом его пригласили в Москву, генетик Раиса Львовна Берг — в Новосибирске, украинский академик С.М. Гершензон — в Киеве. Тимофеев-Ресовский в 1963 г. работал в Свердловске — он собирал «летнюю школу» по генетике в Миассово (Челябинская обл.) и туда приезжали учиться «запрещённой» морганистской генетике из многих городов. Среди приезжих циркулировала и моя рукопись. Также было письмо (не по почте) от биохимика Василия Григорьевича Конарева из Башкирского Университета в Уфе».

⁴¹ «Через несколько дней ко мне домой пришёл незнакомый мне раньше молодой биолог Жорес Медведев (хотя я слышал его фамилию). Он сказал, что работает в одном из научно-исследовательских институтов, занимается генетическими проблемами геронтологии. Одновременно он на протяжении шести-семи лет собирает материалы по истории лысенкоизма; эта работа облегчается тем, что он имеет доступ к архивным материалам. Он очень высоко оценил моё выступление и попросил меня подробно повторить, по возможности точнее, что именно я говорил и всю обстановку. Все это он записал в блокнот для включения в его книгу. Ж. Медведев оставил мне для ознакомления рукопись своей будущей книги,

чили её. Размножение шло разными путями. Как она размножалась, не знаю, но размножение было очень широким.

К счастью для меня, последствий чисто административных, кроме обсуждения на парткоме Академии и определённого давления на заведующего, не было. Я сам уволился из Академии. Академия была в этот период в трудном положении. Я нашёл работу в Обнинске и перешёл туда, где Медицинская академия наук была в этот период более или менее независима от влияния Лысенко. Президентом Академии был Тимаков, который тоже прочитал рукопись. Блохин, ставший президентом после Тимакова (Тимаков стал вице-президентом), тоже читал рукопись. Они отнеслись очень положительно. Так что препятствий в смысле получения работы в медицинской системе эта рукопись не вызвала. Вплоть до периода, когда Ольшанский⁴² подверг её критике в «Сельской жизни»⁴³ и пока на Пленуме ЦК в 1963 г. этот вопрос не был выдвинут Егорычевым в официальной речи⁴⁴. Так что это вышло в официальную прессу — вопрос о существовании рукописи как клеветы и т. д.

Если бы Хрущёв не был отстранён в октябре 1964 года, то, по-видимому, давление на Медицинскую академию было бы достаточно сильным, и меня, наверное, уволили бы из Института медицинской радиологии под давлением из ЦК, из других групп. Но как только Хрущёв был отстранён, всё изменилось.

Самиздат, Тамиздат и советская наука

— **Вопрос о соотношении Самиздата и Тамиздата. Какие самиздатские издания Вы читали?**

— <...> В 1962 г. термина [Самиздат], как такового, не было. Существовало явление — распространение рукописей. В принципе, распространение рукописей среди научной среды существовало давно, задолго до 1962 г. Особенно в генетике. Существовало несколько очень критических очерков (я упоминал Эфроимсона, упоминал других), которые имели хождение среди генетиков. Некоторые из рукописей были довольно большого объёма. Один из генетиков, который упоминается в моей книге, Любищев, практически занимался Самиздатом: он печатал свои очерки, иногда по эволюции, иногда по генетике, иногда философского характера, иногда 100, иногда 200, иногда 300 страниц⁴⁵. Печатал на тонкой бумаге и рассылал своим коллегам,

---

которая тогда называлась «История биологической дискуссии в СССР» (или как-то похоже). Рукопись действительно была очень интересной» (Сахаров, 2016, С. 337).

⁴² Ольшанский Михаил Александрович (1908–1988) — советский агроном и селекционер, кандидат сельскохозяйственных наук, профессор (1936), академик ВАСХНИЛ (1948). В 1960–1962 гг. — министр сельского хозяйства СССР. Написал письмо (14.07.1964) в Центральный Комитет КПСС Н. С. Хрущёву, где критиковал самиздатскую книгу Ж.А. Медведева «Биологическая наука и культ личности» и выступление А.Д. Сахарова на сессии АН СССР (публикацию письма см. <http://lysenkoism.narod.ru/olsh.htm>).

⁴³ Ольшанский, 1963.

⁴⁴ Егорычев, 1963.

⁴⁵ «Некоторые его работы широко распространялись в рукописях. Известно, что общение с Любищевым повлияло на ход мысли таких крупных биологов, как В.Н. Беклемишев, Н.Г. Холодный, П.Г. Светлов, А.Г. Гурвич и др. Может быть, когда-нибудь историки науки проследят это влияние по сохранившейся

друзьям, знакомым. Они показывали другим друзьям. Работы были очень интересные, но сырые, т. е. напечатать такую работу было бы трудно. Очень много интересных мыслей, очень много интересной критики, большая эрудиция. Он сам понимал, что это трудно издать и не предлагал для издания.

Затем было очень много чисто стихотворных рукописей, которые ходили. Даже о Лысенко была поэма, о происхождении видов⁴⁶. Некоторые люди добавляли туда сами от себя, поэтому поэма во время циркуляции менялась, создавалась как бы коллективно.

<...> Так что циркуляция рукописей не была, в общем-то, новым явлением. Определённые рукописи циркулировали и до этого. А в генетике, практически с того времени, как я начал работать как научный сотрудник, время от времени мне приходилось знакомиться с теми или иными документами, которые, в принципе, являлись или анонимными, или с автором, но которые нельзя было опубликовать. Возникали дискуссии вокруг целого ряда вопросов. Научная среда интересовалась этими вопросами. И поскольку нельзя было печатать, некоторые вещи, написанные более свободным языком, циркулировали и остались совершенно неизвестными для Запада, потому что это были научные работы. <...>

Это явление не называлось тогда Самиздатом и ему не придавалось какого-то специфического значения. Оно начало возникать шире после отставки Хрущёва. <...> Самиздат — это явление добровольное. В первой стадии кто-то создаёт какую-то критическую массу, и потом это зависит от самого произведения, чисто от отношения к нему людей: либо это отображает их взгляды, и они считают это важным для распространения, либо нет.

Что касается Тамиздата, то есть издания за границей, то, опять же, зависит от каждого отдельного случая. <...> Некоторые люди это делали сознательно и фиксировано направляли рукописи в определённые издательства. Некоторые не знали, что их материалы уходили за границу. <...>

— То, что писал Ваш брат, и то, что писали Вы — Ваши книги о генетике и другие работы, — попадали на Запад сознательно?

— Сознательно. Кроме первой версии книги о Лысенко, которая была напечатана в журнале «Грани» тоже в 1969 году почти одновременно с английским изданием⁴⁷, без моего согласия и даже против моего ясно выраженного желания.

Что касается меня и моего брата, то это всё было организовано. В нашем случае было важно, чтобы это шло к определённым людям, к определённым издательствам. У нас были связи. Книга о Лысенко, тот вариант, который напечатан... Он был напечатан в связи с тем, что после отставки Хрущёва возникло определённое давление среди академиков, довольно влиятельных людей, что книга может быть напечатанной, если

обширной переписке Любищева. Любищев был известен среди биологов как блестящий полемист. Оспаривать его убеждения далеко не просто, в частности потому, что мало кто может сравниться с ним по эрудиции в самых разных областях науки и культуры» (Мейен и Чайковский, 1982, с. 5–23)

⁴⁶ «Трофим, упершись как ишак, Позичий не сдает никак: / Пшеница в рожь и граб в орех, / И в ель сосна, и, всем на смех, / В кукушку дрозд! / Нещадно бит Трофим ку-ку свое твердит / И славит гнездовой посев, / Науку с практикой презрев» (Пузанов, б./д.). Пузанов Иван Иванович (1885, Курск — 1971, Одесса) — русский советский зоолог и зоогеограф, путешественник, литератор, доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки УССР, последовательный борец с «лысенковщиной».

⁴⁷ Медведев, 1969b. В России издана почти через четверть века под названием «Взлет и падение Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929–1966)» (М.: Книга, 1993).

её сделать более умеренной, добавить главы о том, как Лысенко был смещён, т. е. показать не только подъём, но и падение.

Была создана комиссия Академии наук. <...> Я представил рукопись в издательство Академии наук, и они её не отвергли, а создали довольно авторитетную комиссию из 12 человек во главе с вице-президентом Академии химиком Семеновым. [В ней был] хороший генетик Астауров. Я чувствовал, что не будет издано, но шанс был. В начале 1965 года был определённый шанс, что книга может быть издана. Мне сделали официальное предложение переработать книгу. Я её переработал: дополнил, расширил, сделал более академической. Как историю. Но на определённые вещи давить невозможно без нарушения качества рукописи. Поэтому, когда комиссия вынесла положительное решение, издательство всё-таки отвергло книгу. То есть не издательство, а Президент Академии наук Келдыш наложил запрет на публикацию.

И я принял сознательное решение передать её за границу, но нужно было ждать необходимого канала. В этот период через западных журналистов это не делалось.

В определённый момент, в 1967 г., я встретил известного генетика из Швеции⁴⁸, с которым мы просто обговорили этот вопрос. И он согласился передать в Америку профессору Лернеру⁴⁹, который перевёл... Там была переписка, я знал, что профессор знает об этой рукописи, и, в принципе, я знал, что он сможет организовать её издание. Она попала к нему. <...> В нашем случае это не было стихийно. Это было более или менее организовано.

Литература

Егорычев Н.Г. Речь на Пленуме ЦК КПСС // Вечерняя Москва. 1963. № 144 (12041). С. 4.

Жуковский П. Дарвинизм в кривом зеркале // Селекция и семеноводство. 1946. № 1–2. С. 71–79.

Лепешинская О.Б. Происхождение клеток из живого вещества и роль живого вещества в организме. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 294 с.

Лысенко Т.Д. Не в свои сани не садись (ответ проф. П.М. Жуковскому на рецензию «Дарвинизм в кривом зеркале») // Правда. 1946. 23 июня. № 152 (10234). С. 5.

Мартин Б., Кузовкин Г.В. Жорес Медведев: «Лысенко выдвинулся на репрессиях против генетиков» // Троицкий вариант. 2018. № 268. С. 2–3.

Медведев Ж.А. Биосинтез белков и проблемы онтогенеза. М.: Медгиз, 1963. 431 с.

Медведев Ж.А. Биологическая наука и культ личности // Грани. 1969а. № 70–71. С. 127–166.

Медведев Ж.А. Молекулярно-генетические механизмы развития. М.: Медгиз, 1966. 268 с.

Медведев Ж.А. Генетика в СССР // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 2012. № 4. С. 175–185.

Медведев Ж.А. Третий раз в Америке. // Еженедельник 2000.ua. 2013. URL: https://www.2000.ua/specproekty_ru/opasnaja-professija/glavy-iz-knigi-opasnaja-professija/tretij-raz-v-amerike_arhiv_art.htm

⁴⁸ Комментарий Ж.А. Медведева (17.12.2015): Оке Карл Густафсон (Gustafsson, 1908–1988) — ботаник, генетик (Швеция), в 1944–1968 гг. — директор института генетики леса в Стокгольме, в 1968–1973 гг. — директор института генетики Лундского университета. Координатор Шведской программы по мутагенезу растений (с 1940 г.). Критик Т.Д. Лысенко. Вывез в 1967 г. за границу рукопись (микрофильм) книги Ж.А. Медведева о культе личности в советской биологической науке.

⁴⁹ Комментарий Ж.А. Медведева (17.12.2015): Михаил Лернер (Lerner, 1910–1977) — генетик (США), из семьи российских евреев, живших в Харбине; проф. Калифорнийского ун-та, перевёл, редактировал и издал кн. Ж.А. Медведева (1969).

- Медведев Ж., Кирпичников В.* Перспективы советской генетики // Нева. 1963. № 3. С. 165–178.
- Медведев Ж.А., Медведев Р.А.* 1925–2010. Из воспоминаний. М.: Права человека, 2010. 368 с.
- Медведев Ж.А., Медведев Р.А.* Нобелевские лауреаты России. М.: Время, 2015. 860 с.
- Мейен С.В., Чайковский Ю.В.* О работах А.А. Любищева по общим проблемам биологии // А.А. Любищев. Проблемы формы, систематики и эволюции организмов. Л.: Наука, 1982. С. 5–23.
- Ольшанский М.А.* Против фальсификации в биологической науке // Сельская жизнь. 1963. № 195 (9673). С. 2–3.
- Пузанов И.И.* (б./д.) «Астронавт». Поэма в трёх песнях с прологом. Машинописный вариант. № 10_191 // Критика лысенковского «порождения» видов. URL: <http://www.famhist.ru/famhist/lisenko/000b0ce4.htm>
- Сахаров А.Д.* Воспоминания 1921–1971. Так сложилась жизнь. М.: КоЛибри, 2016. 560 с.
- Beyrau D.* Intelligenz und Dissens: die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1993. 344 S.
- Medvedev Z.* Dix ans dans la vie de Soljenitsyne. Paris: Grasset, 1973. 300 p.
- Medvedev Z.* The Rise and Fall of T.D. Lysenko. New York: Columbia university press, 1969b. 284 p.
- Medvedev Z.* The Medvedev papers: Fruitful meetings between scientists of the world, and, Secrecy of correspondence is guaranteed by law. London: Macmillan, 1971. 471 p.
- Medvedev Z., Medvedev R.* A Question of Madness. New York: Knopf, 1971. 223 p.

“Fortunately for me, I started studying in 1944 and could therefore study classical genetics”

(*GENNADII V. KUZOVKIN*¹, *BARBARA MARTIN*².
FROM AN INTERVIEW WITH ZHORES A. MEDVEDEV)

¹ Scientific and Educational Center “Memorial”, Moscow, Russia; kuzovkin@memo.ru

² Pierre du Bois Foundation, Geneva, Switzerland; Barbara.martin@graduateinstitute.ch

In this interview taken by the German historian Dietrich Beyrau in 1984, Zhores Medvedev speaks about his scientific career in the Soviet Union, starting from his studies at the Timiriazev Agricultural Academy after the war. His early interest in questions of gerontology led him to study the aging process, first of plants, and later on of animals at three successive institutions, in Moscow (1951–1962), in Obninsk (1962–1969), and in Borovsk (1970–1972). The central theme of the interview is samizdat, a field in which Zhores Medvedev had a pioneering role. His work “Biology and the personality cult” became the first independent research in samizdat. As a result, the account of Medvedev’s opposition to Trofim Lysenko’s charlatan theories occupies an important place in the interview. Medvedev also explains the process that led him to publish his works in the West, where his first book in the biological field was published in 1966. By 1969, he published in the USA *The Rise and Fall of T.D. Lysenko*, following the book’s rejection by Soviet censorship. Following this publication abroad, Medvedev was dismissed from the Obninsk Institute of Radiobiology. In 1970 he was incarcerated in the Kaluga psychiatric ward. His speedy liberation, however, was secured through a successful campaign by writers and scientists on his behalf, which received a broad international media coverage. In 1973, Medvedev was allowed to leave to London to work at the Medical Research Council and was deprived of his Soviet citizenship the same year.

Keywords: biology; agriculture; genetics; Stalinism; Soviet Union; dissent; samizdat.

References

- Beyrau, D. (1993). *Intelligenz und Dissens: die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Egorychev, N. G. (1963, June 19). “Rech’ na Plenum TsK KPSS” [Speech at the Plenum of the Central Committee of the CPSU], *Vecherniaia Moskva*, 144(12 041), pp. 4.
- Lepeshinskaia, O.B. (1945). *Proiskhozhdenie kletok iz zhivogo veshchestva i rol’ zhivogo veshchestva v organizme* [The origin of cells from living matter and the role of living matter in the body]. Moscow; Leningrad: Izdatel’stvo AN SSSR.
- Lysenko, T. (1946, June 23). “Ne v svoi sany ne sadis’ (otvet prof. P.M. Zhukovskomu na retsenziuu ‘Darvinizm v krivom zerkale’)” [Don’t move out of your depth (response to P.M. Zhukovskii’s review ‘Darwinism in a distorting mirror’)]. *Pravda*, 152(10 234), pp. 5.
- Martin, B. & Kuzovkin G. (2018, December 4). Zhores Medvedev: “Lysenko vydvynul’sia na represiiakh protiv genetikov” [Zhores Medvedev: Lysenko got promoted because of the repressions against geneticists]. *Troitskii Variant*, 268, pp. 2–3.
- Medvedev, Zh. (1963). *Biosintez belkov i problemy ontogeneza* [Protein Biosynthesis and Problems of Heredity, Development and Aging]. Moscow: Medgiz.
- Medvedev, Zh. (1966). *Molekuliarno-geneticheskie mekhanizmy razvitiia* [Molecular-genetic mechanisms of development]. Moscow: Medgiz.
- Medvedev, Zh. (1969a). Biologicheskaiia nauka i kul’t lichnosti [Biological science and the personality cult]. *Grani*, 70–71, 127–166.
- Medvedev, Zh. (1969b). *The Rise and Fall of T.D. Lysenko*. New York: Columbia university press.
- Medvedev, Zh. (1971). *The Medvedev Papers: Fruitful Meetings between Scientists of the World, and, Secrecy of Correspondence Is Guaranteed by Law*. London: Macmillan.
- Medvedev, Zh. (1973). *Dix ans dans la vie de Soljenitsyne* [Ten years in Solzhenitsyn’s life]. Paris: Grasset.
- Medvedev, Zh. (2012). Genetika v SSSR [Genetics in the USSR]. *Izvestiia Timirazevskoi Sel’skokhoziastvennoi Akademii*, 4, 175–185.
- Medvedev, Zh. (2013). Tretii raz v Amerike [Third time in America]. *Ezhedel’nik 2000.ua*. Retrieved from https://www.2000.ua/specproekty_ru/opasnaja-professija/glavy-iz-knigi-opasnaja-professija/tretij-raz-v-amerike_arhiv_art.htm.
- Medvedev, Zh. & Kirpichnikov, V. (1963). Perspektivy sovetskoi genetiki [Perspective of Soviet genetics]. *Neva*, 3, pp. 165–178.
- Medvedev, Zh. & Medvedev, R. (1971). *A Question of Madness*. New York: Knopf.
- Medvedev, R. & Medvedev, Zh. (2010). 1925–2010, *Iz Vospominanii* [1925–2010. From Memoirs]. Moscow: Prava cheloveka.
- Medvedev, R. & Medvedev, Zh. (2015). *Nobelevskie laureaty Rossii* [Russia’s Nobel laureates]. Moscow: Vremia.
- Ol’shanskii, M. (1963, August 18). Protiv fal’sifikatsii v biologicheskoi nauke [Against falsification in the biological science]. *Sel’skaia zhizn’*, 195(9673), pp. 2–3.
- Puzanov, I. (n/a). “Astronavt”. Poema v trekh pesniakh s prologom [“Astronaut”. Poem in three songs with a prologue]. In *Kritika lysenkovskogo “porozhdeniia vidov”* [Critique of Lysenko’s “origin of species”]. Retrieved from <http://www.famhist.ru/famhist/lisenko/000b0ce4.htm>.
- Sakharov, A. (2016). *Vospominaniia 1921–1971: Tak slozhdilas’ zhizn’* [Memoirs 1921–1971: so life has been]. Moscow: KoLibri.
- Zhukovskii, P. (1946). “Darvinizm v krivom zerkale” [Darwinism in a distorting mirror]. *Selektiia i semenovodstvo*, 1–2, 71–79.

«С ним было легко, интересно и спокойно работать» (воспоминания о Жоресе Александровиче Медведеве в Обнинске)

О.А. Коноплянникова, Г.А. Панарина

Медицинский радиологический научный центр им. А.Ф. Цыба,
филиал ФГБУ «НМИРЦ» Минздрава России, Обнинск, Россия; olgakonoplyannikova@mail.ru;

Краткие воспоминания о совместной работе с Жоресом Александровичем Медведевым двух сотрудниц лаборатории молекулярной радиобиологии института Медицинской радиологии в г. Обнинске. В воспоминаниях авторов Медведев предстаёт как спокойный, дружелюбный и очень знающий коллега. В воспоминаниях также описываются добрые отношения с его женой, Маргаритой Николаевной Медведевой.

Ключевые слова: Ж.А. Медведев, М.Н. Медведева, лаборатория молекулярной радиобиологии института Медицинской радиологии, Обнинск.

I

Воспоминания Ольги Андреевны Коноплянниковой

С Жоресом Александровичем Медведевым мы с мужем познакомились в 1965 г. После окончания аспирантуры по распределению мы приехали в Обнинск — в институт Медицинской радиологии АМН СССР. В должности младшего научного сотрудника меня направили на работу в отдел Н.В. Тимофеева-Ресовского, в лабораторию молекулярной радиобиологии, которой заведовал Жорес Александрович. В лаборатории к этому времени уже сложился коллектив, в основном из молодых сотрудников. Жорес Александрович доброжелательно отнёсся ко мне, хотя до этого мы не были знакомы. Тогда же мы познакомились с Маргаритой Николаевной Медведевой, которую любили и уважали в коллективе. Не было сложностей с тем, что это жена шефа; многие сотрудники зачастую приходили к ней за советом, прежде чем обратиться к Жоресу Александровичу. Под руководством Жореса Александровича я продолжала работать по начатой в аспирантуре тематике по изучению цитогенетической радиочувствительности лабораторных животных разного возраста.

В 1969 г. отдел Тимофеева-Ресовского фактически разогнали. Уволили и Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского, и Жореса Александровича, который, несмотря на очень непростую ситуацию, вёл себя очень достойно и старался помочь многим сотрудникам в устройстве на работу в другие отделы экспериментального сектора института. Сам он через некоторое время стал работать в одном из научно-исследовательских институтов Боровска. Держались Жорес Александрович и Мар-

гарита Николаевна в это трудное для них время очень мужественно и достойно. Мы продолжали поддерживать отношения с ними также после того, как они были вынуждены остаться в Англии. Маргарита Николаевна не была лишена советского гражданства и могла приезжать в Россию, чтобы навестить своих близких. Она навещала своих знакомых и в Обнинске, бывала у нас в гостях, привозила небольшие подарки. Особенно запомнился небольшой томик стихов Б.Л. Пастернака. Когда Жоресу Александровичу вернули гражданство, он всегда бывал не только в Москве, Твери, но и в Обнинске, навещал знакомых, бывал с Маргаритой Николаевной у нас в гостях. За столом Жорес Александрович всегда рассказывал много интересного о своей научной и литературной работе, об особенностях жизни и быта в Лондоне, о контактах с учёными многих стран. Особое место в рассказах Жореса Александровича занимали истории о небольшом участке в Лондоне, где Маргарита Николаевна и Жорес Александрович выращивали разнообразные овощи и ягоды. Маргарита Николаевна делала заготовки на зиму, а Жорес Александрович присылал живописные фотографии своих урожаев.

В Обнинске мы тоже получили небольшие участки по четыре сотки, где Жорес Александрович и Маргарита Николаевна успешно трудились, когда жили и работали там. Однажды произошёл забавный случай. Старшая лаборантка нашей лаборатории, Галя Панарина, после работы, попрощавшись с сотрудниками, в том числе и с Жоресом Александровичем, отправилась на Красную Горку, где располагались наши участки (примерно в 25 минутах ходьбы от института). Подходя к своему участку, Галя увидела, что навстречу ей идет Жорес Александрович. Галя растерялась, не понимая, в чем дело. Это был Рой Александрович, который приехал в гости к брату-близнецу.

Маргарита Николаевна всегда была рядом с Жоресом Александровичем. За время нашего знакомства мы никогда не слышали, чтобы Маргарита Николаевна и Жорес Александрович говорили друг с другом на повышенных тонах. В их отношениях всегда царил полное взаимопонимание и уважение.

В нашем городе в последние годы к Жоресу Александровичу, насколько мне известно (не берусь судить обо всех), относились с пониманием и уважением. Однако отобранную трёхкомнатную квартиру на улице Красных Зорь чете Медведевых, конечно, не вернули. Правда, дали возможность купить (на этом настоял Жорес Александрович) по себестоимости небольшую двухкомнатную квартиру. В нашем институте висит портрет Жореса Александровича вместе с портретами других, как принято говорить, уважаемых учёных института. В городском музее есть экспозиция, ему посвящённая, которая находится рядом с экспозицией, посвящённой Н.В. Тимофееву-Ресовскому.

Всегда восхищала необыкновенная работоспособность Жореса Александровича. Мы и многие его знакомые регулярно получали очередные главы из его новых книг, а также очерки на злободневные темы. Всегда с благодарностью и интересом читали их. Последний очерк из первой книги про Скрипалей мы получили 18 октября 2018 г., а последнюю главу Маргарита Николаевна прислала 10 декабря 2018 г.

Если бы Жорес Александрович не написал ничего, кроме книги о культе Лысенко, он уже был бы достоин того, чтобы люди, не только в России, всегда помнили о нём как о смелом, мужественном человеке и достойном учёном.

II

Воспоминания Галины Васильевны Панариной

В 1963 г., после окончания Калужского медицинского техникума, по распределению, я была направлена работать в институт Медицинской Радиологии в городе Обнинске. При поступлении на работу в отделе кадров нас (а приехала большая группа молодых специалистов) попросили заполнить анкету. Я попала в лабораторию молекулярной радиобиологии к Жоресу Александровичу Медведеву. Когда впоследствии я спросила Жореса Александровича, почему он выбрал именно меня, он ответил, что за краткость и чёткость заполнения анкеты.

С Жоресом Александровичем было очень легко работать, он доходчиво объяснял цель предстоящего эксперимента и ожидаемые результаты. Жорес Александрович был доброжелательным человеком, никогда не повышал голоса на сотрудников. К нему можно было обратиться по любому вопросу личного или рабочего характера. Это был очень начитанный и много знающий человек. О том времени, когда мы вместе работали, остались самые тёплые и добрые воспоминания. После расформирования лаборатории Жорес Александрович принял активное участие в судьбе сотрудников и помог каждому устроиться по его желанию. Это был очень хороший, справедливый человек, с ним было легко, интересно и спокойно работать.

**“It was easy, interesting and quiet to work with him”
(memoirs about Zhores Aleksandrovich Medvedev in Obninsk)**

OLGA A. KONOPLIANNIKOVA, GALINA A. PANARINA

Medical Radiological Research Center A.F. Tsyba, Federal State Institution NMIRTs
of the Ministry of Health Branch, Obninsk, Russia; olgakonoplyannikova@mail.ru

Brief memoirs of two researchers from the Laboratory of Molecular Radiobiology of the Institute of Medical Radiology (Obninsk, Russia) about their former colleague Zhores Medvedev. The authors describe the scientist as a tranquil, friendly and very knowledgeable colleague. The memoirs also describe the authors' good relationship with his wife, Margarita Nikolaevna Medvedeva.

Keywords: Zh.A. Medvedev, M.N. Medvedev, laboratory of molecular radiobiology, Obninsk.

Воспоминания о Ж.А. Медведеве

Виктор А. Драгавцев

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Агрофизический научно-исследовательский институт», Санкт-Петербург, Россия;
office@agrophys.ru

Воспоминания посвящены обстоятельствам заочного в 1961 г. и очного в 1990 г. знакомства В.А. Драгавцева с Ж.А. Медведевым и их переписки после 1990 г.

Ключевые слова: Ж.А. Медведев, генетика, лысенкоизм, философия биологии.

В 1961 г. в журнале «Успехи современной биологии» № 6, 1961 г. была опубликована моя статья «Философские вопросы учения о формообразовании и теории наследственной информации». В конце 1963 г. года до Алма-Аты, где я тогда работал в Главном ботаническом саду АН КазССР, добралась «самиздатовская» книга Ж.А. Медведева «Биологическая наука и культ личности». На её страницах я с ужасом увидел, что Ж.А. Медведев зачислил меня в лысенковцы за вывод моей статьи в «Успехах...» — «Наследственная информация гомозигот — равна нулю».

Я тут же написал ему следующее письмо:

Уважаемый Жорес Александрович!

Хочу попытаться объяснить Вам, что Вы напрасно «ославили» меня на всю страну, приведя в Вашей замечательной книге цитату из моей статьи в качестве примера «дезинформации, шельмования и бездарной ругани в адрес классической генетики» (с. 183). Будучи учеником проф. А.И. Фёдорова (коллеги Б.Л. Астаурова) и проф. Л.П. Бреславец (ин-т биофизики, Москва), я, естественно, всегда стоял и стою на позициях классической генетики, в чем Вы могли бы убедиться, ознакомившись с авторефератом моей кандидатской диссертации (которую почти два года мытарили в ВАКе) и с моей статьёй в Вестнике АН КазССР (№ 10, 1963), которую несколько раз изымали из портфеля редакции как «вейсманистскую».

В статье (Успехи совр. биологии № 6, 1961) нет и намёка на «шельмование» генетики, там лишь делается попытка уточнить рамки применения понятия «наследственная информация», которое широко и часто неправомерно используется биологами. Выражение «наследственная информация равна нулю» говорит лишь о том, что вероятность получить в потомстве сосны сосну равна единице. Вспомните, что количество информации в случае вероятности равной единице — равно нулю (Н. Винер). Если Вы пользуетесь термином «наследственная информация» в общежитейском смысле (передача сообщений), тогда мой вывод может показаться Вам более чем странным. Однако я — за точность понятий. Житейское понятие «информация» и научное математическое — две разные вещи. Откройте книгу У.Р. Эшби «Введение в кибернетику», 1959, и прочтите с. 215–216. Не правда ли, то же самое, о чем я пишу? Посмотрите работу Г. Кэксера в сб. «Моделирование в биологии», 1963, с. 42–64. Опять полная аналогия.

Посмотрите работу И.И. Шмальгаузена (Проблемы кибернетики, 1960, № 4). Иван Иванович прямо пишет: «Наследственная информация гомозигот равна нулю».

При абсолютной жёсткости молекул ДНК наследование есть **динамический процесс**, совершенно однотипный в поколениях. Аналогом его может служить синусоида. Такие функции не несут никакой информации до тех пор, пока не будут модулированы. Поймите, что именно постоянство хромосомного аппарата в ряду поколений неизбежно приводит к выводу: наследственная информация равна нулю.

То, что сейчас подразумевают под этим термином многие биологи (и Вы в том числе), не является информацией, это лишь стабильная последовательность определённым образом расположенных молекул. Поскольку эта последовательность одинакова в ряду поколений, она не может нести «наследственной» информации.

Это строгий подход к делу, хотя он не вполне гармонирует с нашей интуицией. Буду рад, если Вы теперь уяснили мои позиции и воздержитесь от дальнейшей негативной оценки моих работ в официальном издании Вашей отличной книги, которое, будем надеяться, не за горами.

С глубоким уважением! Ваш В.А. Драгавцев. 1 ноября 1964 г. Алма-Ата.

Вскоре я получил ответ от Жореса Александровича:

Уважаемый В.А. Драгавцев! Прошу извинить меня за неверно понятую мною Вашу статью. Я согласен с Вашим выводом и обещаю Вам убрать Ваше имя из ряда лысенкоидов из всех экземпляров моей книги, адреса которых мне известны. К сожалению, я не смогу этого сделать со всеми другими экземплярами, которые размножаются в «самиздате» с огромной скоростью, и я не могу этот процесс контролировать... Ваш Ж. Медведев.

Моё личное знакомство с Жоресом Александровичем произошло во Всесоюзном институте растениеводства (ВИР) в 1990 г., через два месяца после моего избрания на должность директора ВИРА в апреле 1990 г. Был учёный совет ВИРа с обсуждением планов долгосрочной работы. Я предложил своё видение задач и попросил членов совета выступать с любой самой жёсткой критикой для того, чтобы выработать единое обоснованное коллегиальное мнение. Тут кто-то поднял руку (из задних рядов) и попросил меня назвать имена моих учителей. Я ответил: «Проф. А.И. Фёдоров, коллега Б.Л. Астаурова, проф. Н.Л. Удольская, проф. Л.П. Бреславец». Этот человек сказал: «Спасибо, я удовлетворён...» После учёного совета мой сотрудник проф. Г.В. Удовенко подвёл ко мне этого человека и сказал: «Это Жорес Александрович Медведев». Я был очень рад, пригласил Медведева, Г.В. Удовенко и ещё трёх коллег в кабинет, и мы хорошо и долго посидели за «рюмкой чая». Я напомнил Жоресу Александровичу о нашей переписке, он сказал, что честно убрал моё имя из доступных ему экземпляров «самиздата» и что в официальном издании он всё исправит. Так и произошло. В книге «Взлёт и падение Т.Д. Лысенко» моего имени в перечне «лысенкоидов» уже не было.

После этой встречи мы стали переписываться. Жорес Александрович написал мне, что хотел бы построить недалеко от г. Твери на реке Тверце хороший собственный дом, чтобы приезжать в Россию из Лондона и жить лето на лоне природы и просил меня порекомендовать место для строительства. Я знал окрестности Твери и порекомендовал ему место недалеко от большого посёлка (с электричеством, поликлиникой, асфальтированной дорогой и чистой неиспорченной природой). Он нанял строителей, и они стали строить дом. Однако на зиму Жорес Александрович уехал в Лондон, строители (без контроля) ушли со стройки, и наполовину возведённый дом был за зиму растащен местным населением...

Больше Ж.А. подобных инициатив не проявлял.

Когда он начал писать свои замечательные «Воспоминания...», он прислал мне первую главу и попросил моей оценки. Я дал восторженную оценку и попросил его разрешения распространять его главы среди надёжных друзей и коллег. Он ответил: «Пожалуйста, распространяйте, только попросите Ваших друзей воздержаться от печатания глав, поскольку я буду издавать книгу целиком».

Вот сейчас его уже нет с нами... Я не знаю, будут ли родственники издавать эти «Воспоминания». Но они представляют огромную историческую ценность...

Remembering Zh.A. Medvedev

VICTOR A. DRAGAVTSEV

Federal public budgetary scientific institution “Agrophysical research institute”,
St. Petersburg, Russia; office@agrophys.ru

V.A. Dragavtsev remembers the circumstances of his first written contact with Zhores Medvedev in 1961 and their later encounter in 1990, followed by their correspondence after 1990.

Keywords: Zh.A. Medvedev, genetics, lysenkoism, philosophy of biology.

Мои контакты с Жоресом Медведевым¹

СЕМЁН Е. РЕЗНИК

свободный исследователь, ПЕН-клуб, Вашингтон, США;
Союз писателей Москвы, Москва, Россия;
s.reznik@hotmail.com

С.Е. Резник рассказывает о своих контактах и сотрудничестве с Ж.А. Медведевым.

Ключевые слова: Ж.А. Медведев, генетика, лысенкоизм, Вавилов, кировский поток, убийство С.М. Кирова, Сталин, Хрущев, псевдонаука

С Жоресом Александровичем Медведевым я познакомился в 1961 или 1962 гг. в отделе науки «Комсомольской правды». Уже тогда он был легендарной личностью. По рукам ходила его неизданная книга «Биологическая наука и культ личности» — о разгроме генетики и диктатуре Трофима Денисовича Лысенко в биологической науке.

В отделе науки «Комсомолки» было три штатных сотрудника: заведомом Михаил Васильевич Хвастунов (печатался под псевдонимом М. Васильев)², Ярослав Кириллович Голованов³ и Дмитрий Александрович Биленкин⁴. Они активно привлекали к сотрудничеству студентов и выпускников технических вузов. В основном нашими силами делалась субботняя полоса «Клуб любознательных». В небольшой комнате, в которой располагался Отдел науки, постоянно толпились ребята из разных вузов: Физтеха, МВТУ, Химико-технологического, моего МИСИ. Приходили и авторы постарше. Там я и познакомился с Ж.А. Медведевым, чью самиздатскую книгу к тому времени уже прочитал. «Комсомолка» готовила статью о пагубной роли Т.Д. Лысенко — всеильного диктатора в агрономической науке. Вскоре, придя в редакцию, я узнал, что статья одобрена редколлегией и в ближайшие дни будет напечатана. Слава Голованов радостно потирал руки, предвкушая, как прямо ночью поедет в академический дом, где жил Лысенко, и опустит свежий номер газеты в его почтовый ящик.

¹ Часть примечаний подготовлена Э.И. Колчинским.

² Михаил Васильевич Хвастунов (псевдоним — *Михаил Васильев*) (1920–1978) — советский журналист и писатель, автор более 20 научно-популярных книг и множества статей.

³ Ярослав Кириллович Голованов (1932–2003) — советский и российский журналист, писатель и популяризатор науки. Автор 20 книг, более 1200 газетных и 160 журнальных статей. Лауреат двух высших журналистских премий «Золотое перо России». Заслуженный работник культуры РСФСР (1982). Отец журналиста и писателя Василия Голованова.

⁴ Дмитрий Александрович Биленкин (1933–1987) — русский советский писатель-фантаст, литературный критик и журналист.

Но... Были приняты контрмеры, статья в «Комсомолке» не прошла. А вскоре в партийной печати появились грозные нападки на Ж.А. Медведева, В.П. Эфроимсона⁵ и В.С. Кирпичникова⁶, «клеветующих на передовую советскую науку»⁷.

В самом конце 1962 г. я стал работать редактором серии ЖЗЛ (издательство «Молодая гвардия»), где мне поручили раздел биографий учёных. Консультируясь с крупными специалистами разных областей знаний по наметкам нашего перспективного плана, я понял, как все ждут книгу о Николае Ивановиче Вавилове — великом биологе и растениеводе, которого «загрыз» «колхозный» академик Лысенко.

В поисках подходящего автора я пролистал пару десятков популярных книг о биологах, ботаниках, селекционерах, но убедился только в том, что каждый из авторов, в той или иной мере, восхвалял Лысенко. Привлечь кого-то из них к написанию книги о Вавилове было бы профанацией и кощунством. Я сказал заведующему серией ЖЗЛ Ю.Н. Короткову, что знаю только одного автора, которому мы могли бы предложить договор на книгу о Н.И. Вавилове: это Ж.А. Медведев. Коротков ответил, что автор, безусловно, хорош, но имя его слишком засвечено, невозможно идти к начальству с таким предложением. Книгу о Вавилове я стал писать сам.

В октябре 1964 г. первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета Министров СССР Н.С. Хрущёв был отстранён от власти «по состоянию здоровья», а неофициально стало известно о бурном заседании Политбюро ЦК КПСС, на котором ему был предъявлен длинный список обвинений, в их числе — «односторонняя поддержка академика Лысенко».

В печать хлынул поток публикаций, в которых развенчивались лженаучные достижения «колхозного учёного». Казалось бы, больше не было препятствий для издания книги Жореса Медведева. Но — увы! В ней было «слишком много» правды не только о самом Лысенко, но и о государственной системе, при которой полуграмотный шарлатан смог учинить разгром генетики и отправить на эшафот самых талантливых и ярких учёных. Книга была издана только в 1969 г., в США, на английском языке⁸. Помню, как мы случайно встретились с Жоресом Александровичем на каком-то научном собрании. Сели рядом. Он вынул из портфеля и показал мне экземпляр только что вышедшей книги. Сделал он это демонстративно, так, чтобы видели окружающие, хотя *тамиздат*, после громкого «дела Синявского и Даниэля», был ещё большей крамолой, чем *самиздат*.

Моя книга о Н.И. Вавилове в серии ЖЗЛ, отфильтрованная цензурой, была тогда уже отпечатана, но её «поймали на разноске» и признали «идеологически вредной». Одно

⁵ Эфроимсон Владимир Павлович (1908–1989) — генетик. Один из самых непримиримых врагов лысенкоизма. Первый раз был арестован в 1932 г. Не признал решения августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Был снова арестован, несколько лет провёл в тюрьме. Выйдя на свободу, Эфроимсон продолжил борьбу с «народным академиком» до конца своих дней.

⁶ Кирпичников Валентин Сергеевич (1908–1991) — генетик, рыбовод. Активно участвовал в дискуссиях с лысенкоистами ещё в 1930-х гг. Его совместная статья с Ж.А. Медведевым вызвала гнев Н.С. Хрущёва. См.: *Медведев Ж.А., Кирпичников В.С. Перспективы советской генетики* // Нева. 1963. № 3. С. 165–178.

⁷ *Ольшанский М.* Против дезинформации и клеветы // *Сельская жизнь*. 1964. 29 авг. № 204 (9989). С. 5. Михаил Александрович Ольшанский (1908–1988) — кандидат в члены ЦК КПСС (1961–1966), министр Сельского хозяйства СССР (1960–1962), один из ведущих оруженосцев Т.Д. Лысенко.

⁸ *Medvedev Z.A. The Rise and Fall of T.D. Lysenko* / Transl. I.M. Lerner with the editorial assistance of L.G. Lawrence. New York; London: Columbia Univ. Press, 1969. 284 p.

из обвинений в доносе, поступившем в ЦК партии (позднее мне стало известно, что он был состряпан Т.Д. Лысенко и его верным оруженосцем Н.И. Фейгинсоном, бывшим заведующим кафедры генетики МГУ), было то, что я «протащил в печать» запретные материалы Жореса Медведева. Небольшая часть тиража уже была отправлена в книготорг, а оставшиеся в типографии 90 тысяч экземпляров были «арестованы». Книга вышла в свет с почти годовым опозданием, после поправок, в основном формальных, сделанных для того, чтобы доложить, что «идеологические ошибки» исправлены. Жорес Александрович тщательно сверил оба варианта книги и подсчитал, что из заключительных глав изъято полторы страницы текста. Два печатных листа из-за этого пошли под нож, их заново набирали, вычитывали, сверяли, печатали. Медведев позвонил в типографию и узнал, что операция обошлась в 27 тысяч (тогдашних!) рублей, поглотив всю запланированную прибыль. По радио Би-Би-Си прозвучала его передача, завершавшаяся саркастической фразой: «Вот сколько стоят полторы страницы правды».

После того, как Жоресу Александровичу «разрешили» выехать на год в Англию для научной работы, а затем лишили гражданства, сделав «невозвращенцем», наши контакты были прерваны. Возобновились они через десять лет, после моей эмиграции в США. Первая встреча была в Нью-Йорке в 1983 г., куда Жорес Александрович приехал по своим делам вместе с супругой Маргаритой Николаевной. Мы с женой Риммой были у них в гостинице в центре Манхэттена, а потом долго сидели в тихом японском ресторанчике. Новички в эмиграции, мы смутно представляли, что нас ждёт, и жадно вслушивались в каждое слово бывалых иммигрантов.

Следующим летом Жорес Александрович приехал в Штаты на научный симпозиум и побывал у нас в Нью-Джерси. Мы гуляли в парке, где Римма нас «щёлкнула» фотоаппаратом Жореса Александровича. После его возвращения в Лондон он прислал эту фотографию, она опубликована в моей книге «Эта короткая жизнь»⁹.

Во время той встречи Жорес Александрович просил меня отредактировать рукопись его брата Роя Александровича о Никите Хрущёве, с оказией доставленную ему из Москвы. Об издании он договорился с Валерием Чалидзе¹⁰ — известным правозащитником, от которого советская власть «избавилась» таким же образом, как от Жореса Медведева: «разрешила» выехать в деловую командировку, а затем лишила гражданства. Чалидзе жил в Вермонте, где основал издательство. Штатных редакторов у него не было, но Жорес Александрович считал, что рукопись Роя должна быть профессионально отредактирована. Я, разумеется, согласился, пропустив мимо ушей слова о том, что он оплатит мою работу. Мне, разумеется, и в голову не могло придти брать плату за дружескую услугу.

После выхода книги¹¹ он прислал чек, который я ему вернул. В следующем письме он шуточно написал, что я «поступил не по-американски». Пришлось сделать грустный вывод, что некоторым аспектам «американского образа жизни» мне никогда не выучиться.

В 1987 г. широко отмечался столетний юбилей Николая Ивановича Вавилова, что совпало с нарастанием гласности в Советской России. Благодаря ослаблению цензуры

⁹ *Резник С.Е.* Это короткая жизнь. Николай Вавилов и его время. М.: Захаров, 2017. 1055 с. При публикации этого фото допущена ошибка в подписи: сказано «Вашингтон, 1984». Дата указана правильно, но место неверно. В Вашингтон переехали в 1985 г.

¹⁰ Чалидзе Валерий Николаевич (1928–2018) — активный советский правозащитник, диссидент, физик, публицист, позднее — американский издатель и редактор, историк.

¹¹ *Медведев Р.А.* Хрущёв: политическая биография. Benson: Chalidze Publications, 1986. 274 с.

в печать хлынул широкий поток материалов о Вавилоче и о его трагической судьбе, на что в годы «застоя» был строгий запрет. Казалось бы, отпали преграды к тому, чтобы страна узнала, наконец, правду о том, что происходило в советской биологической науке под железной пятой коммунистической власти.

Однако, наряду с правдой о взаимоотношениях Вавилова и Лысенко, в общественное сознание стала внедряться концепция, впервые озвученная ещё в 1966 г. в алма-тинском журнале «Простор», где была напечатана документальная повесть Марка Александровича Поповского «1000 дней академика Вавилова»¹².

М.А. Поповский был одним из ведущих литераторов, писавших о биологии, медицине, селекции. В его книгах и статьях возносились до небес достижения «передовой советской науки», в том числе «великие открытия» О.Б. Лепешинской¹³, Г.Д. Бошняна¹⁴, Т.Д. Лысенко¹⁵. Был им воспет и «кукурузный скачок на север» под научным руководством Н.С. Хрущёва.¹⁶

«Сменив вехи» после снятия Хрущева, М.А. Поповский осмелел «кукурузный скачек», а Трофима Лысенко изобразил неучем, который, пользуясь покровительством власти, громил Вавилова как вредителя и врага народа. Однако в повести «1000 дней...» главным виновником возвышения Лысенко был представлен сам Н.И. Вавилов. Он-де чрезмерно восхищался достижениями молодого агронома, всячески его продвигал, а когда понял, какую змею пригрел на свой груди, было уже поздно. Таков сюжетный стержень повести. Правда, вскоре в «Новом мире» появилась рецензия Ж.А. Медведева, в которой он, опираясь на точные цитаты и даты, показал несостоятельность концепции М.А. Поповского¹⁷. Остается загадкой, как главному редактору журнала, знаменитому поэту А.Т. Твардовскому удалось напечатать статью такого опального автора.

К тому времени моя работа над книгой о Н.И. Вавилоче была в основном закончена. Вступать в полемику с М.А. Поповским на страницах книги было неуместно, а проигнорировать его повесть тоже было нельзя. Я ограничился включением в раздел «Краткая библиография» обеих работ, то есть повести М.А. Поповского в «Просторе» и рецензии на неё Ж.А. Медведева в «Новом мире». Когда над моей уже напечатанной книгой разразилась гроза, то, по указанию ЦК КПСС, из арестованной части тиража

¹² Поповский М.А. 1000 дней академика Вавилова // Простор. 1966. № 7–8.

¹³ Лепешинская Ольга Борисовна (1871–1963) — старая большевичка, биолог. За лженаучную теорию образования клеток из бесструктурного «живого вещества» была удостоена Сталинской премии (1950). Ее псевдооткрытие, поддержанное Лысенко и другими апостолами «мичуринского учения», было объявлено великим достижением «передовой советской науки». Все несогласные подвергались остракизму как идеалисты, ретрограды, «виrhoвианцы».

¹⁴ Бошнян Геворг Мнацаканович (1908–?) — ветеринар, микробиолог, чья антинаучная теория превращения вирусов в живые клетки и наоборот была широко разрекламирована как великое достижение передовой советской науки, а всякое несогласие с ним подвергалось остракизму.

¹⁵ «Он [М. Поповский — Прим. автора] в своем письме сообщает, что восхвалял Лысенко, когда был «журналистом-первогодкой», не подозревая, что мне от Вас известны его пресмыкания перед Бошняном и Лепешинской и его кощунство над гением Пастера». Эта совместная публикация — Жореса и моя. Не знаю почему, но он посчитал неудобным для себя комментировать адресованное ему письмо и попросил это сделать меня. Вот точная ссылка: Медведев Ж.А., Резник С.Е. П.М. Жуковский: письмо Ж.А. Медведеву (Вст. статья и прим. С.Е. Резника) // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 2012. Вып. 4. С. 215.

¹⁶ Поповский М. Второе сотворение мира. М.: Молодая гвардия, 1960. С. 55–58, 62–63.

¹⁷ Медведев Ж.А. У истоков генетической дискуссии // Новый мир. 1967. № 4. С. 226–234.

ссылку на статью Медведева удалили, а раскритикованную им повесть М.А. Поповского не тронули.

Эмигрировав из СССР, М.А. Поповский издал книгу «Дело академика Вавилова»¹⁸, в которой усилил свою первоначальную концепцию. Книга, конечно, проникла в Россию и оказала воздействие на некоторых авторов, в том числе таких авторитетных, как ботаник, академик А.Л. Тахтаджян (1910–2009), экономист, академик АН СССР, президент ВАСХНИЛ А.А. Никонов (1918–1995) и некоторые другие¹⁹. Концепцию М.А. Поповского взял на вооружение и Валерий Николаевич Соيفер, автор большого труда о лысенковщине «Власть и наука»²⁰. Я неоднократно полемизировал с М.А. Поповским в разных изданиях русского зарубежья; письмо Ж.А. Медведева об ошибочных трактовках В.Н. Соифера было опубликовано в «Огоньке»²¹.

У меня есть несколько книг Жореса Медведева с его дарственными надписями. Я посылал ему свои книги — те, которые, по моему разумению, могли его интересовать. Наше общение «путём взаимной переписки» не было регулярным, и только когда властно вошла в жизнь электронная почта, стало более интенсивным.

В 2012 г., Жорес Александрович, видимо, отзываясь на предложение журнала «Вестник ТСХА», решил опубликовать письмо своего учителя академика П.М. Жуковского (1888–1975) от 4 декабря 1967 г., а вступительную статью и комментарии попросил написать меня. Письмо касалось драматичного момента в жизни П.М. Жуковского. В том году впервые была присуждена премия им. Н.И. Вавилова — этой чести удостоился Жуковский, ученик и сподвижник Н.И. Вавилова. А затем Пётр Михайлович получил оскорбительное письмо от М.А. Поповского с требованием отказаться от премии, так как, по мнению автора письма, он не был достаточно твёрд и последователен в борьбе против лысенковщины.

Что было, то было: после разгрома генетики на сессии ВАСХНИЛ 1948 г., П.М. Жуковский принёс публичное покаяние и, по его собственным словам, заключил с Лысенко «похабный мир». Можно было бы понять, если бы претензии ему предъявил кто-то из более стойких противников Лысенко. Но его «уличал» литератор, который ещё недавно воспевал «государственный подход академика Лысенко» и его последователей... Понятно, какова была мера негодования, излитая Жуковским в письме к Ж.А. Медведеву!

Во вступительной статье я указал на то, что первые полтора–два десятилетия своей литературной карьеры М.А. Поповский строил на восхвалении обласканных властью псевдочёных, таких, как Лысенко. В подтверждение привёл цитаты из статьи Марка Поповского 1950 и книги 1960 гг. Они говорили сами за себя²². Письмо Жуковского Ж.А. Медведеву с нашими комментариями было опубликовано²³.

¹⁸ Поповский М.А. Дело академика Вавилова. Анн-Арбор: «Эрмитаж», 1983. 284 с.

¹⁹ Тахтаджян А.Л. Континенты Вавилова // Литературная газета. 1987. 25 ноября. № 48 (5166). С. 12; Никонов А.А. Жизнь и деятельность Н.И. Вавилова // Вестник АН СССР. 1988. № 3. С. 36–46.

²⁰ Соифер В.Н. Власть и наука. Разгром генетики в СССР. М.: Лазурь, 1989. С. 109–115.

²¹ Подробнее см.: Резник С.Е. Эта короткая жизнь. С. 731–737.

²² Поповский М. Рассказ о полярном земледелии // Знание — сила. 1950. № 6. С. 31; Поповский М. Второе сотворение мира. М.: Молодая гвардия, 1960. С. 94–95.

²³ Медведев Ж.А., Резник С.Е. П.М. Жуковский: письмо Ж.А. Медведеву (Вст. статья и прим. С.Е. Резника) // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 2012. Вып. 4. С. 212–217.

Жорес Александрович работал с большой интенсивностью. Свою мемуарно-публицистическую книгу «Опасная профессия» он рассылал главами, по мере подготовки. Мы с Риммой читали её с возрастающим интересом. В ответных письмах я комментировал прочитанное, иногда делал мелкие замечания. Приведу для примера отрывок из моего письма от 21 июня 2017 г. — по поводу 107 главы «Опасной профессии»:

Глава Ваша интересна, как и предыдущие. Кое-что мне было известно, но далеко не все. Вы вступили в трудную полосу текущей политики, страсти кипят, трудно понять некоторые нюансы. Мне не раз приходилось читать, что британские власти намеренно замалчивают преступные акции российских агентов, дабы не осложнять отношений с Москвой, и потому списывают убийства врагов Путина в Англии (того же Голубева²⁴) на самоубийства или естественные причины смерти. Дело Литвиненко²⁵ удалось раскрутить вопреки противодействию Британских спецслужб, но таких дел якобы было много²⁶. Так ли это, со стороны трудно понять. В то, что Березовский²⁷ повесился, а не был повешен, трудно поверить. Но Вы, полагаю, напишете об этом в следующей главе.

Держа руку на пульсе *Вавиловедения*, я долго не мог взяться за новую биографическую книгу о Николае Ивановиче. Не раз обещал это Юрию Николаевичу Вавилову — и всё откладывал: не чувствовал себя внутренне готовым. Перелом наступил в 2011 г., когда, будучи в Москве, я возобновил старые и завёл новые знакомства с вавиловцами и снова окунулся в ту особую атмосферу, какая окружала имя Вавилова ещё тогда, когда я писал свою первую книгу. Вернулся с решимостью сразу же приступить к книге о Николае Ивановиче, но случилось так, что работа над ней отодвинулась ещё на три года.

Приводя в порядок мой сильно запущенный архив, Римма наткнулась на папку моей переписки с Василием Лаврентьевичем Меркуловым (1908—1972), крупным историком науки, многолетним узником ГУЛАГа, автором многих книг, в том числе первой биографии его учителя, академика Алексея Алексеевича Ухтомского (1875—1942), выдающегося физиолога, философа и религиозного мыслителя. Как эта папка оказалась у нас в Вашингтоне, я не могу понять до сих пор. Уезжая в эмиграцию, взять с собой архивные материалы мы не могли. Самое необходимое я отснял на фотопленку и переслал нелегально, а папки с письмами, конспектами, архивными и библиотечными выписками раздал друзьям, начисто забыв, кому и что оставил. И вот одна из таких папок неожиданно оказалась здесь!

С Василием Лаврентьевичем я познакомился в 1972 г., и мы сразу же подружились. Наша переписка (он жил в Ленинграде, я в Москве) длилась до его кончины в 1980 г. При перечитывании писем многое стало всплывать в памяти, и я почувствовал, что должен написать небольшой очерк об академике Ухтомском и его полностью забытом

²⁴ Голубев Юрий Александрович (1942—2007) — один из основателей нефтяной компании ЮКОС, эмигрировавший в Англию. Был обнаружен мёртвым в своей квартире.

²⁵ Литвиненко Александр Вальтерович (1962—2006) — бывший полковник ФСБ. Эмигрировал в Англию. Умер от отравления полонием.

²⁶ В соответствии с официальной версией российские спецслужбы не причастны к этим смертям.

²⁷ Березовский Борис Абрамович (1946—2013) — один из главных олигархов в 1990-х гг. Получил политическое убежище в Англии. Обнаружен повешенным в своём доме.

ученике. Думал уложиться страниц в тридцать, потратив две-три недели, а получилась книга в 360 страниц, на неё потребовалось три года.²⁸

После того как она ушла в производство, я смог вплотную засесть за книгу о Николае Ивановиче. С учётом её объема она продвигалась довольно быстро. Но чем ближе я подходил к концу, тем острее ощущал, как в ней не хватает предисловия Жореса Медведева!

Обратиться к Жоресу Александровичу я решился не сразу. Ведь он должен был прочитать тысячестраничный фолиант, а значит, отложить работу над собственной книгой. А ему уже было почти 92! Получить отказ мне было бы неприятно, но ещё неприятнее, если бы он согласился, так сказать, через силу, считая невозможным отказать из-за наших давних отношений. Все-таки я ему написал. Письмо датировано 12 мая 2017 г.:

Дорогой Жорес Александрович!

У меня к Вам просьба, но высказываю её с некоторым смущением.

В последние месяцы я форсировал окончание книги о Ник. Ив. Вавилове, в надежде, что она успеет выйти к его юбилею. Теперь я её закончил. Жизнь и судьба Н.И. представлена на широком фоне — густо представлены события и люди, прямо или косвенно причастные к его деятельности — от Льва Мечникова²⁹ до Суда чести над Жебраком³⁰. Отдельные главы о Добжанском³¹, Чайнове³², большая глава о Мичурине³³, конечно, о Лысенко, Презенте³⁴ и т. п. Последняя часть — о Сергее Ивановиче³⁵.

И вот, когда я закончил, поставил последнюю точку, я понял, что в ней не хватает предисловия Жореса Медведева. Пусть самого маленького, на две-три странички. Проблема в том, что рукопись очень велика по объему, в ней 48 печатных листов, а Вам надо заканчивать Вашу «Опасную профессию» — это меня и смущает.

Если Вы сможете выкроить время на чтение моей рукописи и написание короткого напутствия, буду безмерно Вам благодарен и тотчас отправлю рукопись. Если не сможете, я Вас пойму и ни в коей мере не обижусь.

Ваш С.Р.

С прошедшим днем Победы. В Америке этого праздника нет, а для нас, русско-еврейских американцев, это, конечно, Большой День.

²⁸ Резник С. Против течения. Академик Ухтомский и его биограф. Документальная сага с мемуарным уклоном. СПб // СПб.: Алетейя, 2015. 364 с.

²⁹ Мечников Лев Ильич (1838–1888) — географ, публицист, политический эмигрант, брат И.И. Мечникова, автор классического труда «Цивилизация и великие исторические реки», оказавшего большое влияние на формирование взглядов Н.И. Вавилова.

³⁰ Жебрак Антон Романович (1901–1965) — генетик, противник Т.Д. Лысенко. Был подвергнут «Суду чести» в 1947 г.

³¹ Добржанский Феодосий Григорьевич (Th. Dobzhansky) (1900–1975) — американский генетик-эволюционист российского происхождения. В 1927 году был приглашен для стажировки в США, после чего в СССР не вернулся. Был в числе основных зарубежных критиков Т.Д. Лысенко.

³² Чайнов Александр Васильевич (1888–1937) — экономист-аграрник, социолог, писатель. Арестован в 1930 г., приговорен к ссылке. Вторично арестован в 1937, расстрелян.

³³ Мичурин Иван Владимирович (1855–1935) — садовод-селекционер, которого Т.Д. Лысенко провозгласил создателем мичуринской агробиологии.

³⁴ Презент Исая (Исаак) Израилевич (1902–1969) — идеолог лысенкоизма, академик ВАСХНИЛ.

³⁵ Вавилов Сергей Иванович (1891–1951) — физик, президент АН СССР, брат Н.И. Вавилова.

Ответ пришел незамедлительно:

Дорогой Семён Ефимович!

Спасибо за письмо и поздравления. Поздравляю с завершением книги о Н.И. Вавилове. Я, конечно, буду рад написать предисловие. Это будет и выполнение долга перед моими учителями, П.М. Жуковским и Д.Н. Прянишниковым³⁶ (Его лекции в 1944–1945 гг. по курсу «Введение в агрономию» для студентов первого курса ТСХА³⁷ я помню и до сих пор). На «Суде чести» над А.Р. Жебраком в 1947 году я присутствовал. «Опасную профессию» я пишу медленно, с перерывами, и этому процессу отвлечение на книгу о Вавилове не мешает. Привет Римме. Жорес.

Я отправил рукопись и получил ответ, датированный как это ни удивительно, тем же числом:

Большое спасибо за рукопись книги, я уже начал читать. Некоторые заметки возможны по ходу чтения. По ходу чтения будет писаться и моё предисловие, для меня это тоже интересная творческая работа. Пока сообщаю одну неточность на стр. 6. ...

У меня в компьютере целая серия писем Жореса Александровича, писавшихся по ходу чтения рукописи. Они приходили почти каждый день — никаких промедлений, с указаниями на мелкие и не очень мелкие ошибки, а также с комментариями, пожеланиями, соображениями по разным вопросам, с его личными воспоминаниями. Чего в них не было, так это следов отстранённого равнодушия или усталости. Благодаря огромной эрудиции Жореса Александровича, его доброжелательное, но въедливое прочтение рукописи помогло избежать ряда ошибок, в том числе очень существенных. С некоторыми его замечаниями я не соглашался, в ответных письмах объяснял, почему. Так, в одном из писем Ж.А. написал:

То, что Вавилов знал два десятка языков и имел особые таланты к языкам — это легенда. Тимофеев-Ресовский³⁸ говорил мне, что Вавилов очень плохо знал немецкий и не мог писать ни на немецком, ни на английском. Сохранилась пластинка с записью доклада Вавилова в 1934 году на английском (Сейчас она возможно в архиве ВИРА³⁹ или у Юрия Ник.⁴⁰) Я ее слушал в 1967 в Ленинграде на юбилейной конференции. Ник. Ив. явно читал готовый текст и имел очень плохое текстуальное произношение слов. Петр Михайлович Жуковский говорил, что Вавилов немного знал персидский (Farsi), но свободно им не владел.

На это я ответил:

На счет знания Вавиловым языков Вы правы и неправы. У Н.И. к языкам был подход утилитарный, он изучал их в той мере, в какой они были ему нужны для дела. Я помню, как Тимофеев-Ресовский рассказывал, как он ехал с Н.И. в машине на какое-то совещание или

³⁶ Прянишников Дмитрий Николаевич (1965–1948) — агрохимик, биохимик и физиолог растений, академик АН СССР.

³⁷ Тимирязевская сельскохозяйственная академия.

³⁸ Тимофеев-Ресовский Николай Владимирович (1900–1981) — генетик-эволюционист. В 1927–1945 гг. работал в Германии. После возвращения в СССР был арестован. Главный персонаж книги Даниила Гранина «Зубр».

³⁹ Всероссийский институт растениеводства им. Н.И. Вавилова.

⁴⁰ Вавилов Юрий Николаевич (1928–2018) — физик, сын Н.И. Вавилова.

симпозиум и на ходу исправлял языковые погрешности в его докладе: артикли, nicht в конце предложения и т. п. Т.е. Н.И. знал немецкий настолько, что мог на нем общаться, выступать с докладами, но, конечно, Тимофеев знал много лучше. Английский он знал лучше, чем немецкий, но тоже не в совершенстве, о чем есть упоминание в одном из писем, а произношение у него было совершенно русское. Французский тоже знал достаточно хорошо, чтобы общаться с графинями, читать Де Сталь⁴¹, Анатоля Франса⁴², а фарси учил по учебнику на арабском. Он обладал способностью быстро схватывать то, что ему нужно, у него и методика обучения языкам была особая. Вы дальше прочтёте, как он учил латынь — уже в Саратове. В Иране он нанял переводчика, но тот оказался жуликом, Н.И. позднее его рассчитал, а нового переводчика нанимать не стал, так как уже сам мог общаться с местным населением и чиновниками.

Так шло живое и конкретное обсуждение текста, которое было для меня ценным вдвойне — оно не только позволяло устранять неточности, но вселяло уверенность, что книга получилась. В одном из писем я ему написал:

Дорогой Жорес Александрович! Спасибо огромное. Вы — второй (после Риммы) читатель этой работы, не считая отдельных глав, которые были в «Науке и жизни», поэтому Ваше мнение-впечатление для меня особенно важно. Не говорю об уровне компетентности, в чём с Вами вообще некого сопоставить.

Перечитав сейчас эту переписку, я понял, что письма характеризуют не столько мою книгу, сколько самого Жореса Медведева. Вот ещё несколько отрывков (привожу с сокращениями и укрупнением абзацев):

Ж.А., 14 мая:

Вчера вечером дошел до «Первой любви». Всё для меня исключительно интересно. Я ведь биографию Н.И.В. не затрагивал, а только уже «науку».

Ж.А., 15 мая:

Вчера вечером прочитал книгу до стр. 120. Все написано очень интересно и обстоятельно. Этого периода жизни Н.И.В. я почти не знал. Одно замечание по прочитанной (и предыдущей) части — это упоминание Вами связи Петровской академии⁴³ с остальной Москвой через «паровой трамвай». Насколько я помню по книгам по истории ТСХА, публиковавшихся к 100-летию, по рельсам ходил не паровой трамвай, а «конка», один вагон с пассажирами на конной тяге. Я видел на какой-то выставке в ТСХА фотографию этого трамвая. Паровые трамваи для городов не прижились из-за шума и дыма.

Ж.А., 18 мая:

Я сегодня дошёл до Афганистана. Все очень интересно. Я не знал, что сохранилось и найдено столько много писем Вавилова. Замечаний почти нет.

---

⁴¹ Де Сталь-Гольштейн Анна-Луиза Жермена (1766—1817) — баронесса, французская писательница.

⁴² Франс Анатоль (1844—1924) — французский писатель.

⁴³ Петровская земледельческая и лесная академия, основанная в 1867 г., несколько раз меняла название и ныне называется ТСХА.

Ж.А., 19 мая:

Дочитал сегодня до стр. 310, следующая «Эфиопия». Всё исключительно интересно, и личность Николая Ивановича растёт в необыкновенную по широте, работоспособности и смелости. Замечаний у меня нет. Мы с Ритой провели месяц на Крите в 1977. Были в этом музее, смотрели дворец.⁴⁴ Производит огромное впечатление. На Кипре мы были несколько раз, один раз отдыхали в турецкой части. На Крите всё сохранилось, так как турки не успели разграбить и распродать археологические находки, как они сделали в Греции и на Кипре. Мы были в Египте у пирамид. Турки ради забавы стреляли из пушек по Сфинксу, отбили у него нос. Ислам это поощряет. Интересно ответить на вопрос — действительно ли Вавилон и в тропиках ходил при галстуке и в пиджаке с жилеткой. Его фотографий без галстука я нигде не видел.

С.Р., 20 мая:

Я сейчас подбираю иллюстрации. Самая большая коллекция Вавилонских снимков в книге-альбоме 1995 года “Н.И. Вавилов. Документы. Фотографии”. Там большая группа составителей и редколлегии, а ответственный редактор И.А. Рапопорт⁴⁵ — в траурной рамке. Я ее заново просмотрел — ни одного снимка (кроме двух детских), где он был бы без галстука, нет. Но на групповых фотографиях, а их довольно много, почти все мужчины тоже в пиджаках и галстуках. Так было принято. Это сейчас молодежь ходит в рваных болтающихся джинсах, в расхристанных рубашках до колен, с дичайшей татуировкой. В самых фешенебельных магазинах обыкновенные джинсы стоят 30–40 долларов, а вымазанные в глине — больше тысячи. Это писк моды, высший шик!

Ж.А., 20 мая:

Сегодня дошел только до Испании, так как «Эфиопию» читал медленно, очень интересно и необычно. Вавилов здесь действительно впечатляет. Да и страна уникальная. Эфиопов, принявших иудаизм, я видел во время двух поездок в Израиль, красивые высокие люди.

Ж.А., 21 мая:

Дочитал до [главы] «Раскаты грома» (Стр. 366). Конфликты в столь политизированной стране неизбежны. Яркие таланты вавилонского типа всегда вызывают чью-то зависть. Замечаний нет. Заголовок «Тучи враждебные» сразу создает ассоциацию с «Вихри враждебные». Это начало революционной «Варшавянки». Поэтому лучше изменить, тем более, что тучи — это явление природы.

Я ответил, что так и хотел, чтобы была такая ассоциация. Изменил название на «Вихри враждебные».

⁴⁴ Имеется в виду Кносский дворец на о. Крите, о посещении которого Вавиловым говорится в моей книге, стр. 440. Номера страниц, указываемые Ж.А., — это страницы рукописи. Со страницами книги они не совпадают.

⁴⁵ Рапопорт Иосиф Абрамович (1912–1990) — генетик, открыватель химического мутагена. Один из немногих, кто отказался признать решение Августовской сессии ВАСХНИЛ, был исключен из партии и около десяти лет работал не по специальности.

Ж.А., 22 мая:

Сегодня я дочитал до стр. 410. О Чаянове и особенно о Добжанском я узнал много нового. Я с Феодосием Григорьевичем встречался в Дэвисе в 1974, меня к нему привёз Лернер⁴⁶. Добжанский был болен (лейкемия). Рассказывал он и о Вавилове, переписка у них сохранялась, но очевидно редкая. В архиве Добжанского наверное есть письма Вавилова. Перечень документов архива есть в интернете, там есть и мои письма Добжанскому из Обнинска⁴⁷.

Ж.А., 23 мая:

Сегодня я прочитал немного, до стр. 427. Приехал в гости наш внук Том. Он, кстати, мой компьютерный «доктор», он студент по программированию (ему 19 лет). Замечаний немного, события этого времени я знаю недостаточно, также по книге «Суд палача» Рокитянского и др.⁴⁸ Я встречался с Рокитянским в Обнинске, когда он готовил аналогичную книгу по «делу» Тимофеева-Ресовского. Замечания стилистические.

Ж.А., 24 мая:

Сегодня я прочел до стр. 509. Есть небольшие пометки. Относительно Сталина («Сталин вызвал»), это можно проверить по многотомной «Книге записей посетителей кремлевского кабинета И.В. Сталина»⁴⁹. Она издавалась и есть в интернете. Я ею много раз пользовался в библиотеке Лондонской школы славянских языков. Я думаю, что доносы на Вавилова до конца 1934 года не имели успеха, так как Вавилону покровительствовал С.М. Киров⁵⁰. Без санкции Кирова такого человека как Вавилов арестовать было нельзя, даже при обвинениях в руководстве «Крестьянской партией»⁵¹. У Чаянова и других такой защиты не было.

С.Р., 25 мая:

Киров поддерживал Вавилова, с этим должны были считаться, но, с другой стороны, ещё при Кирове взяли 20 виднейших работников института, а самого Н.И. не арестовывали ещё пять лет после убийства Кирова. А ведь материала на него к 37-му году было не меньше, чем, к примеру,

---

⁴⁶ Лернер И. М. (Israel Michael Lerner) (1910–1977) — американский генетик-эволюционист российского происхождения. Друг Ж.А. Медведева, переводчик его книги «Взлет и падение Т.Д. Лысенко».

⁴⁷ Переписка Н.И. Вавилова и Ф.Г. Добжанского (Добжанского) была напечатана в кн.: У истоков академической генетики / сост. М.Б. Кошарев. СПб.: Наука. 2002. С. 412–436.

⁴⁸ Имеется в виду сборник архивных документов следственного дела Н.И. Вавилова: Суд палача: Николай Вавилов в застенках НКВД / сост. Я.Г. Рокитянский, Ю.Н. Вавилов, В.А. Гончаров. М.: Academia, 1999. 552 с.

⁴⁹ На приёме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). URL: <http://istmat.info/node/165>. Просм. 23.02.2019.

⁵⁰ Киров (Костриков) Сергей Миронович (1886–1934) — партийный и государственный деятель, первый секретарь Ленинградского губкома и горкома ВКП(б) и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б), кандидат в члены Политбюро.

⁵¹ Трудовая крестьянская партия (ТКП) — фиктивная подпольная организация, якобы стремившаяся к свержению большевистской власти. «Создана» органами ОГПУ-НКВД. Из-за мнимой принадлежности к ТКП были репрессированы сотни учёных и административных работников.

на Тулайкова⁵². Логику во всем этом усмотреть трудно. Если она всё же была, то в том, что Вавилову не было замены, Трофима не считали созревшим. А когда он «созрел», Вавилов стал помехой, и его надо было убрать. Что касается книги записей посетителей Сталина, то она, как источник очень ненадежна. Я это обнаружил, когда работал над главой о Сергее Ивановиче. Оказалось, что одно его посещение Сталина не зарегистрировано, в другом случае зарегистрировано посещение, которого не могло быть, так как он в тот день из Казани выехал в Йошкар-Олу, и т. п. Вы это увидите.

Ж.А., 25 мая.

Про убийство Кирова стихи «огурчики, помидорчики...» лучше удалить. Это из кинофильма про штрафную роту. В то время никто бы не решился такое сочинить. Я то время помню хорошо. Мы жили в Ленинграде не очень далеко от Смольного. Мы были потрясены, как и все в Ленинграде. Рой написал стихотворение (нам было по 9 лет), его напечатали в «Ленинградской Правде». Сталин не ревновал к Кирову, они были личными друзьями с бакинского периода. Данные по результатам голосования по выборам на съезде — это все поздние выдумки.

С.Р., 26 мая:

О фильме про штрафную роту я ничего не знал, посмотрел в интернете — оказывается, это целая серия телевизионная — больше десятка фильмов, но они совсем свежие, 2015 года⁵³, а стишок про огурчики-помидорчики я помню с незапамятных времен, чуть ли ни столько, сколько помню себя. Мандельштам⁵⁴ написал про “кремлёвского горца” в 34-м году, так что мнение, что «в то время никто бы не решился такое сочинить», спорное. Свидетельство племянницы Н.И. Муралова⁵⁵, сразу сказавшего про убийство Кирова, что «это дело его рук», я привожу. То, что Сталин и Киров были друзьями ещё по Кавказу, я знаю, но в начале 30-х Сталин стал сочинять свою дореволюционную биографию (с помощью Ем. Ярославского⁵⁶ и других прихвостней), и те, кто «слишком много знал» о его истинных подвигах в Тифлисе⁵⁷ и Баку, ему мешали: Енукидзе⁵⁸, Орджоникидзе⁵⁹, Киров. К тому же в 30-м году появились воспоминания Ноя Жордания⁶⁰, который определенно писал, что Сталин был агентом охраны,

---

⁵² Тулайков Николай Максимович (1975–1938) — агроном, почвовед. Академик АН СССР и ВАСХНИЛ. Расстрелян.

⁵³ Первая серия фильма «Штрафная рота» произведена кинокомпаниями «Эталон-фильм» и «МакДос».

⁵⁴ Мандельштам Осип Эмильевич (1891–1938) — поэт, прозаик, переводчик, литературовед. Умер в пересыльном лагере под Владивостоком, почти на руках В.Л. Меркулова, одного из персонажей моей книги «Против течения». Об Осипе Мандельштаме см. с. 226–231.

⁵⁵ Муралов Николай Иванович (1877–1937) — революционер, военный деятель, сторонник Л.Д. Троцкого. Один из обвиняемых на Втором показательном процессе троцкистов. Приговорён к высшей мере и расстрелян.

⁵⁶ Ярославский (Губельман) Емельян Михайлович (1878–1943) — советский партийный деятель, глава Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б).

⁵⁷ Тбилиси.

⁵⁸ Енукидзе Амель Сафронович (1877–1937) — советский партийный и государственный деятель. Расстрелян.

⁵⁹ Орджоникидзе Григорий Константинович (1886–1937) — партийный и государственный деятель. Застрелился.

⁶⁰ Жордания Ной Николаевич (1869–1953) — один из лидеров грузинских меньшевиков. В 1918–1921 гг. возглавлял правительство независимой Грузии, после её захвата большевиками эмигрировал.

дonesшим на Шаумяна⁶¹ и др. В России, конечно, рядовым читателям эти издания были недоступны, но на уровне таких людей, как Киров или Енукидзе они были доступны. Жордания приводил конкретные данные, которые были хорошо им известны, они могли независимо оценить их достоверность. Это был дополнительный стимул для Сталина — убрать опасных свидетелей. Я в свое время редактировал книгу И.М. Дубинского-Мухадзе о Шаумяне⁶² и много с ним говорил на эти темы. Он был, вероятно, наилучшим знатоком революционного движения на Кавказе (до этого он издал у нас в ЖЗЛ книгу об Орджоникидзе и др.). К тому же, как Вы знаете, на XVII съезде [партии] Кирова пытались выдвинуть в генсеки в противовес Сталину, он от этого отказался и сам рассказал Сталину, но при патологической подозрительности Сталина тот мог воспринять это признание Кирова как еще один сигнал тревоги. Еще были воспоминания Енукидзе, который «принизил» роль Сталина [в революционном движении на Кавказе], а Киров уклонился от полемики с Енукидзе. Так что основания у Сталина «разобраться» с Кировым несомненно были, что, впрочем, не исключает, что Николаев действовал совершенно самостоятельно... Я думаю, что я в данном случае достаточно осторожен. У меня ведь не утверждается, что «Сталин Кирова убил», а приведены разные версии. Вывод в том, что убийство Кирова послужило поводом для новой волны террора, что бесспорно в любом варианте.⁶³

Ж.А., 26 мая:

Сегодня я прочитал Вашу книгу до стр. 561 («В круге шестом»). Замечаний нет, многих деталей, которые Вы приводите, я не знал. «Огурчики, помидорчики» это я помню по фильму, который смотрел ещё до отъезда в Англию, то есть до 1973 года. Версию о том, что убийство Кирова организовано Сталиным, в СССР озвучил Хрущёв на XXII съезде КПСС в 1962 г.⁶⁴ По материалам в книге Анны Кирилиной «РИКОШЕТ»⁶⁵ самым первым автором этой версии был Троцкий,⁶⁶ опубликовавший статью в «Вестнике оппозиции», этот журнал выходил в США на русском. У меня были все тома, но я отправил их давно Рою, а у него они были конфискованы при обыске КГБ в 1977... Но Сталин использовал это убийство для террора в Ленинграде, начавшегося уже в декабре (зиновьевцы). Это был «кировский поток». Пик арестов, несколько сотен человек (его описывает подробно Кирилина) пришелся на февраль 1935 г. Возможно, что поэтому отменили и юбилейные торжества ВИРа. Тогда суды были ускорены, кончались расстрелами... Мандельштам очень точно подметил особенности Сталина «...сброд тонкошеих вождей, Он играет услугами полулюдей...» Молотов имел тонкую шею. Калинин был педофилом, так же как и Енукидзе. Берия был садистом и сексуальным маньяком и т. д. Я думаю, что Вавилов понимал намного больше о никчёмности этих людей. Но он был связан огромным коллективом ВИРа и его станций, всё держалось на его идеях. В этом смысле Доб-

⁶¹ Шаумян Степан Георгиевич (1878–1918) — глава Бакинской коммуны. Расстрелян англичанами.

⁶² Дубинский-Мухадзе И.М. Шаумян. М.: Молодая гвардия. 1965. 336 с.

⁶³ Киров был убит Леонидом Васильевичем Николаевым (1904–1934) выстрелом в затылок вечером 1 декабря 1934 г. в Смольном, где располагался Ленинградский горком и обком ВКП(б). Убийство Кирова послужило поводом для очередной волны массовых репрессий в СССР, получившей название «Большой террор».

⁶⁴ XXII съезд КПСС проходил в октябре 1961 г.

⁶⁵ Кирилина А.А. Рикошет, или Сколько человек было убито выстрелом в Смольном / СПб.: Знание, 1993. 132 с.

⁶⁶ Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) — советский государственный деятель, наркомвоенмор. Выслан из СССР в 1929 году. Убит в Мексике 20 августа 1940 года агентом НКВД Рамоном Меркадером (Рамон Иванович Лопес) (1913–1978). Отбыл 20-летнее заключение, после чего приехал в СССР, где получил гражданство и звание Героя Советского Союза.

жанский был свободнее. В Британской Энциклопедии в издании 1982 года, которое у меня есть в 30 томах, Мичурину отведено 5 строк, Лысенко два абзаца (без портретов), Вавилову четыре абзаца в одной колонке (дан и портрет), а Добжанскому несколько страниц, подробная биография с описанием исследований и библиографией основных работ.

С.Р., 27 мая:

Я цифр не знаю, но такое впечатление, что Кировский поток — это не сотни, а многие тысячи высланных — не только из круга зиновьевской оппозиции, но и широкого круга интеллигенции, о чем говорят письма И.П. Павлова⁶⁷ Молотову⁶⁸, высылка ВИРовцев и др. Хрущёв, насколько помню, говорил об этом [убийстве Кирова по указанию Сталина] не как об установленном факте, а как о предполагаемом, — возможно, с подачи Шатуновской.⁶⁹ Я помню из разговоров с Дубинским⁷⁰ и другими авторами ЖЗЛ, которые этим близко занимались, что подозрения основывались, главным образом, на том, как Сталин расправился с теми, кто начал расследование убийства Кирова, и фактически задушил это расследование. Кстати, очень похоже, хотя не кроваво, действовал Николай Второй, задушивший расследование убийства Столыпина⁷¹. Он «помиловал» Курлова⁷², Кулябко⁷³, Спиридовича⁷⁴ и тем остановил расследование их связей с Богровым⁷⁵. Что же касается отмены юбилея Вавилова, то я думаю, что это был параллельный сюжет, связанный с нагнетанием недоверия к буржуазным спецам, на которых перекадывали ответственность за провал коллективизации. Было много неразберихи и нелепости, часто правая рука не знала, что делает левая. Всего два года, как 20 ведущих сотрудников ВИРА были арестованы, обвинены в причастности к ТКП⁷⁶, из них выжаты показания против Вавилова, и вдруг юбилейные торжества в честь Вавилова и ВИРА. Видимо, это решалось на не самом высоком уровне, а когда дошло до верха, юбилей отменили. О многом можно догадываться, но о том, что творилось в голове т. Сталина, к сожалению, знать нельзя.

Ж.А., 28 мая.

Прочитал сегодня до стр. 627. Самые тяжелые страницы. Хорошо, что Вы даете их с сокращениями, не так как Рокитянский, Поповский и др. Мой отец с августа 1938 до января 1939

⁶⁷ Павлов Иван Петрович (1849–1936) — физиолог, академик АН СССР, Нобелевский лауреат.

⁶⁸ Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) — государственный деятель, председатель Совнаркома СССР.

⁶⁹ Шатуновская Ольга Григорьевна (1901–1990) — бывшая узница ГУЛАГа, была введена в комиссию ЦК партии по расследованию сталинских преступлений. Считала, что убийство С.М. Кирова было совершено по заданию Сталина. Комиссия собрала 64 тома документов, но позднее они были уничтожены.

⁷⁰ Дубинский-Мухадзе Илья Моисеевич (1911–1986) — писатель, автор книг в серии «Жизнь замечательных людей» о Н. Буачидзе, В. В. Куйбышеве, Н. Нуриманове, С. Орджоникидзе и др..

⁷¹ Столыпин Пётр Аркадьевич (1862–1911) — председатель Совета министров и министр внутренних дел царского правительства.

⁷² Курлов Павел Григорьевич (1860–1923) — замминистра внутренних дел царского правительства.

⁷³ Кулябко Николай Николаевич (1873–1920) — жандармский офицер, глава охраны города Киева, где был убит Столыпин.

⁷⁴ Спиридович Александр Иванович (1873–1952) — жандармский генерал.

⁷⁵ Богров Дмитрий Григорьевич (1887–1911) — агент охраны, убийца П.А. Столыпина. Повешен.

⁷⁶ Трудовая крестьянская партия.

подвергался допросам там же на Лубянке с пытками. Он ни в чем не признался (клеили бухаринскую организацию, он был в этом потоке). Без признания нельзя было дать большой срок или высшую меру. Приговорили к 8 годам с правом переписки. Но отправили на Колыму, и там он умер весной 1941. Замечаний по лубянскому периоду у меня нет. Но начало войны (стр. 623). Вы о Сталине повторяете выдумку Хрущёва в его докладе о культе личности на XX съезде. Сталин никуда не скрывался, очень интенсивно работал в Кремле. Это документировано в тех же «Посетителях кремлевского кабинета» — посмотрите даты 22–30 июня — и днем и ночью работа, сотни встреч⁷⁷. Но лучше всего эти дни даны в «Воспоминаниях» Г.К. Жукова⁷⁸, это начало второго тома. Там и очень хорошая картина военных действий в первые дни. Были и контрнаступления. Блицкриг не получился и это главное. У Вас начало войны слишком в общих словах и с ненужным пренебрежением. А это главное событие прошлого века. У меня есть издание Жукова 1995 года в трех томах. Это издание полное. Советские издания были со многими цензурными «изъятиями».

С.Р., 29 мая.

Еще одно большое спасибо, особенно за замечание о «дезертирстве» Сталина. У меня еще вчера появилась мысль — посмотреть первые дни войны по Журналу посещений, теперь посмотрел — все ясно. Любопытно то, что как раз Хрущёва в те дни Сталин не вызывал. Жукова я когда-то читал — по отцензурованному варианту, конечно. Но и полному — в какой мере можно доверять? Мне пришлось заглянуть в начальный период войны и в ленинградскую блокаду в связи с книгой об Ухтомском, который умер в Ленинграде в 42-м году. Много меня изумило. Больше всего то, что 22 июня, через несколько часов после немецкого вторжения, авиация Ленинградского военного округа поднялась в воздух и полетела бомбить — Финляндию! Финны намеревались объявить нейтралитет, 25 июня это должно было быть объявлено, но в тот день советская армада бомбила Хельсинки, и им ничего не осталось, как объявить войну⁷⁹. Раз Сталин не бежал из Кремля, а наоборот был у руля, это делалось с его ведома.

В конце июля, когда произошла заминка в продвижении группы армий «Север», Гитлер прилетел в штаб фронта и устроил головоломку фельдмаршалу Леебу⁸⁰, «не понимавшему», как политически важно поскорее взять «колыбель революции». А когда немцы подошли вплотную к городу, Гитлер приказал наступление остановить. Так что остановила их не «героическая оборона» под руководством Жукова, а то, что на фюрера нашло наитие, и он решил город не брать. Вы, конечно, знаете о знаменитом пожаре Бадаевских складов, где сгорели запасы продовольствия. Кто их поджег, неизвестно, но вероятнее всего, это было сделано сознательно, чтобы запасы не достались врагу, ибо удержать город власти не надеялись. Возможно, и в Москву немцы не вошли по такой же причине, Сталин то ее уже сдал, паника в Москве 15–16 октября у меня дальше описана — Вы увидите.

Ж.А., 29 мая.

Сегодня дошел до «Суда чести» (стр. 682). Замечаний мало, скорее несколько пожеланий. Не очень ясно — применялись ли пытки? Я раньше думал, что применялись. Московским тюрь-

⁷⁷ На приеме у Сталина... URL: <http://istmat.info/node/2116>.

⁷⁸ Жуков Георгий Константинович (1896–1974) — маршал СССР.

⁷⁹ Сообщение Советского Информбюро за 25 июня 1941 года // URL <https://history.wikireading.ru/370214>. Просм. 30. 05. 2019.

⁸⁰ Лееб Вильгельм фон (1876–1956) — немецкий генерал-фельдмаршал, командующий группой войск «Север».

мам, может быть, повезло. С начала войны была директива ГКО⁸¹ расстреливать всех заключённых (кроме отпетых уголовников, их оставляли оккупантам) при угрозе сдачи того или иного города немцам. Особенно массовый расстрел был во Львове, немцы водили население города в тюрьмы, чтобы показать «зверства большевиков». <...> Переоборудованные товарные вагоны назывались в то время не «телятниками», а «теплушками». Я в 1943 ехал с маршевой ротой в такой теплушке на фронт (13 дней в пути) — стелилось сено на пол. Нар не было. <...>

Выражение «Кощеево зазеркалье» непонятно даже мне, этих слов нет в моём «Толковом словаре». Интересно было прочитать детали гибели старшего сына Вавилова⁸² в альпинистском походе. Я думаю, что весь этот поход был «спекоперацией». Детей крупных фигур (и их жен) арестовывали и изолировали в особых лагерях. Это произошло с сыном Якира⁸³. Сын-младенец Бухарина⁸⁴ был отобран у матери (её, Ларину⁸⁵, арестовали) и передан на усыновление со сменой фамилии⁸⁶. Его Ларина уже при Хрущёве с трудом нашла. Дети всех арестованных попадали в особую категорию «ПМС» (политически-морально сниженные). Я с Роем были в этой категории. После призыва в армию (в начале 1943) нас не могли отправить в училище для младших лейтенантов, как это делалось с другими десятиклассниками, а только в рядовые. Рой после окончания историко-философского факультета ЛГУ в Ленинграде в 1951 (с отличием) не мог распределиться в аспирантуру, его распределили в сельскую школу в Свердловской области учителем истории. Я знал, что меня в аспирантуру не возьмут, и поэтому продлил студенчество на год переходом на другой факультет и подготовил диссертацию к окончанию ТСХА (это в моей главе 1). «Спекоперации» могли иметь очень сложный характер. Несколько таких операций описаны в книге Судоплатова ««Спекоперации...»⁸⁷ (У меня есть перевод на английский). Жену Вавилова могли тоже арестовать, но после приговора. Но уже шла война, и было не до этого. Поэтому уцелел и старший сын Олег. Но позднее где-то мог возникнуть и план по его ликвидации. Это не требовало директив «сверху», будничная работа какого-то сверхсекретного отдела по спекоперациям.

С.Р., 30 мая.

Спасибо за большое подробное письмо и новые замечания. Я хотел было сразу исправить «телятник» на «теплушку», но как-то рука не поднялась. Нынешний читатель всего этого уже не помнит и не представляет, а от теплушки веет теплом. Телятник же сразу дает представление о перевозке скота.

Я понимаю, что солдат в 43-м перевозили не в курортных условиях, но все же несопоставимо с тем, как перевозили зэков, да ещё в условиях паники октября 41-го. Вот как Википедия определяет Зазеркалье: «**Зазеркалье** — вымышленное пространство, сказочная страна по ту сторону зеркала, в переносном смысле — место, где положение вещей доведено

⁸¹ Государственный Комитет Обороны.

⁸² Вавилов Олег Николаевич (1918–1946) — физик. Погиб на Домбае.

⁸³ Якир Ибна Эммануилович (1896–1937) — командарм Первого ранга, расстрелян. Его сын Пётр Ионович Якир провёл 17 лет в тюрьмах и лагерях. Активный деятель диссидентского движения начала 1970-х гг.

⁸⁴ Бухарин Николай Иванович (1888–1938) — советский государственный и политический деятель, академик АН СССР, приговорён к высшей мере, расстрелян.

⁸⁵ Ларина Анна Михайловна (1912–1996) — 19 лет провела в тюрьмах и лагерях. Автор книги «Незабываемое» (1988).

⁸⁶ Юрий — сын Н.И. Бухарина, — воспитывался в семье дальних родственников А.М. Лариной как Юрий Борисович Гусман.

⁸⁷ Судоплатов П. Спекоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998. 688 с.

до абсурда». Это я и имел в виду, с той поправкой, что волшебная страна, вход в которую открывает золотой ключик, это нечто светлое, положительное, здесь же сказочные ужасы, потому Кощеево. Я хотел ещё подчеркнуть этим названием кафкианский мир этого абсурда, где было столько же железной бесчеловечности, сколько неожиданных, поистине сказочных поворотов и чудес. Я это давно ощущаю, а войдя глубже в Вавилонский материал, увидел там на каждом шагу. Та же «царица доказательств», т. е. личное признание, которое требовалось от обвиняемых. Н.И. (вопреки инсинуациям Поповского) признался в 10–15 процентах обвинений, остальные категорически отрицал и на следствии, и на суде. Но **все** обвинения вошли в Обвинительное заключение и в приговор. А тот же вопрос с ЧСИР [член семьи изменника родины]. Мы тут одно время тесно дружили с Юрой Маркишем, племянником Переца Маркиша⁸⁸ (потом как-то разошлись). Так вся семья Маркишей была сослана. О жене Бухарина тоже давно знаю, и о многих других. Вас с Роем причислили к ЧСИР после приговора отцу, но многих сослали и до приговора, а многих вообще не трогали. Почему-то Михоэлса⁸⁹ надо было тайно убить и удостоить пышными похоронами, а Маркиша и Бергельсона⁹⁰ — три года терзать в пыточных камерах и расстрелять по делу ЕАК. Гроссман⁹¹ и Эренбург⁹² тоже были членами ЕАК⁹³, но их не тронули, а даже вознесли. Одного Вавилова уничтожают, другого делают президентом АН. Максимова⁹⁴ ссылают в Саратов под поручительство Тулайкова, а после того, как поручитель «изобличён» и уничтожен, Максимова переводят в Москву, делают директором института, академиком, награждают орденом. Это такая кафкиана, до какой сам Кафка⁹⁵ не смог бы додуматься. Об Олеге я тоже думаю, что то была спецоперация, показываю это, но не утверждаю, так как твёрдых данных нет. Сергей Иванович [Вавилов] был очень сложным человеком, на его поведение сильно влияло его мироощущение фаталиста: всё совершается по таинственным, неведомым законам, мы можем наблюдать, стараться понять, но ни на что не можем повлиять. На это ещё накладывался его эстетизм и т. д. Кажется, я показал, что он делал не всё, что мог, для спасения брата, страшно этим терзался и, в сущности, эти терзания свели его в могилу. Мне кажется, что эпизод с Шагинян⁹⁶ хорошо показывает его жизненное кредо: плюнь, батюшка, да поцелуй⁹⁷. Коль скоро Вы дошли до 682 стр., то сегодня-завтра закончите.

Ж.А., 30 мая.

Сегодня действительно дошел до конца. Замечаний немного, о Сергее Ивановиче я знал мало. Помню сообщения о его смерти <...> Специальных «телячьих» вагонов не было. Телят отдельно от их кормилиц-коров никуда не возят. Существовали и существуют общие товарные вагоны, переоборудованные для перевозки скота и лошадей. [И.А.] Рапопорту, которого я хорошо знал, присуждён орден Суворова III степени, третья степень не была «полководческой». Нужно посмотреть статут ордена. Это было возможно и для командира батальона.

⁸⁸ Маркиш Перец Давидович (1895–1952) — еврейский поэт и писатель. Расстрелян.

⁸⁹ Михоэлс (Вовси) Соломон Михайлович (1890–1950) — актёр, главный режиссёр Государственного еврейского театра (ГОСЕТ). Убит по приказу Сталина. По официальной версии, погиб при наезде грузовика.

⁹⁰ Бергельсон Давид Рафаилович (1884–1952) — еврейский писатель и драматург. Расстрелян.

⁹¹ Гроссман Василий Семёнович (Иосиф Соломонович) (1905–1964) — писатель и военный корреспондент.

⁹² Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) — писатель, поэт, публицист.

⁹³ Еврейский антифашистский комитет.

⁹⁴ Максимов Николай Александрович (1880–1952) — физиолог растений, академик АН СССР.

⁹⁵ Кафка Франц (1883–1924) — немецкий писатель.

⁹⁶ Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888–1982) — писательница, поэтесса, критик, историограф.

⁹⁷ *Резник С.* Эта короткая жизнь. С. 1035–1036.

Рапопорт провёл блестящую наступательную операцию в Венгрии, кажется у озера Балатон. Однако смелость и Рапопорта, и Эфроимсона оказалась ограниченной. В 1970 году они были уже в почёте и славе. Меня, как Вы знаете, в конце мая заточили в Калужскую психиатрическую больницу. Мой брат организовал очень эффективную кампанию (это описано в нашей книге «Кто сумасшедший?»). Ко мне в больницу и потом к главврачу каждый день приезжали учёные и писатели и потом писали протесты. Приезжали Дудинцев⁹⁸, Твардовский, Каверин⁹⁹ и другие. Приезжал Астауров¹⁰⁰. Капица¹⁰¹ сделал сильное заявление, Семенов¹⁰² тоже. Рой в Москве встречался с Эфроимсоном, Рапопортом. Они отказались не только поехать в Калугу, но и написать протест. В Обнинске Рита пыталась раскачать на протест Тимофеева-Ресовского. Но он промолчал. Жуковский написал письмо-протест, но только президенту ВАСХНИЛ. Копию прислал Рите. На «Суде чести» [над А.Р. Жебраком] в первый день я был. Запомнилось, как яркое, выступление Дубинина¹⁰³. У С.И. Вавилова возникла, наверное, психическая раздвоенность. Ректор ТСХА Немчинов¹⁰⁴ был человеком благородным, я с ним встречался несколько раз в 1946–47 гг. (Я был в ТСХА организатором и председателем студенческого научного общества.) В августе 1948 года директором ТСХА назначили Столетова¹⁰⁵, об этом следует упомянуть.

Завтра приедет из поездки в Россию наш сын Дима. Он путешествует на машине и с собачкой. Ему сейчас 60. Он пробудет у нас наверное два–три дня, потом поедет домой. Он живет в Уэльсе, у него там хороший дом. Когда он у нас, то подолгу сидит у компьютера, часто играет в шахматы с кем-нибудь. Когда он вернется к себе, я начну писать «Предисловие» к Вашей книге.

С.Р., 30 мая:

Дорогой Жорес Александрович! Спасибо! Итак, Вы дочитали, будем ждать предисловие. Теперь, после Вашего прочтения, я чувствую себя, как за каменной стеной. Правку, конечно, внес. Телячьи вагоны — выражение метафорическое, но коль скоро Вы на этом споткнулись, я заменил на товарняк. Посмотрел статус Ордена Суворова всех трех степеней, 3-я степень как раз соответствовала воинскому рангу капитана-командира батальона, так что сказал об этом на два градуса ниже¹⁰⁶. Я не знал, что Немчинова тогда сменил Столетов, теперь, конечно, вписал.

Сергей Иванович был не только раздвоен психологически, но рас-троен и расчленен, был застегнут на сто застёжек, как кочан капусты, сколько одежек не снимай, до кочерыжки далеко. Да и сам он вряд ли знал, где же его кочерыжка, а где наслоения. Я думаю, что он очень боялся смерти, а на каждой странице дневника записи о том, как хорошо бы умереть. Он презирал Лазарева¹⁰⁷, а когда тот умер, устроил траурное собрание в его честь. И через два года, когда вдова Лазарева («веселая вдова» в дневниках С.И.) привезла его останки из Алма-Аты в Москву, с внутренней брезгливостью, но участливо и активно устраивал перезахоронение

⁹⁸ Дудинцев Владимир Дмитриевич (1918–1998) — писатель.

⁹⁹ Каверин (Зильбер) Вениамин Александрович (1902–1989) — писатель, драматург, журналист.

¹⁰⁰ Астауров Борис Львович (1904–1974) — генетик, академик АН СССР.

¹⁰¹ Капица Пётр Леонидович (1894–1984) — физик, академик АН СССР, лауреат Нобелевской премии.

¹⁰² Семёнов Николай Николаевич (1896–1986) — химик, академик АН СССР, лауреат Нобелевской премии.

¹⁰³ Дубинин Николай Петрович (1906–1998) — генетик, академик АН СССР.

¹⁰⁴ Немчинов Василий Сергеевич (1894–1964) — экономист, статистик, академик АН СССР.

¹⁰⁵ Столетов Всеволод Николаевич (1907–6–1989) — государственный деятель, биолог.

¹⁰⁶ Орден Суворова I степени присуждался за полководческие операции, менявшие ход войны. И.А. Рапопорт за военные подвиги был награжден орденом Суворова III степени.

¹⁰⁷ Лазарев Петр Петрович (1878–1942) — биофизик, академик АН СССР.

и торжественное собрание по этому поводу. Надо сказать, что все физики, близко его знавшие — Франк¹⁰⁸, Гинзбург¹⁰⁹, и др., относились к нему с большим пиететом.

Вашей книги «Кто сумасшедший»¹¹⁰ у нас нет, а историю эту хорошо помню — слушал по радио-голосам. Как я помню, главную роль в том, что Вас выпустили из психушки, сыграл Твардовский. Вот тоже был сложный человек! В 47-м подписал позорную статью Геннадия Фиша¹¹¹ против Жебрака (неужели не мог сказать, что ничего в этом не понимает, не его это дело?). Я, между прочим, немного знал сына Фиша, Радия, у нас в ЖЗЛ шла его книга о Назыме Хикмете¹¹². Вел её не я, так что дел у меня с ним не было, но трепаться приходилось не раз. Он был большой фанфарон, между прочим, перенес из-за фанфаронства тяжеленный инфаркт: поспорил с кем-то, кто больше выпьет пива, в споре победил, и его увезла скорая. Моего сына тоже зовут Дима, он на 10 лет младше Вашего, тоже уже не мальчик. Он живет в Болдере, штат Колорадо, читает физику в университете, занимается сверхпроводимостью... Жду Ваше предисловие. И ещё раз огромное спасибо!

Ж.А., 2 июня:

Я подготовил проект Предисловия в форме «эссе». Посылаю его здесь на Вашу критику. Теперь от Вас нужны замечания. Подходит или нет, что добавить или убавить или изменить «для пользы дела». Наш Дима приезжает сегодня вечером. Привет Римме. Жорес.

С.Р., 2 июня:

Дорогой Жорес Александрович! Сегодня у нас с Риммой годовщина бракосочетания (53 года), так что Ваше предисловие стало прекрасным подарком к этому дню, к тому же сюрпризом, ибо я ждал его где-то через неделю. Никто кроме Вас ничего этого не знает и не помнит, так что я очень рад, что «спровоцировал» Вас на такие воспоминания и что они откроют книгу. Маленькая неточность: ««Дорога на эшафот» вышла в 1983 году, а не в 82-м¹¹³. Есть несколько пожеланий. Мне кажется, было бы хорошо отметить, что жизнь и судьба Вавилова развёртывается [в книге] на широком историческом фоне, даны драматические судьбы многих учёных, прямо или косвенно соприкасавшихся с Вавиловым.

Ж.А., 3 июня:

Дорогой Семён Ефимович! Поздравляю Вас и Римму с годовщиной бракосочетания и желаю прожить вместе в добром здравии ещё столько же или близко к этому. <...> Я начал дополнять «Предисловие».

---

¹⁰⁸ Франк Илья Михайлович (1902–1990) — физик-теоретик, академик АН СССР, лауреат Нобелевской премии.

¹⁰⁹ Гинзбург Виталий Лазаревич (1916–2009) — физик-теоретик, академик АН СССР, лауреат Нобелевской премии.

¹¹⁰ *Medvedev Zh. A., Medvedev R.A. Kto sumasšedšij?; A question of madness.* London: Macmillan, 1971. 163 p.

¹¹¹ Фиш Геннадий Семенович (1903–1971) — писатель, сценарист, один из активных пропагандистов Т.Д.Лысенко и его «передовой мичуринской биологии», громивший в печати «формальных» генетиков. Его статью, «разоблачавшую» антипатриотизм А.Р. Жебрака вместе с ним подписали известные поэты Алексей Сурков и Александр Твардовский. См.: Резник С. Эта короткая жизнь, с. 998.

¹¹² Назым Хикмет (1902–1963) — турецкий писатель, драматург, коммунист, преследовался властями, пользовался большой популярностью в СССР.

¹¹³ *Резник С.Е. Дорога на эшафот.* Париж — Нью-Йорк: Третья волна, 1983. 128 с.

Считаю для себя большой честью, что мою книгу об Н.И. Вавилове, вышедшую в свет в издательстве «Захаров», открывает предисловие Ж.А. Медведева — выдающегося деятеля нашей эпохи, необыкновенно цельного человека.

К сожалению, предисловие к моей книге оказалось одной из последних прижизненных публикаций Жореса Медведева. Хотя он продолжал неутомимо работать. Закончив «Опасную профессию», он приступил к итоговой книге по геронтологии, которой занимался много десятилетий, став одним из ведущих специалистов в столь важной области знаний. Свою новую книгу он, как и предыдущую, рассылал друзьям главами. Мы читали их с большим интересом, мотая на ус его практические рекомендации.

Жорес Александрович иногда упоминал в своих письмах о неважном самочувствии своего брата Роя, сам же никогда не жаловался на здоровье. Вёл очень правильный, здоровый образ жизни: умственную работу за письменным столом перемежал с физической работой в саду на свежем воздухе, отдыхал после обеда и т. п. Внезапная кончина Жореса Медведева стала горькой неожиданностью для его близких, друзей. Некоторым утешением может служить то, что он прожил очень достойную и плодотворную жизнь. Вопреки, казалось бы, непреодолимым преградам, он состоялся во всех своих ипостасях: как генетик, геронтолог, историк науки и лженауки, историк общественной жизни и политолог. Во всех этих областях знаний он оставил неизгладимый след.

My contacts with Zhores Medvedev

SEMYON E. REZNIK

Independent researcher, PEN-club, Washington, the USA;
Moscow Union of Writers, Moscow, Russia; s.reznik@hotmail.com

Semyon Reznik is writing about his contacts with Zhores Medvedev and their working cooperation.

Keywords: Zh. A. Medvedev, genetics, Lysenkoism, Vavilov, murder of Kirov, “Kirov flow”, Stalin, Khrushchev, pseudoscience

AD MEMORIAM

DOI: 10.24411/2076-8176-2019-12005

Zhores Aleksandrovich Medvedev (14.11.1925–15.11.2018)

Zhores Aleksandrovich Medvedev, a Russian gerontologist and Soviet dissident, died on November 15, 2018 in London. Well-known for his history of T.D. Lysenko's sway over Soviet biology, published under title *The Rise and Fall of T.D. Lysenko* (1969), Medvedev lived in exile in London after having been deprived of his Soviet citizenship in August 1973.

The twin brothers Roy and Zhores Medvedev were born in Tiflis (Tbilisi) on November 14, 1925 in the family of Aleksandr Romanovich Medvedev, a Red Army Commissar and Professor of dialectical and historical materialism at the Leningrad Military-Political Academy. Arrested in August 1938, A.R. Medvedev died in a Gulag camp in the Kolyma in 1941 — an experience that left a deep imprint on his two sons' lives and would condition their anti-Stalinist stance. The German attack on the Soviet Union forced the Medvedev family, which had resettled in Rostov-on-the-Don, to flee to Tbilisi, where Zhores and Roy Medvedev were conscripted for military service in February 1943. Sent to the Taman Peninsula in May 1943, Zhores suffered a serious leg injury, and was demobilized a few months later for invalidity.

In October 1944, Zhores Medvedev started studying biology at the K.A. Timiriazev Agricultural Academy in Moscow. From his early student years, he took an active part in discussions over genetics, siding with his mentor P.M. Zhukovskii, then an adversary of T.D. Lysenko's pseudo-scientific theories on the inheritance of environmentally acquired characteristics. After the famous 1948 VASKhNIL session, marking the victory of Lysenko over his adversaries and banning the study of Mendelian genetics, Medvedev decided to transfer to the faculty of agricultural chemistry and pedology and write his Candidate Dissertation independently, to avoid working on a "Michurinist" theme imposed from above. This strategy succeeded, and in December 1950, he successfully defended his dissertation. After a first position at the Nikita Botanical Garden in Yalta, he worked from 1951 to 1962 at the Timiriazev Academy's department of agricultural chemistry and biochemistry.

In 1954, Medvedev was promoted senior researcher and in 1958, he began his first monograph, *Protein Biosynthesis and Problems of Heredity, Development and Aging*. At the time, important discoveries made by Western scientists in the field of genetics, with the cracking of

the genetic code and further discoveries concerning protein synthesis, placed Lysenko's theories increasingly at odds with scientific developments worldwide. This could not but impact the evaluation of Medvedev's work in the USSR. After encountering difficulties with the publication of his book, a chapter of which dealt with questions of heredity from a "Mendelian" perspective, the biologist began to consider publication in the West. Although a Soviet version was eventually published by a more independent publisher in 1963, the monograph also appeared in English in 1966. This first experience of "tamizdat" publication was an important precedent for Medvedev, and the frustration of facing censorship gave him the impulse to start his polemical work on the history of Lysenkoism, which soon made him famous in scientific circles.

Indeed, by the early 1960s, Medvedev had become acutely aware of the pervasive influence of Lysenko's pseudo-scientific theories on Soviet biology and agronomy, which continued into the Khrushchev era. Rather than refuting Lysenko's theories on a scientific basis, as several samizdat authors had done, he decided to write a history of the phenomenon, insisting on Lysenko's role in the repression of other scientists during the Stalin era. A first version of his manuscript, entitled "Biology and the personality cult," was ready by 1962, and Medvedev circulated it among colleagues to collect comments and additional information. However, this led to the spontaneous dissemination of his work through samizdat, and rapidly, thousands of copies began to circulate throughout the country. As he prepared for a new version of his manuscript, Medvedev was violently denounced in the Soviet press in August 1964. Following Khrushchev's ouster, however, Lysenko's views lost their monopoly, and a publication of Medvedev's study was planned. Yet the ideological winds changed again rapidly, and censorship eventually stood in the way of publication. Medvedev felt he had no other choice than to send his manuscript to the West, and with the assistance of his Western colleague Michael Lerner, *The Rise and Fall of T.D. Lysenko* appeared in 1969.

After leaving the Timiriazev Academy in 1962 as a result of pressures from his hierarchy, Zhores Medvedev had become head of the Laboratory of Molecular Radiobiology in the science-city of Obninsk, in the Kaluga region. This change enabled him to shift from experiments on plants to animals and thus move forward in the field of gerontology, which had interested him for a long time. In Obninsk's fertile atmosphere of intellectual ferment, he not only did not scale down his dissident activities, but even pursued them even more actively. Since 1964, the biologist had been friends with the writer Aleksandr Solzhenitsyn, and had tried to help him move to Obninsk by supporting his wife's application for a position of chemist. However, the authorities had blocked this move and regarded with suspicion Medvedev's connection to the dissident writer. In early 1969, Medvedev had also actively helped his twin brother Roy send his manuscript on the history of Stalinism *Let History Judge* abroad. Combined with the publication of his own work in the West, these circumstances led to Zhores Medvedev's dismissal from his position in early 1969.

Far from being intimidated by this measure, the biologist prepared two new manuscripts for publication. Based on his own frustrating experience, they dealt with the barriers that the Soviet regime placed on international exchanges among scientists and on the KGB's violation of the secret of correspondence. Although these works were still unpublished manuscripts, the authorities expected that the author would soon send them to the West or release them into samizdat. In May 1970, the local authorities of the Kaluga region where Medvedev lived arranged for his psychiatric incarceration for "incipient schizophrenia" and "paranoid delusions of reforming society." However, an active campaign on his behalf with the support of Solzhenitsyn, Andrei Sakharov, and prominent scientists and intellectuals, led to his liberation nineteen days later. Fearing an international scandal, the authorities released him and even

found him new employment in a laboratory in Borovsk. This episode, which the two brothers recounted in a book published a year later under the title *A Question of Madness* (1971), turned Medvedev into a symbol of Soviet political abuse of psychiatry.

The biologist was thus increasingly becoming a thorn in the Soviet authorities' flesh. In June 1972, Medvedev decided to attend the International Congress of Gerontology taking place in Kiev. Although he had been invited by the organizers, the Soviet hosts had removed his name from the program, and as he tried to enter the conference's venue, he was arrested by plainclothesmen and sent back to Moscow by force. It was in this context that Medvedev unexpectedly received a positive response from the Soviet authorities to his application for a one-year stay at the National Institute for Medical Research in London. In the past, despite actively lobbying all possible instances, he had been unable to secure the authorization to attend conferences abroad and to leave for a longer research stay in the West. This sudden change of policy was suspicious, and Medvedev certainly had his doubts upon leaving, especially after another dissident, the human rights activist Valerii Chalidze, was deprived of his citizenship while on tour in the United States, in December 1972. Nevertheless, Medvedev left the USSR with his wife and younger son in January 1973 with the firm intention to return. He hoped that if he refrained from any political declarations in the West, the authorities would have no reason to prevent him from returning. Still, he met the same fate as Chalidze in August 1973 and was forced to remain in exile.

From then on, Medvedev made full use of the liberties offered by his new situation. At the National Institute for Medical Research, he was soon offered a position, and despite some frustrations caused by the various regulations imposed on scientific activities in the West, he was able to take full advantage of the broad scientific network he had formed over the years to pursue his research, working along with his wife, Margarita Medvedeva. But he also became a public figure, whose comments on Soviet politics and dissent were widely publicized. He actively collaborated with his brother and became his representative in the West, managing his finances and book contracts. His assistance allowed Roy Medvedev to thrive as an independent historian living on Western book royalties. Together, they collaborated over a biography of Nikita Khrushchev's years in power. In the 1970s and 1980s, Zhores Medvedev authored biographies of Iurii Andropov and Mikhail Gorbachev. To publish in London *Twentieth Century*, a periodical his brother edited in samizdat in Moscow, he founded a small editorial house in 1976, but the financial burden proved unsustainable.

The biologist also repeatedly toured the United States, giving conferences on gerontology, on Soviet science and Soviet dissent. In 1974, he testified in front of the US Congress Fulbright Commission, in the context of debates over the Jackson and Vanik Amendment, a piece of legislation conditioning American-Soviet trade on an increase of Jewish emigration from the USSR. The Medvedev brothers opposed the Amendment, fearing its negative impact on détente, but their stance raised incomprehension among their fellow dissidents. After 1973, the Medvedevs' relationship with Sakharov and Solzhenitsyn became adversarial, if not confrontational. During one of his conference tours, in 1976, Zhores Medvedev revealed to the world the existence of the 1957 Kyshtym nuclear accident in the Urals, and in 1979 he published the first research on the subject. After the Chernobyl catastrophe, he also authored a book on the consequences of the accident, and repeatedly traveled to the site, starting from 1990. In changed circumstances, in July 1989, he was invited to testify about the Kyshtym accident in front of a commission of the Supreme Soviet.

Zhores Medvedev's Soviet citizenship was restored in 1990, but he chose to remain in London, having acquired British citizenship in 1984. Retired in November 1991, he continued

to publish his historical and scientific research until the last days of his life. His very extensive memoirs, spanning the 1960s to the 2000s, were serialized from 2011 to 2017 in the Ukrainian weekly *Ezhenedel'nik 2000* under the title “A dangerous profession” and appeared posthumously as a book in March 2019.

Barbara Martin

Жорес Александрович Медведев (14.11.1925–15.11.2018)

Жорес Александрович Медведев, российский геронтолог и советский диссидент, умер 15 ноября 2018 года в Лондоне. Даётся краткий очерк его жизни, исследовательской и писательской деятельности.

Памяти Жана Гайона

(15.06.1940–28.04.2018)

В апреле 2018 г. скончался один из членов редакционной коллегии журнала «Историко-биологические исследования», французский философ и историк биологии Жан Гайон. Всемирно признанный специалист по дарвинизму, человек, благодаря которому формировались связи между философами и историками наук о жизни, он активно сотрудничал и с российскими историками. Последняя встреча с ним состоялась на международном конгрессе по истории науки в Рио-де-Жанейро (Бразилия), где он принимал активное участие в заседаниях Международного союза истории и философии науки и техники. С некоторыми перерывами он участвовал в работе редакционной коллегии с момента создания журнала в 2009 г. и входил в первый её состав.

Жан Гайон родился 15 июня 1940 г. во Франции, в городе Сен-Море-де-Фосс. Он изучал философию в Сорбонне и начал преподавать в средней школе. Позже, в начале 1980-х гг., он вернулся в университет, теперь в Париж-VII, чтобы получить диплом DEA¹ по эволюционной биологии, который получил в 1983 г. В 1989 г. в Сорбонне, под

---

¹ Diplôme d'études approfondies — Диплом углублённого обучения; магистр углублённых исследований (фр.).

руководством Франсуа Дагоне, Жан Гайон защитил свою диссертацию «Теория естественного отбора: Дарвин и после Дарвина». Эта работа стала важным этапом в историко-эпистемологических исследованиях по эволюционной биологии. Под названием «Дарвин и пост-Дарвин» работа была опубликована в 1992 г. в Париже на французском языке². Его диссертация была переведена на английский язык Мэтью Коббом («Борьба дарвинизма за выживание: наследственность и гипотеза естественного отбора»)³ и вскоре стала классическим трудом, признанным дарвинистами всего мира.

В 1996 г. Гайон провёл год в качестве международного научного сотрудника в Центре изучения науки в обществе при Политехническом институте и государственном университете штата Вирджиния, где у него сложились долгие отношения сотрудничества и дружбы с американским историком биологии Ричардом М. Бурианом.

В 1997 г. Гайон стал профессором университета Париж-VII, где работал в области эпистемологии и истории науки, а также присоединился к команде Rehseis, которую координировал в то время Мишель Пати. В 2001 г. учёный был переведён в университет Париж-I, где в 2016 г. получил звание почётного профессора. Несколько лет он был также директором Института истории и философии науки и техники, существующего с 1932 г., который когда-то возглавлял философ и историк физики Жорж Кангуилем.

Одно из важнейших достижений Гайона — это институционализация историко-эпистемологических исследований. Подобно Дагоне, Гастону Башлару, Александру Куаре и самому Кангуилему, Гайон предположил, что эпистемологическая философия и история науки являются неотъемлемой частью единого философского направления, нацеленного на понимание того, почему, при каких предпосылках и в соответствии с какими фундаментальными концепциями различные науки развивались так, как они развивались, что привело нас к современным способам мышления. Не ставя под сомнение мотивы и руководящие идеи французской эпистемологической традиции, Гайон также знал, что историко-эпистемологические исследования могут быть значительно улучшены и усилены англо-американской философией науки; он даже принимал часть достижений этого философского направления в качестве отправных точек для историко-эпистемологических исследований в своей группе.

В этом смысле книга «Дарвин и пост-Дарвин» может быть признана образцовым текстом. Гайон прослеживает эпистемологическую историю теории естественного отбора в действии. Он блестяще показал, что в целом представляет собой эпистемологическая история, каковы её цели, способы анализа и аргументации, а также её актуальность и возможности для решения гносеологических проблем. В этом тексте он использует также и своё прекрасное знание англо-американской философии биологии. Как в своих лекциях и личных беседах, так и в своих работах он всегда концентрировался на сближении идей: в поисках консенсуса и общих знаменателей, исходя из которых можно было бы пойти дальше, сводя к минимуму надуманные и неестественные противоречия.

Во всех учебных заведениях, где он работал, в Университете Бургундии в Дижоне (1985–1997), Парижском университете VII-Дидро (1997–2001) и Парижском университете Пантеон-Сорбонна (2001–2016), Гайон редактировал десятки коллективных

² *Gayon J. Darwin et l'après-Darwin: Une histoire de l'hypothèse de sélection naturelle.* Paris: Editions Kimé, 1992. 453 p.

³ *Gayon J. Darwinism's Struggle for Survival: Heredity and the Hypothesis of Natural Selection / Trans. by M. Cobb.* Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 516 p.

томов на французском и английском языках. И эта работа свидетельствует о его бескомпромиссных научных стандартах и неиссякаемой интеллектуальной любознательности. Член различных академий, в том числе академии «Леопольдина», Международной академии философии науки, Международной академии истории науки, Жан Гайон оставался активным до последних дней своей жизни.

А.В. Самокиш

In the memory of Jean Gayon (15.06.1940–28.04.2018)

In April 2018, French philosopher and historian of biology Jean Gayon, a member of the editorial board of the journal “Istoriko-biologicheskie issledovaniia”, passed away at the age of 68. The world-renowned expert on Darwinism, the man who formed the links between philosophers and historians of life sciences, he actively collaborated with Russian historians. With some interruptions, he participated in the work of the editorial board since the creation of the magazine in 2009 and was among its first members.

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

DOI: 10.24411/2076-8176-2019-12007

Владимир Амалицкий: история сенсационного открытия и его судьба спустя столетие

С.П. Рудая

Государственный университет инфраструктуры и технологий, г. Киев, Украина;
svetlana.ruda@yahoo.com

Научная биография геолога и палеонтолога Владимира Прохоровича Амалицкого (1860–1917)¹ находится в ряду многих книг об учёных, написанных В.И. Оноприенко. Он — один из лидеров серии РАН «Научно-биографическая литература» издательства «Наука», в которой опубликованы около десяти его монографий или написанных в соавторстве книг о выдающихся естествоиспытателях XIX–XX вв.: Ф.Н. Чернышеве (1984), П.А. Тутковском (1987), Н.И. Андрусове (1990), Г.Д. Романовском (1995), Б.Б. Голицыне (2002), В.И. Лучицком (2004), К.В. Симакове (2006), Ю.А. Билибине (2009), Я.В. Самойлове (2015). Выходили книги, посвящённые учёным, и в других издательствах — «Мысль», «Недра», «Наукова думка», в том числе и в «Lambert Academic Publishing» (Германия), где напечатана рецензируемая книга. Здесь следует назвать «Век Яншина» (2011), «Николай Барбот де

Валентин Оноприенко

**Владимир Амалицкий.
Пермские динозавры
России**

 LAMBERT
Academic Publishing

¹ Оноприенко В.И. Владимир Амалицкий. Пермские динозавры России. Саарбрюккен (Германия): Lambert Academic Publishing, 2018. 274 с.

Марни (1832–1877), Русский геолог-путешественник» (2017), «Вице-президент Академии наук Украины геолог Николай Свитальский (1884–1937): трагическая судьба в эпоху репрессий» (2018), «Юрий Оноприенко, геолог, палеонтолог, методолог» (2019).

В.И. Оноприенко сумел проследить годы установления В.П. Амалицкого как учёного, хотя об этом сохранилось мало документов и сведений. Он происходил из знатной, но обедневшей семьи. Считается, что среди его предков были русские Рюриковичи и Гедиминовичи. Это был, безусловно, способный мальчик и юноша, но рано потерявший отца и из-за недостатка средств проживавший до девяти лет в г. Мстиславле вместе с матерью Елизаветой Васильевной, происходившей из обедневшей ветви княжеского рода Полубинских. Помог ему получить хорошее образование его дядя, врач П.В. Полубинский. Владимир успешно учился в элитных гимназиях Санкт-Петербурга. Повезло и в Санкт-Петербургском университете: Амалицкий оказался в самой известной научной школе России, которую возглавлял талантливый педагог и выдающийся геолог, профессор А.А. Иностранцев, оставивший Амалицкого после окончания курса на кафедре для подготовки к профессорскому званию.

В. П. Амалицкий (1860–1917)
V.P. Amalitsky (1860–1917)

Судьбоносное значение в творческой биографии В.П. Амалицкого сыграло и его деятельное участие в знаменитой Нижегородской почвенной экспедиции ещё одного лидера Санкт-Петербургского университета, профессора В.В. Докучаева. Эта многолетняя экспедиция дала России плеяду молодых талантливых исследователей — геологов, географов, ботаников, почвоведов. Амалицкий нашёл в ней объект исследований всей своей жизни — пермские континентальные отложения.

Материал, собранный Амалицким в экспедиции, постепенно оформляется в крупную работу «Отложения пермской системы Окско-Волжского бассейна», ставшей его магистерской диссертацией. В 1887 г. Амалицкий становится магистром геологии и хранителем Геологического кабинета Петербургского университета, начал читать курс палеонтологии. В 1890 г. тридцатилетний Амалицкий получает кафедру геологии в Варшавском университете, реорганизует Геологический кабинет, вводит в правило постоянные экскурсии со студентами в окрестности Варшавы, создаёт научный кружок, оживляет деятельность Варшавского общества естествоиспытателей.

В книге скрупулезно описан путь учёного к одному из самых замечательных российских открытий в конце XIX века. Оказавшись в Варшаве. Амалицкий не прекращает работ по северу Европейской России и открывает замечательную особенность развития растительного и животного мира в пермскую эпоху на территории России. Оказывается, что в нижнепермских отложениях останки животных и растений носят древний характер и происходят непосредственно от форм предыдущей эпохи — каменноугольной.

В 1892 г. В.П. Амалицкий защитил в Петербургском университете диссертацию на степень доктора геогнозии на тему «Материалы к познанию фауны пермской системы России», в которой доказывает, что изучение верхнепермской фауны может быть выполнено лишь при сравнении её с фауной южных материков. Принятые среди геологов эталоны руководящих форм ископаемых фаун из отложений европейских стран, главным образом Германии, оказались непригодны для сравнения с нашей фауной, поскольку история её происхождения и развития носит существенно иной характер. В 1894 г. Амалицкий много работает в Британском музее, изучая ископаемую фауну континентальных отложений Южной Африки и Гондваны (Индия). Музейные изыскания укрепили его в выводе: растительность и животный мир в верхнепермское время на севере Европейской части России были близкими с южноафриканскими. На южных материках, особенно в Южной Африке, в пермских отложениях найдено множество разнообразных ископаемых наземных позвоночных — земноводных и пресмыкающихся. Пресмыкающиеся принадлежат к большой вымершей группе тероморф или зверообразных, названных так за черты сходства с млекопитающими. Амалицкий предсказывает, что верхнепермские отложения России также должны содержать зверообразных рептилий, сходных с южноафриканскими. Нужны систематические поиски, и тогда сходство жизни прошлого на территории России и Южной Африки будет доказано.

Эта гипотеза показалась фантастичной современникам В.П. Амалицкого. Но он решает доказать её систематическими полевыми исследованиями континентальных пермских отложений на северо-востоке Европейской России. Всё свободное от преподавания каникулярное время в течение четырёх лет в небольшой лодке с двумя гребцами Амалицкий с молодой супругой Анной Петровной (урождённой Курдюмовой, дочери известного генерала от кавалерии П.А. Курдюмова), ставшей его единомышленницей и постоянным спутником в экспедициях, тщательно обследуют по рекам Сухоне, Северной Двине и Вытегре все выходы пермских пород.

Первые годы поисков не дали убедительных результатов, тем не менее, Амалицкий продолжал их.

Амалицкий находит на Сухоне и у слияния Юга и Северной Двины новые палеонтологические остатки — отпечатки листьев глоссоптерисов, раковины антракозид и обломки костей пресмыкающихся типа южноафриканских тероморф. На Северной

Двине среди пёстрых глин он обнаружил огромные линзы рыхлых песков, содержащие стяжения твёрдого песчаника. Он установил, что песчаные линзы в обрывах однообразной толщи мергелей и глин представляют собою поперечные сечения древних русел водных потоков пермского времени, промытых в толще глинистых осадков и заполненных песками — показателями более быстрого течения, и решил сосредоточить свои поиски именно на этих линзах в расчёте на то, что остатки наземной флоры и фауны, скорее всего, могут быть встречены в русле древней реки.

На происходившем в 1897 г. в Санкт-Петербурге Международном геологическом конгрессе В.П. Амалицкий сделал доклад о своих работах и представил найденные им остатки ископаемых растений и кости пресмыкающихся. Среди иностранных делегатов были видные исследователи пермской флоры и фауны Южной Африки, которые признали правоту Амалицкого и поддержали его идеи.

В 1898 г. Амалицкий нашёл в конкрециях наиболее крупной линзы песков Соколки на Малой Северной Двине, у деревни Ефимовской, близ г. Котласа, множество превосходных отпечатков листьев глоссоптерисов и челюсть крупного растительноядного пресмыкающегося с хорошо сохранившимися зубами — парейазавра. В то время парейазавры были известны только из пермских отложений Южной Африки и считались наиболее типичными представителями южноафриканской пермской фауны.

В 1899 г. Амалицкий начал на Малой Северной Двине раскопки местонахождения Соколки. В то время опыта серьёзных палеонтологических раскопок ни в России, ни за рубежом не было. Амалицкий путём проб и ошибок нашёл правильный путь

Рис. 1. Северодвинские раскопки В.П. Амалицкого
Fig. 1. Severodvinsk excavations of V.P. Amalitsky

вскрытия сверху больших площадок пласта, заключающего кости, и постепенной разработки последнего. Он начал разрабатывать линзу уступами.

Вначале раскопки не обещали большого успеха. Собранные с поверхности ископаемые были немногочисленны. После месяца работы было извлечено множество конкреций самой причудливой формы — нередко огромных размеров, но все они не содержали органических остатков. Отчаявшись найти кости в богатой конкрециями средней части линзы, Амалицкий перенёс раскопки к её северной части и сразу же наткнулся на большую конкрецию, заключающую полный череп парейазавра, за которой тянулся ещё ряд конкреций. Оказалось, что в этом месте плотно сцементированный песчаник облекал целый скелет около 4 м длины, лежавший на спине. Тем временем и в средней части разреза линзы раскопки дошли до её центра, где было найдено несколько полных скелетов, лежавших тесно друг к другу. Сначала были вскрыты три скелета, принадлежавших крупным хищным пресмыкающимся — горгонопсиям, а под ними ещё три скелета травоядных парейазавров. Всего было найдено пять цельных скелетов, пять скелетов менее полных и много скоплений конкреций с костями и черепами, принадлежащими как рептилиям, так и древним земноводным — стегоцефалам. Общий вес добытых конкреций с костями составил 1200 пудов.

Амалицким пришлось пережить в связи с раскопками волну невежественных слухов и обвинений в свой адрес, распространившихся в окрестных деревнях.

Мюнхенская академия (Германия) предложила Владимиру Прохоровичу неограниченный кредит на продолжение раскопок и любую цену за собранный материал.

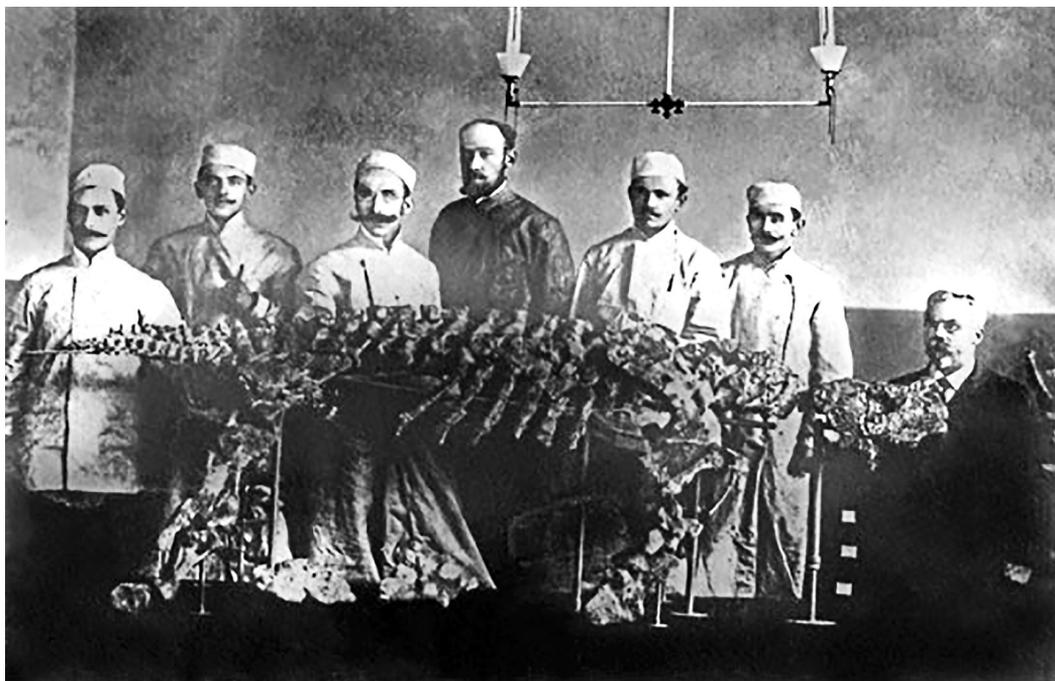

Рис. 2. У первого отпрепарированного скелета иностранцевии:
в центре профессор А.А. Иностранцев, справа В.П. Амалицкий и препараторы
Fig. 2. At the first prepared skeleton of Inostrancevia: professor A.A. Inostrantsev in the center,
V.P. Amalitsky and preparators on the right

С подобным предложением выступил и Британский музей, но Амалицкий отказался, считая, что коллекция должна остаться в России. Однако были проданы два скелета: один в Германию за 20 000 марок, другой — Миланскому музею за 40 000 франков. Для продолжения раскопок требовались большие деньги.

Эту проблему удалось решить профессору А.А. Иностранцеву, президенту Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. При содействии императорской семьи было исходатайствовано пособие на продолжение раскопок и обработку материалов в размере 10 000 рублей в год в продолжение пяти лет. Это была неслыханная сумма на проведение научных исследований.

При возвращении в Варшаву на первый план выступили проблемы хранения полученных материалов и их обработки. Амалицкий создаёт препараторскую мастерскую. Амалицким в Варшавском университете была создана Северодвинская галерея. Коллекция неудержимо росла, и Владимир Прохорович принимает решение о передаче её Российской Академии наук. В 1908 г. было достигнуто соглашение между Академией наук и Советом Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, по которому все коллекции Амалицкого и заботы по препарировке и продолжению раскопок передаются в ведение Геологического музея академии. Однако передача затянулась. Галерея была спасена Амалицким от немцев в 1914 г.: перевезена сначала в Петроград, а позднее в Москву, где является основным отделом Палеонтологического музея.

Часть собранных коллекций Амалицкий успел обработать сам, но смерть от сердечного приступа 15 декабря 1917 г. помешала ему закончить работу. Амалицкий оставил огромное научное наследие — необработанные коллекции, незавершённое описание ископаемых животных. В начале 1920-х гг. была создана специальная комиссия по северодвинским раскопкам. Возглавил эту комиссию президент Академии наук СССР академик А.П. Карпинский. Комиссия была создана для того, чтобы спасти невывезенные с Северной Двины богатейшие материалы раскопок. Благодаря работе этой комиссии увидели свет несколько рукописных работ Владимира Прохоровича. В основном это труды с описанием останков представителей открытой им фауны позвоночных.

В рецензируемой книге описаны не только путь и обстоятельства великого открытия, но и выдающаяся роль В.П. Амалицкого как директора Варшавского политехнического института, дважды эвакуированного в начале XX в. в Россию, и его плодотворная деятельность как руководителя Комиссии по устройству новых высших учебных заведений.

Велика роль в открытии и трудах Амалицкого его жены Анны Петровны. Она всей душой поверила в его научные прогнозы, обрела профессиональные навыки, вступила в Варшавское общество естествоиспытателей, участвовала в труднейших экспедициях и раскопках. Оставшись без мужа, без всяких средств к существованию, на юге России, где бушевала жестокая гражданская война, она в полной мере испила чашу тогдашних бед. С учреждением Северодвинской комиссии РАН для обработки научного наследия В.П. Амалицкого по личному указанию академика А.П. Карпинского её с огромным трудом разыскали, и она начала эффективно работать в Комиссии, участвовала в спасении оставленных на Северной Двине огромных коллекций. Северодвинская галерея была смонтирована к сессии Международного геологического конгресса, и Анна Петровна закончила свой жизненный путь в стенах Палеонтологического музея рядом с бесценными сокровищами, добытыми её супругом.

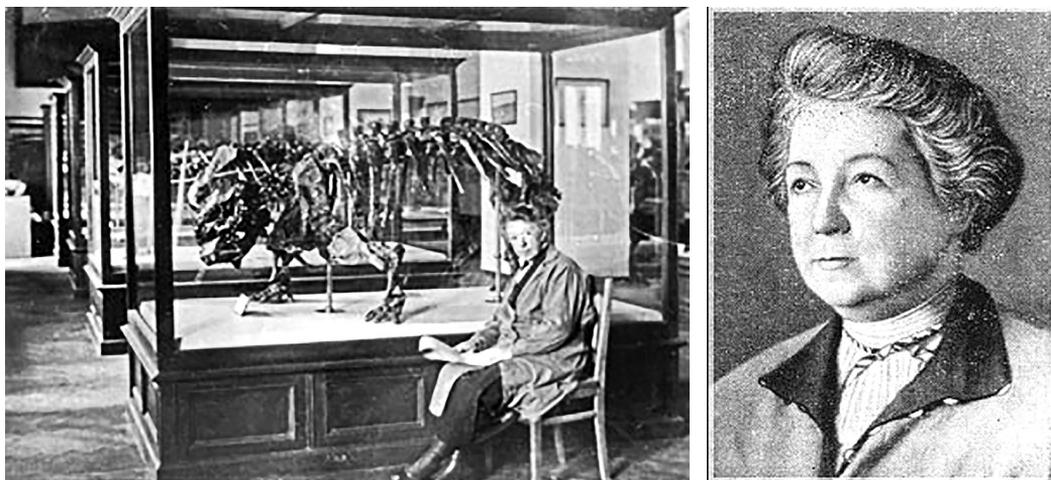

Рис. 3. Анна Петровна Амалицкая
Fig. 3. Anna Petrovna Amalitsky

В научных биографиях, написанных В.И. Оноприенко, исключительное внимание придаётся доказательной аргументации при реконструкции научного вклада учёного. В книге об Амалицком это сделано на оригинальной основе. Автор пишет, что смысловой осью книги является сопоставление сделанного В.П. Амалицким открытия с учением И.А. Ефремовым о тафономии, учением о захоронениях палеонтологических остатков (с. 6).

Первую основательную ревизию результатов северодвинских раскопок и исследований находок провёл в 1940 г. И.А. Ефремов. Она достаточно радикальна, но, тем не менее, объективна. Естественно, за истекшие десятилетия она тоже должна быть скорректирована. И.А. Ефремов рассматривал коллекцию пермских наземных позвоночных из песчаных линз Малой Северной Двины Соколки и Завражье близ г. Котласа наиболее богатой из всех остальных собраний пермских *Tetrapoda* СССР и одной из крупнейших в мире. Основная масса объектов северодвинской фауны была добыта раскопками В.П. Амалицкого.

К сожалению, степень изученности северодвинской фауны на то время не соответствовали богатству и полноте имеющегося материала. Работы В.П. Амалицкого и П.А. Православлева устарели и во многих положениях оказались неверны, так как были выполнены геологами, а не специалистами-палеонтологами. Начатое П.П. Сушкиным переизучение северодвинской фауны далеко не было доведено им до конца. Кроме того, П.П. Сушкин, являясь крупнейшим морфологом, уделил мало внимания систематико-фаунистической стороне работы и не ставил себе целью охватить изучением весь имеющийся по той или иной группе материал, оставшийся во многих деталях не отпрепарированным.

Важность фауны позвоночных для стратиграфии континентальных толщ перми и в настоящее время уже ни в ком не возбуждает сомнения. Большое количество работ советских и иностранных специалистов, посвящённые вопросам стратиграфии континентальной перми, содержат списки фауны татарского яруса, в которых бросается в глаза обилие видов северодвинской фауны.

Раскопочные работы в Соколках по масштабам и объёму уникальны для палеонтологии России, не превзойдены до сих пор и явились поворотным моментом в истории изучения фаун российской перми.

За последние десятилетия были детально переизучены многие старые материалы из богатейших собраний Палеонтологического института, проведён ряд весьма результативных полевых раскопок, доставивших новые коллекции, детально исследованы многочисленные разнообразные по генотипам местонахождения тетрапод, монографически обработаны почти все важнейшие группы тетрапод поздней перми Восточной Европы. Существенно пополнились списки изученных форм.

Заслуживает внимания ещё одно достижение В.П. Амалицкого, на которое обратили внимание в последнее время. Речь должна идти о том, что он, выделив палеогеографическую провинцию, объединяющую пермские отложения России и других материков, стоял у истоков идей палеозоографии. Ныне трудно переоценить его вклад в развитие таких направлений геологии, как палеогеография, палеозоогеография и эволюция биосферы в целом. Его основным убеждением было то, что длительные периоды постепенных изменений рельефа Земли можно коррелировать с относительно спокойным развитием живых организмов, и лишь эпизоды орогенической активности оказывали влияние на драматические трансформации биосферы.

Эти общие идеи получили новое обоснование в работах его студента в Варшавском университете, впоследствии профессора Харьковского университета Дмитрия Николаевича Соболева, детально рассматривавшего условия, при которых происходили и происходят изменения в экосистеме Земли. По материалам этих публикаций Соболева признали создателем теории синтетического неокатастрофизма². В своей главной трехтомной монографии 1926–1928 гг. Соболев представил модель циклической эволюции биосферы, обусловленной циклами орогенеза.

Сильной стороной книги является выявление преемственности развития в науке путем выделения линии Амалицкий-Ефремов. И.А. Ефремов — первый биограф Амалицкого, тонко уловивший мотивы его деятельности в науке. Естественно, что он, как последователь Амалицкого, точно установил ошибки и недостатки достижений последнего. Так и должно быть в науке. Но его критика Амалицкого — не ниспровергающая и отрицающая, а вполне конструктивная, ведущая к новому знанию. Путь Ефремова в науке стал путём нового поколения исследователей, продвигающихся вперёд.

Изучая детально условия захоронения наземных позвоночных, Ефремов сделал вывод, что останки древних позвоночных могут сохраняться до современности лишь в определённых условиях: количественного расцвета форм и наличия большого числа особей; массовой гибели количественно богатой фауны при усилении неблагоприятных условий или миграциях; наличия в данном пункте поверхности материка условий, способствующих концентрации скелетных остатков (дельты рек, заводи, многочисленные временные потоки, снос в озерные бассейны и т. п.), и достаточной скорости процесса захоронения во избежание разрушения остатков; нормального хода процессов литификации или окаменения, обеспечивающих полную минерализацию остатков; сохранения костеносных толщ в литосфере и их последующего выведения на дневную поверхность. Это означает, что необходимо совпадение многих обязательных условий,

² Kolchinsky E.I. D.N. Sobolev — Begründer der ersten Konzeption des synthetischen Neokatastrophismus // Darwinismus und/als Ideologie. Berlin: Verlag für Wissenschaft und Bildung, 2001. P. 168–178.

Рис. 4. И.А. Ефремов на полевых работах
Fig. 4. I.A. Efremov in the field work

Учение о захоронениях Ефремов назвал тафономией (от греч. *τάφος* — «могила, погребение», и *νόμος* — «закон») — раздел палеонтологии, изучающий закономерности процессов захоронения (образования местонахождений) ископаемых остатков организмов. Поскольку образование местонахождений протекает в биосфере и литосфере, постольку методы тафономии также двойственны и лежат в области биологии и геологии. Для тафономии имеет исключительное значение неполнота геологической летописи, впервые отмеченная Ч. Дарвином. Помимо неполноты самих остатков, сохраняющих обычно лишь твёрдые части скелета, органический мир прошлого представлен в захоронениях незначительной частью существовавших ранее животных и растений. Поэтому местонахождения как документы палеонтологии не менее важны, чем сами ископаемые остатки. Каждое местонахождение — это как бы окно в прошлое, позволяющее через литосферу уловить характерные черты биосферы минувших геологических эпох.

Среди тех, кто привёл Ефремова к формулировке задач и методологии исследования тафономии, он всегда называл В.П. Амалицкого, который был очень далёк от всякого теоретизирования. Но Амалицкий провёл сравнительное изучение позднепермских моллюсков-двустворок Европейской части России и Южной Африки. Ему было известно, что в южноафриканских местонахождениях раковины двустворчатых моллюсков встречались вместе с многочисленными останками позвоночных. На основании сходства двустворок Амалицкий заключил, что в красноцветных отложениях Европейской части России должны быть найдены пресмыкающиеся, близкие к южноафриканским. Крупнейшие раскопки, впервые проведённые в России, блестяще

подтвердили его научное предвидение: открытая Амалицким богатейшая фауна наземных позвоночных получила мировую известность.

В книге проводится мысль, что В.П. Амалицкий при обработке коллекций ставил перед собой не столько исследовательские цели, а скорее демонстрационные: он был захвачен возможностями европейских музеев.

Автор книги об Амалицком оценивает создание тафономии как крупное достижение, определяющее перспективу развития палеонтологических исследований в единстве описательных и теоретических подходов. Оформление тафономии состоялось в ряде публикаций Ефремова, в том числе в монографии, отмеченной Сталинской премией. Тем не менее, нельзя сказать, что тафономия органически вошла в методологическую базу палеонтологии. Сам Ефремов обращал внимание на то, что тафономия появилась преждевременно, он полагал, что лет на двадцать он опередил время. Но прошло много больше десятилетий, а богатые идейные ресурсы тафономии далеко не используются. Для освоения тафономии необходима разносторонняя, в том числе методологическая, подготовка специалистов, а также реальные, разработанные образцы исследований, которых пока явно недостаточно. Тафономическое направление получило развитие в работах учеников и последователей Ефремова, поскольку последний долгое время возглавлял исследования по древнейшим позвоночным. С уходом Ефремова из института это направление постепенно выклинивалось. Так что задачи раскрытия спектра перспектив тафономии пока не реализованы и требуют новых подходов для их реанимации и расширения.

Книга о В.П. Амалицком богата подробностями становления крупного учёного, и всё-таки главное её значение заключается в раскрытии проблемных полей истории науки, которые открывают широкие горизонты научного прогресса.

Vladimir Amalitskii: the history of the sensational discovery and its fate a century later

S.P. RUDAIA

State University of Infrastructure and Technologies, Kiev, Ukraine;
svetlana.rudaia@yahoo.com

The scientific biography of the geologist and paleontologist Vladimir Prokhorovich Amalitskii (1860–1917) is in the series of many books about scientists written by V.I. Onoprienko. V.I. Onoprienko was able to trace the years of the evolution of V.P. Amalitsky as a scientist, despite the fact that there are few documents and information about this. The book's main significance lies in discovering the problematic fields of the history of science, which open up broad horizons of scientific progress.

С днём рождения, Сергей Георгиевич!

4 апреля 2019 г. исполнилось 80 лет члену редколлегии нашего журнала, академику РАН Сергею Георгиевичу Инге-Вечтомову — учёному-генетику, директору Санкт-Петербургского филиала Института общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН, вице-президенту Вавиловского общества генетиков и селекционеров (ВОГИС), заслуженному деятелю науки РФ.

С.Г. Инге-Вечтомов родился в 1939 г. в семье поэтов Юрия Алексеевича Инге и Елены Андреевны Вечтомовой. Ленинградцы знают и помнят, что в первый день Великой Отечественной войны городское радио передало стихотворение «Война началась», которое краснофлотец Юрий Инге заранее написал, уходя в свой первый и последний боевой поход.¹ Вместе с кораблем «Вальдемарс» он погиб 28 августа 1941 г. Сына Сергея вырастила мать, чью фамилию он позже прибавил к фамилии отца.

С.Г. Инге-Вечтомов окончил биолого-почвенный факультет Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова в 1961 г. и был оставлен в аспирантуре кафедры генетики. С этой кафедрой связана вся дальнейшая жизнь учёного вплоть до сегодняшнего момента. После смерти своего учителя М.Е. Лобашёва С.Г. Инге-Вечтомов с 1973 г. руководил этой кафедрой более сорока лет, а с 2016 г. является почётным профессором университета. Многие биологи Санкт-Петербурга учились непосредственно у Инге-Вечтомова, а ещё больше в стране тех, кто учился по его учебникам «Введение в молекулярную генетику» (М., 1983), «Генетика с основами селекции»

¹Текст см.: <http://tallinskij-perehod.ru/news.php?readmore=67>

(М., 1989; второе издание — СПб, 2010), «Частная генетика дрожжей-сахаромицетов» (совместно с Т.С. Карповой, М., 1993), «Общая генетика» (СПб., 2007), и так далее.

Трудно перечислить замечательные книги, статьи, доклады и другие научные и организационные достижения С.Г. Инге-Вечтомова. Добавим лишь, что в 1989–2012 гг. он был заместителем председателя Президиума Санкт-Петербургского Научного центра РАН, и что он является главным редактором основанного им в 2003 г. журнала «Экологическая генетика» и председателем Научного совета по генетике и селекции РАН. Инге-Вечтомов известен как непреклонный борец с лженаукой и особенно с её уродливым отечественным порождением — лысенкоизмом².

Для нас особенно важно, что Сергей Георгиевич отдает много сил проблемам истории науки. С 2010 г. он председатель Санкт-Петербургского отделения Национального комитета по истории и философии науки и техники РАН, регулярно выступает с пленарными докладами на конференциях, организуемых Санкт-Петербургским филиалом Института истории естествознания и техники РАН, постоянно участвует в проектах, инициируемых сектором истории эволюционной теории и экологии СПбФ ИИЕТ РАН. Генетика и здесь, естественно, главная область его интересов. Ещё в 1970-е годы С.Г. Инге-Вечтомов скрупулезно изучил историю своей кафедры, выпустив, в частности, в 1978 г. сборник «М.Е. Лобашёв и проблемы современной генетики», посвящённый памяти учителя (в 1991 г. вышло дополненное издание с изложением многих

С.Г. Инге-Вечтомов и Э.И. Колчинский на банкете после презентации журнала «Историко-биологические исследования» в ходе Международной научной конференции «Чарльз Дарвин и современная биология» (Санкт-Петербург, 21–23 сентября 2009 г.)

S.G. Inge-Vechtomov and E.I. Kolchinskii at the banquet after the presentation of the journal "Studies in the History of Biology" during the International Scientific Conference "Charles Darwin and Modern Biology" (St. Petersburg, September 21–23, 2009)

² См., в частности: *Инге-Вечтомов С.Г.* Книга, после которой хочется вымыть руки // ИБИ. 2015. № 2. С. 109–112.

подробностей, о которых авторам не позволили сказать в годы «застоя»). В 1990 г. под его руководством состоялось первая крупная советско-американская конференция по истории науки, посвящённая памяти Ф.Г. Добржанского.

Интерес к истории генетики не угас у него и позже. Он был в составе авторского коллектива книги «История биологии: Методические материалы для подготовки к кандидатскому экзамену по истории и философии науки» (М., 2003), а в 2015 г. напечатал курс лекций «Ретроспектива генетики»³. С.Г. Инге-Вечтомов является деятельным членом редколлегии нашего журнала; хотя он не так часто публиковался на его страницах⁴, но активно и с огромной ответственностью участвует в рецензировании и редактировании статей по генетике. Наше сотрудничество особенно приятно, так как общение с ним всегда окрашено исключительной доброжелательностью, снабжённой тонким юмором и легкой иронией. Многие его характеристики текущих событий сразу становились крылатыми и прочно вошли в народный фольклор.

Рады поздравить Сергея Георгиевича с юбилеем, пожелать ему крепкого здоровья и счастливого долголетия, дальнейшей творческой деятельности, столь же плодотворной, как и в предыдущие годы, а также новых книг, учебников и побед на научном фронте. И ещё — любящих потомков, как «генетически наследственных» (что называется — по родной крови), так и «сигнально-наследственных» (говоря словами Михаила Ефимовича Лобашёва) — продолжающих его Дело в науке.

Наш поклон Вам, Сергей Георгиевич!

Редакция журнала «Историко-биологические исследования»

Happy Birthday, Sergei Georgievich!

Member of the Editorial Board of our journal, Academician of the Russian Academy of Sciences, geneticist Sergei Georgievich Inge-Vechtomov, turned 80 on April 4th, 2019. The editorial office is happy to congratulate Sergei Georgievich on his anniversary, and wish him good health, happy longevity, and further creative activity.

³ Наш журнал откликнулся на эту книгу рецензией: *Ермолаев А.И.* Этапы развития генетики // ИБИ. 2015. № 4. С. 154–158.

⁴ Например: *Инге-Вечтомов С.Г.* К 90-летию кафедры генетики и селекции Санкт-Петербургского государственного университета // ИБИ. 2010. № 1. С. 110–113; *Он же.* Леонид Кайданов // ИБИ. 2016. № 3. С. 57–58.

Читайте в ближайших номерах журнала

Степаньян О.В. Зоя Петровна Тиховская — первый альголог Мурманской биологической станции.

Мильчакова Н.А. Вклад В.А. Водяницкого в восстановление Севастопольской биологической станции и благоустройство города Севастополя после Великой Отечественной войны

Панова А.С., Айзман Р.И., Суботялов М.А. Развитие представлений о теории мочеобразования как предпосылки современной физиологии почек (17-сер. 20 вв.)

Трушин М.В. Борьба с гриппом в середине XIX в. в Казанской губернии

Подписной индекс журнала 57386 в каталоге НТИ («Издания органов научно-технической информации») агентства «Роспечать». Цена полугодовой подписки составляет 368 рублей. Редколлегия советует вам своевременно оформлять подписку на журнал «Историко-биологические исследования».